Дб
30
Т 78

ТРУДЫ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

Выпуск 35—Часть I-я

(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения

САРАТОВ 1926

)6
30
T78

ТРУДЫ

НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

Выпуск 35—Часть I-я

(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения

САРАТОВ 1926

Главлит АССРНП № 106. Тираж 600 экз.

332038

ГОР. ПОКРОВСК.
Типография «Немгосиздата»
1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

1. Т. М. МИНАЕВА и П. Д. РАУ. Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 г. . . . . 5—21

2. А. Н. КУШЕВА. Материалы для изучения культуры Сусловского могильника . . . . . 23—40

3. Б. В. ЗАЙКОВСКИЙ. Из монетной летописи н/Волжского края . . . . . 41—49

4. А. А. КРОТКОВ. Сферо-конические сосуды из археологического отдела Саратовского Обл. Государств. Музея . . . . . 51—65

5. П. АРЗЮТОВ. Памятники Золотоордынской эпохи в н/Поволжьи по данным раскопок и разведок 1924 г. . 67—78

6. П. АРЗЮТОВ.—К вопросу о так называемой «Рогожной» керамике (по материалам Археологического Отдела Саратовского Обл. Госуд. Музея) . . . . . 79—84

7. А. А. ГЕРАКЛИТОВ. Археологические памятники Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII—XVIII в. . . . . 85—86

ОТЧЕТ

об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году.

Т. М. Минаевой и П. Д. Рау.

Летом 1924 года проф. П. С. Рыковым было поручено нам обследовать в археологическом отношении среднее течение р. Тургуна. Разведки наши охватили прибрежный район от ст. Палласовки Р.-У. ж. д. до хут. Шульц. По этой линии расположены населенные пункты: села Ней-Веймар (в 5-ти верстах от Палласовки вниз по течению реки) и Альт-Веймар; хутора—Крахмал (в 15-ти верстах) и Шульц (в 23-х верстах). Первые три пункта находятся на правом, последний на левом берегу реки.

Рельеф исследованной местности крайне однообразен: повсюду ровная степь по которой разбросаны кочкообразные холмики, разбухшие от норок гнездящихся в них сусликов. У изгибов и поворотов реки ровные террасы, покрытые то более, то менее мощными наносами, образовавшимися частью от сползшего древнего берега, частью от половодий. Кое-где местность изрезана отлогими неглубокими оврагами и травянистыми впадинами, т. н. лиманами.

Берега реки осмотрены между ст. Палласовкой и с. Ней-Веймар; от с. Альт-Веймар—три версты вниз; от х. Шульц—пять верст вверх.

На этом пространстве обнаружены остатки древних культур: у с. Альт-Веймар в виде единичных находок черепков, от х. Шульц вверх, в разных местах на террасах, по обеим сторонам реки—в виде селищ и стоянок, и по всей местности в виде курганных групп.

Стоянки у р. Торгуна не похожи на распространенный и известный тип дюнных стоянок, которые дают обнаженные культурные слои или их просеянное содержимое и бывают легко находимы и доступны. Торгунские стоянки скрыты под почвой—в наносах террас и береговых скатов и только благодаря работе сусликов материал их попадает на поверхность или обнаруживается в обрывах берега.

Стоянок на отлогих скатах берегов обследовано две—на правом и левом берегу у х. Шульц. Остатки в обрыве берега обнаружены в четырех местах выше х. Шульц.

Стоянка на правом берегу, против х. Шульц, тянется узкой полосой вдоль террасы вверх, почти на целую версту. Культурный слой скрыт в слое почвы, мощностью от 0,5 м. до 0,8 м., но часть материала стоянки оказалась выброшенной сусликами на поверхность. Нами собраны черепки посуды как на поверхности, так и из небольшой траншеи, проложенной, приблизительно, в средине площади стоянки. Большинство из них без орнамента. Это черепки, обычно, крупного размера,

толстостенные, среднего обжига, причем закалина на наружной стороне черепка, глина без примесей. Орнаментированные обломки посуды имеют тот же обжиг, ту же чистую по составу глину, но стенки их несколько тоньше. Элементами орнамента являются – крупно и мелко-зубчатый чекан, мазок и маленькая ямочка. Среди черепков встретились обломки плоского дна, обломки боковых стенок и горла с сохранившейся закрайкой. Закрайка иногда ровная, иногда утоньшена. Судя по этим остаткам, сосуды данной стоянки были вполне аналогичны керамике стоянок и селищ бронзовой эпохи, довольно густо разбросанных по территории Саратовского Поволжья[1]).

Стоянка на левом берегу, несколько выше по реке, в полверсте от х. Шульц, у ската оврага, так же как и первая, скрыта под слоем почвы. В земле, выброшенной из канавы, перерезавшей стоянку вдоль, оказались черепки посуды бронзовой эпохи с орнаментом и без него и одно кремневое орудие нуклеивидный скребок, очень маленького размера (диаметр основания 1 ст.). Патина на нем серо-голубоватого цвета.

В полутора верстах от х. Шульц, в обрыве левого берега, нами были найдены черепки того же типа, что и на упомянутых стоянках, кости животных, обломки кварцита; находки редко рассеяны до глубины 0,75 ст. от поверхности.

В трех—четырех верстах от х. Шульц, на левом берегу реки, также были сделаны находки в обрыве берега: обломки кремня, кварцита и костей животных.

Еще дальше вверх по течению реки, на той же левой стороне, в береговом обрезе мы собрали черепки посуды бронзовой эпохи, кремневые и кварцитовые обломки. В 1922 году П. Д. Рау находил здесь обломки мелких кремневых орудий.

Курганы встречаются на всем протяжении исследованной нами прибрежной полосы—чаще в небольших скоплениях и кладбищах и очень редко в виде одиночных насыпей. Между ст. Палласовкой и с. Ней-Веймар, на левом берегу, имеется одна группа из 4-х насыпей; между с.с. Ней-Веймар и Альт-Веймар—несколько одиночных курганов; от Альт-Веймара к х. Шульц тянется почти беспрерывный ряд курганов и курганных групп.

Ради удобства при описании и большей точности курганы разбиты на группы и приурочены к населенным пунктам: три группы у с. Альт-Веймар—правобережная, левобережная и группа за оврагом—к З. от села; 2 группы у х. Крахмал 6 групп у х. Шульц—1, 2, 3 правобережные и столько же левобережных.

Курганы обследованной местности в большинстве случаев расположеыы в целинных степях (лишь две правобережные группы у с. Альт-Веймар были один год под пашней), что дает возможность более детально изучить их формы. Преобладают небольшие насыпи от 8—15 м. в диаметре и 25—30 ст. высоты. Но в каждой группе встречаются по одной или несколько насыпей более крупных размеров—до 2—2½ мет. высоты. Возле всех курганов заметны углубления, из которых взята земля для сооружения могильного холма. Углубления эти или окружают кольцом основание кургана, или, в виде более или менее глубоких впадин, располагаются с одной стороны кургана, или же находятся в стороне от насыпи, причем их величина всегда стоит в соответствии с высотой кургана.

---

[1]) А. А. Спицын—Саратовские стоянки медного века—Труды Об-ва Ист, Арх. Этногр. при Сарат. Ун-те. вып. 34, ч. I.

Внешний вид могильного холма у разных курганов неодинаков. Относительно могил Торгуна можно установить три главнейшие формы насыпи: 1) насыпи, имеющие в вертикальном разрезе вид правильного сегмента, 2) насыпи с крутым северным и пологим южным склоном и 3) насыпи с плоской вершиной, имеющие форму невысокого круглого плато. Основание таких насыпей всегда правильная окружность. Насыпи с плоской вершиной, в форме плато, наблюдаются преимущественно в низинах, но в менее влажных. Их вершина смыта дождями, а края сохранили крутизну благодаря растительности, главным образом ковылю, растущему в этих низинах.

Поскольку позволяют заключать уже сделанные наблюдения, форма насыпи обусловливается не только географическими условиями места ее расположения, но находится в какой то зависимости от характера культуры, памятником которой является курган. Так, насыпи первого рода, т. е. имеющие в разрезе вид правильного сегмента, главным образом характерны для курганов поздне-кочевнических. Насыпи с плоской вершиной скрывают культуры более древние.

Среди Торгунских курганов замечены также в сильнейшей степени расплывшиеся насыпи, насыпанные быть может в бронзовую эпоху обитателями Торгунских стоянок.

Одной из главных особенностей Торгунских могил является часто встречающиеся случаи расположения их в низинах, где нередко застаивается весенняя вода. Такое положение имеет кладбище № 3 у х. Шульц, группа у с. Альт-Веймар (правый берег) и ряд маленьких групп и отдельных курганов по обеим сторонам реки. Следствием такого выбора места оказывается подчас чрезвычайная плотность насыпи и засыпки могильной ямы.

В упомянутых курганных группах нами раскопано у с. Альт-Веймар на правом берегу одна насыпь, на левом—пять насыпей; у х. Шульц в 1-й правобережной группе одна насыпь, в 3-й правобережной 3 насыпи и 3-й левобережной—2 насыпи. Всего вскрыто 12 курганов.

В выборе могил для раскопок нами руководило желание познакомиться с характером различных курганных групп, чтобы уяснить себе, какие культуры могут встретиться в данном районе. Кроме того, мы старались раскапывать самые низкие иногда едва заметные насыпи. Высота раскопанных нами курганов варьировала от 0,20 м. до 0,55 м.

За исключением кургана № 10 из 3-й левобережной группы у х. Шульц и впускного погребения кургана № 11 той же группы, о которых будет сказано ниже, все одиннадцать курганов оказались родственными по своему культурному облику, укладываясь в целом в скифо-сарматскую эпоху, хотя и отмечая в ней разные хронологические моменты.

Наиболее древним из этих курганов можно считать кург. № 2 (с. Альт-Веймар, левый берег реки), погребение которого было ограблено. Он характеризуется присутствием в насыпи костей коня со следами обжига, мелкой могилой, видимо, округлой формы и двумя бронзовыми трехгранными стрелами, сохранившимися в норке суслика от руки грабителя могилы. Одна из стрел имеет втулку и отверстие посредине одной из граней; другая полуразрушена, с черенком. Черепки сосуда, стоявшего возле могилы в насыпи, настолько мелко раскрошились, что не оказалось возможным не только реконструировать, но даже приблизительно представить форму сосуда, можно лишь отметить, что он был из грубой, плохо обожженой глины,

Поскольку позволяют заключать столь неполные данные, погребение аналогично некоторым из могил по реке Поповке (Тенетники), исследованным А. А. Бобринским [1]). Основанием считать его наиболее древним, по сравнению с другими могилами, о которых ниже, является находка двух бронзовых трехгранных стрел, которые в Саратовском Поволжье в курганах римской эпохи более не встречаются. Мы их находим в могилах на ряду с железными мечами с сердцевидным перекрестием (кург. № 5, погребение 3 у г. Покровска [2]) и керамикой скифского типа.

Курганы № 1, 3—9, 11—12 отображают собою культуры Н. Поволжья в эпоху римской империи. Они могут быть разделены на две хронологически последовательные стадии. К первой, ранней стадии относятся семь курганов:

Кург. № 3, 5, 6—с. Альт-Веймар, левый берег реки.
„ № 7, 9—х. Шульц, правый берег, 3-я курганная группа.
„ № 11—х. Шульц, левый берег, 3-я курганная группа.
„ № 12—х. Шульц, правый берег, 2-я курганная группа.

Ко второй, позднейшей, три кургана:

Кург. № 1—с. Альт-Веймар, правый берег.
„ № 4—с. Альт-Веймар, левый берег.
„ № 8—х. Шульц, правый берег, 3-я курганная группа.

В основу такой классификации вскрытых нами могил положен характер погребального инвентаря и отчасти ритуала. Классифицировать курганы Н. Поволжья рассматриваемой эпохи, с целью определения их места во времени, по форме могильного сооружения не представляется возможным. Судя по однохарактерности, иногда тождественности инвентаря, явно одновременные погребения полагаются в могилах самого различного устройства. К подобному выводу приводят сделанные наблюдения не только нае курганами Торгуна, но и Сусловского могильника [3]). Как среди первых, так и среди последних имеются несколько форм могил, как-то: квадратная, удлиненная, четыреугольная, как производная этой формы—удлиненная с заплечиками, округляя, могила с подбоем, при чем форма подбоя варьирует, но погребальный инвентарь—керамика, предметы вооружения и украшения идентичны. Ритуал погребения, характеризуемый присутствием при покойнике костей барана, чаще лопатки, с железным ножем, посыпки ложа покойника известью, так же об'единяет погребения из могил разного устройства. Группировка погребений по формам могил создала бы пестроту, затемняющую картину эволюционного развития культур Н. Поволжья рассматриваемой эпохи.

Может ли такое явление быть обусловливаемо социальной градацией погребенных или же пестротой племенного состава населения—пока судить рано, для того еще материала далеко недостаточно.

Могильные сооружения курганов первой стадии могут быть разбиты на четыре типа.

I. Могила с подбоем. К этому типу относятся три могилы: кург. № 6, 7, 12. Формы, как подбоя, так и могильного входа этих трех курганов не повторяют буквально друг друга. Курган № 6 имел могилу с подбоем в западной стенке. Могильный вход в форме удлиненного овала, ориентированного по линии Ю—С. Подбой, дно которого несколько глубже дна входа, полусводчатой формы. От входной ямы

[1]) Бобринский—Курганы и случайные находки близь м. Смелы, т. II, гл. VIII.
[2]) Раскопки проф. П. С. Рыкова.
[3]) См. П. Рыков—«Сусловский курганный могильник». Саратов, 1925.

он отделялся заслоном из деревянных брусьев и веток. Могильный вход сверху был прикрыт плахами в продольном направлении. Могила кургана № 7 была с полусводчатым подбоем весьма незначительных размеров. Могильный вход в форме четыреугольной ямы с закругленными углами, ориентированной с ЮЗ на СВ. Могильная яма кург. № 12 имела подбой в виде четыреугольного ящика в С. З. стенке по длине короче могильного входа. Входная яма неправильно-овальной формы, ориентирована с ЮЗ на СВ. В юго-восточной стенке оказался второй подбой неустановленной формы, дно которого было на 15 см. выше дна могильного входа. Признаков заслона или верхнего покрытия не было.

II. Четыреугольная широкая могила с заплечиками. Этот тип выявлен одним курганом № 11. Могильная яма этого кургана делилась на две части: первая, верхняя, представляла широкий четыреугольник, с весьма тщательно обработанными стенками. На глубине 2,53 м. могила сужилась благодаря заплечикам. В этой нижней части ее помещался деревянный склеп в форме прямоугольного ящика ориентированного с С на Ю. Стенки его были сделаны из толстых дубовых досок, по углам скрепляемых крупными дубовыми столбами. Потолок поддерживался толстыми балками продольного направления и заплечиками. Балки при раскопке оказались провалившимися почти на дно могилы. Судя по тому, что угловые столбы были значительно выше уровня заплечиков, можно предположить, что склеп имел не только потолок, но и крышу, поддерживаемую этими столбами. Этот тип погребального сооружения вполне совпадает с V группой могил Сусловского могильника, отличаясь от последних большими размерами. Замечание проф. П. С. Рыкова о том, что эти могилы «были изготовляемы более богатыми семьями»[1]), подтверждается и погребальным сооружением и инвентарем данной могилы.

III. Могила в форме сильно удлиненного овала. Такая форма встретилась в курганах № 5 и 9.

IV. Могила круглой формы. Тип выявлен одним курганом № 3. В яме было устроено некоторое подобие склепа в виде круглой плетенки из веток, перекрытой плашками.

Положение костяков во всех могилах первой стадии оказалось одинаковым: на спине, вытянутое, с руками вдоль туловища (случаи, когда костяк потревожен сусликами или при ограблении могилы, не принимаются во внимание). Ориентировка их разнообразна. Три костяка были ориентированы на Ю: два на ЮЗ и один на З.

Как общую для большинства погребений первой стадии черту ритуала должно отметить присутствие при погребенных костей барана с железным ножом. Посыпка ложа покойника известью оказалась в кургунах № 6, 7, 11 и 12.

Могилы этой стадии имели довольно богатый количественно инвентарь, к описанию которого мы и переходим.

КУРГАН № 3.

1) Обломки железного кинжала. Рукоять не сохранилась.

2) Железные удила с железными кольцами.

3) Точильный брусок четырехгранной формы со сверлиной у одного конца. Длина 13,5 см. Нижний конец сильно сточен.

[1]) П. С. Рыков—Сусловский могильник, стр. 3. Саратов, 1925 г.

КУРГАН № 5.

Могила была ограблена. Сохранились черепки от двух сосудов. Судя по этим черепкам, один из них был изготовлен на гончарном круге из серой тщательно промытой глины, сильного обжига, имел тонкие стенки и полированную наружную поверхность.

Второй сосудик был маленького размера с перехваченной шейкой и отогнутым краем из глины грубо отмученной, плохого обжига.

КУРГАН № 6.

1) Маленькая плошка с прямым низким бортом и очень узеньким плоским дном. Глина тонко промыта, сильного обжига. Внутренняя и внешняя поверхности отполированы.

2) Горшок с прямой высокой шейкой и рельефным бортом по наружной стороне края. Высота 16 см. Глина серого цвета, сильного равномерного обжига. Наружная поверхность отполирована. Изготовлен на гончарном круге.

3) Горшок грушевидной формы. Отогнутый край срезан волнообразно. Высота 16 см. Глина грубая, темно-серого цвета, обжиг слабый.

4) Глиняное шаровидное пряслице.

5) Несколько десятков линзовидных бус голубой окраски.

КУРГАН № 7.

1) Кружка грушевидной формы с утоньшенным отогнутым краем и кольцевидной ручкой с боку. Высота кружки 11 см., диаметр ручки 2 см. Глина темносерого цвета тонко промытая, хорошего обжига. Наружная поверхность отполирована.

2) Шаровидный горшочек с цилиндрической шейкой. Высота 8,5 см. Глина грубая. Наружная и внутренняя поверхности прокалены до красна. Вылеплен от руки.

В этой же могиле находились черепки от двух кувшинов из тонко отмученной серой глины сильного равномерного обжига с отполированной наружной поверхностью.

3) Железные трехперые наконечники стрел со стержнями.

4) Бронзовая круглая пряжка, диаметром 3 см. с прямой иглой.

5) Маленькая конусовидная подвеска из кости со сверлиной посредине.

6) Бронзовая пластинчатая обойма длиною 3 см., шириною 2,5 см. Небольшое железное плоское кольцо. Две последних вещи являются остатками какого-то предмета, лежавшего на груди мальчика.

КУРГАН № 9.

1) Железная круглая пряжка диаметром 2,5 см. с прямой иглой.

2) Пять железных трехперых стрел.

3) Железный полуразрушенный предмет в виде кельта, длиною 6 см., шириною у верхнего края 4 см.

4) Обломки узкого железного ножа.

КУРГАН № 11.

1) Крупный толстостенный горшок шаровидной формы с прямой низкой шейкой и отогнутым утолщенным краем. Глина грубая, плохого обжига.

2) Медный котел конической формы с двумя вертикальными дугообразными ручками у края, высота 21 снт.

3) Бронзовое фрагментированное зеркало с выступающим бортом на задней стороне Диаметр 18 см.

4) Бронзовое пряслице в виде невысокого цилиндра диаметром 2,5 см.; вокруг центральной сверлины пять сквозных дырочек.

5) Бронзовая маленькая подвеска в форме скифского котла на ножке с вертикальными ручками у края, украшенными тремя шишечками.

6) Бусы: а) из сердолика—крупные, шаровидные, цилиндрические, круглые, уплощенные: в) из стекла—цилиндрические, боченочные, круглые позолоченые, плоские, граненые: с) из коралла—мелкие цилиндрические и круглые; d) подвески крупных размеров из веточек коралла.

7) Обломки железного предмета, скорее всего ножа.

8) Полуразрушенный костяной предмет с плоским верхним краем, украшенным по сторонам зубчиками.

КУРГАН № 12.

1) Горшок шаровидной формы с воронкообразной шейкой. По плечикам врезанные круговые линии, ниже которых, в виде бахромы спускаются вертикальные параллельные нарезки. Глина серого цвета, высокого обжига, наружная поверхность отполирована, изготовлена на гончарном круге.

2) Кувшин с низкой шейкой и отогнутым краем. Высотою 20 см. Ручка отломана, наружная поверхность отполирована. По бокам орнамент в виде круговых горизонтальных бороздок, от которых спускаются попарно вертикальные.

3) Железный меч с кольцевидным навершием и брусовидным перекрестием. Длина вместе с рукоятью 40 см.

4) Железный кинжал с брусовидным перекрестием и таким же навершием. Длина с рукоятью 30 см.

5) Несколько трехперых железных стрел.

6) Круглая бронзовая пряжка диаметром 3 см.

7) Обломки железного ножа.

Первое место по количеству среди этих вещей занимает керамика, сопровождавшая за выключением кург. № 3 все погребения. Она делится на два резко между собой рознящихся сорта. Первый и количественно и качественно высший, характеризуется прежде всего изготовлением сосудов на гончарном круге. Техника приготовления и обжигания глины отличается высокими качествами: глина во всех случаях тщательно промыта, иногда особенно тонко отмучена, обжиг сильный, равномерно прокаливающий стенки, благодаря чему глина в изломе одноцветная. Окраска ее темно-серая. Наружная поверхность сосуда отполировывается, причем полировка не равнокачественна. В лучших случаях она придает поверхности блестящий черный цвет (кружка из кург. № 7), в худших—это только весьма тщательное сглаживание стенки сосуда, отчего она приобретает матовую серой окраски поверхность.

Формы керамики могут быть сведены к четырем видам: кувшин, горшок, кружка и плошка или чашка. Кувшины имеют или сильно раздутую, несколько сплюснутую сверху нижнюю часть и высокую прямую шейку, или же стенки основной части отлого переходят в довольно широкую и низкую шейку. Ручки их

го плоские, то двойные круглые или витые. Изгиб ручек обычно дугообразный, но в одном случае двойная круглая ручка оказалась согнутой в верхней части под прямым углом (кург. № 7). Профиль сосуда, какой бы формы он ни был, отличается правильностью и изяществом линии.

Предметы вооружения, встреченные в четырех курганах (№№ 3, 7, 9, 12), выражаются железными трехперыми стрелами и железными кинжалами с брусовидным перекрестием.

В наряде главную роль играют бусы, встретившиеся в кург. № 6 как украшение обуви и в могиле № 11 как ожерелье, украшение рукавов одежды и шаровар (см. дневник).

Для того, чтобы приобрести большую уверенность и более твердые основания в суждении о времени только что рассмотренных погребений, мы должны их поставить в общий ряд аналогичных им могил Н. Поволжья. Таковые имеются в значительном количестве. Мы разумеем здесь часть погребений Сусловского могильника (могилы V и VI групп) [1]), курган вскрытый И. Ф. Волковым бл. с. Большая Дмитриевка Атк. у. и курганы у с. Гусевки, Царицинского у. исследованные П. П. Грековым. Со всеми этими курганами Торгунские могилы связываются в однородное целое как формами погребальных сооружений, так и инвертарем, наибольшее значение в котором в этом смысле имеет керамика и предметы вооружения.

Дата Больше-Дмитриевского кургана дается его бронзовой кастрюлей и медным кованым котелком [2]), которые являются римскими фабрикатами ранне-императорской эпохи. В инвентаре Сусловских могил, родственных Торгунским, имеются предметы украшения и мелкие поделки, время распространения которых на основании исследований в Кубанской области и некрополей причерноморских колоний так же может быть определено ранней стадией римской эпохи. Укажем для примера на алебастровые сосудики с пластическими украшениями в виде зверей (кург. № 47) на мозаичные бусы (кург. № 57) на бронзовую тарелку римского производства из кургана, вскрытого в том же могильнике пастором Бератц.

Железные мечи с брусовидным перекрестием и кольцевидным навершием в древностях юга России и северного Кавказа, с которыми инвентарь могил Н. Поволжья в целом находится в теснейшей связи, датируется временем около начала нашей эры [3]).

На основании указанных данных мы и относим семь рассмотренных Торгунских могил к ранней стадии эпохи римской империи, полагая, что центральным временем их появления могли быть I—II в.в. нашей эры.

ВТОРАЯ СТАДИЯ.

Формы могильных сооружений и этой стадии разнообразны. Кург. № 1 имел могилу с полусводчатым подбоем. Могила кург. № 4 оказалась четыреугольной с закругленными углами, сужывающейся ко дну. Кург. № 8 имел весьма своеобразную яму в виде удлиненного овала с несколько втянутой одной стороной, отчего могила приобретала очертания человеческой подошвы. Ширина ее была столь незначительной, что для помещения в ней умершого пришлось слегка подбить одну из стенок.

---

[1]) П. С. Рыков.—Сусловский могильник. Саратов. 1925.
[2]) А. А. Спицын.—Археологический альбом. Рис. 20. З. А. О. т. VIII.
[3]) М. И. Ростовцев.—Скифия и Басфор. Лен., 1925 г.

Погребенные полагались на спине с вытянутыми ногами и руками вдоль туловища, исключая могилы № 1, где у умершего руки были скрещены на тазу, а ноги слегка согнуты в коленях.

Ориентировка в двух случаях на С (мог. № 4 и 8) в одном на ЮВ (мог. № 1).

Ритуал погребения, по сравнению с могилами первой стадии, несколько видоизменяется; не наблюдается посыпки ложа покойника или его самого известью и не считается обязательным, хотя и не воспрещается, полагать погребенному мясо барана с железным ножом.

Инвентарь погребения оказался бедным.

КУРГАН № 4.

1) Кувшин из желтой глины с прямой шейкой, утолщенным, слегка отогнутым краем и плоской широкой ручкой. Высота 25 ст. По верхней и нижней части шейки параллельные круговые бороздки. Изготовлен на гончарном кругу.

2) Маленькое блюдечко, диаметром 8 ст. из красной глины. Обе поверхности покрыты красной краской. Посредине дна дырочка.

3) Глиняное пряслице формой имитирующее горшочек.

4) Бронзовое зеркало диаметром 6 ст. По краю мелкие дырочки, густо посаженные. На задней стороне несколько концентрических линий.

5) Два спиральных обломка от бронзового проволочного предмета, скорее всего фибулы.

6) Бронзовые плоское маленькое колечко.

7) Железное круглое кольцо диаметром 6 ст.

8) Бусы: из коралла— цилиндрические: из гешира- граненые: из сердолика — шаровидные; из стекла—мелкие голубоватые, в виде кольчатых цилиндриков: и нек. др.

9) Две подвески: из сердолика конической формы и круглая золотая с ушком: ободок украшен зернью, в середине вставлено цветное стеклышко.

КУРГАН № 8.

1) Четыреугольный горшочек, высотою 4 см. Верхний край плоско срезан. На каждой из сторон врезан косой крест. У края двух противоположных сторон дырочки. Глина грубая, совсем слабого обжога.

2) Два сферроконических пряслица.

3) Одно глиняное цилиндрическое пряслице высотою 2 ст.

4) Створка речной раковины с куском мела и красной краски в ней.

5) Кусок мела конической формы со сбитым верхним концом. Длина его 5,5 ст., диаметр основания 3,5 ст.

6) Обломки железного предмета, скорее всего ножниц.

На основании такого скудного инвентаря определить хронологическое место могил оказалось бы довольно затруднительным, если бы на помощь не пришел материал более показательных погребнений сусловского могильника и курганов у дер. Машевки, Балашовского уезда, Саратовской губ., раскопанных А. А. Спициным в 1895 году [1]). Об'единяясь некоторыми вещами, как четыреугольные сосудики, железные ножницы, фибула, граненые бусы и деформацией черепов, с Торгунскими могилами, сусловские курганы и курганы у дер. Машевки выявляют дату их более определенно. Наиболее показательными в смысле датировки могил можно считать

[1]) ОАК, 1895 г.

бронзовые фибулы с плоской дужкой (сусл. кург. № 52), эмалевые фибулы с многогранным щитком, бронзовые круглые подвески (сусл. кург., № 6, 7), арбалетные фибулы (кург. № 12 у Визенмиллера), мечи без перекрестия, со стержнем. Железные трехперые стрелы более не встречаются, в позднейших могилах этой стадии их заменяют железные плоские (курган на Торгуне, раскопанный П. Д. Рау в 1921 г.). Глинятая посуда высокой техники также отсутствует; горшки находящиеся в могилах изготовлены от руки, довольно небрежно; формы их бедны, однообразны.

Эти данные и определяют время возникновения могил поздней стадии римской эпохи (III—IV вв. н. э.).

Вопрос об этнической принадлежности исследованных нами курганов может быть трактован только в общем обзоре памятников рассматриваемой эпохи на протяжении всего юга и юго-востока России, что, разумеется, не может войти ни в об'ем, ни в задачи данного отчета.

Погребения кургана № 10 и первое впускное в кургане № 11, как выше было указано, выделяются из группы курганов римского времени.

Первое из них было устроено в узкой и довольно глубокой могиле с полуовальными концами. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, руки вдоль туловища, головою на З. Вещей при нем не оказалось. Погребение было прикрыто накатником из дубовых и березовых досок, поставленных наклонно поперек могилы.

Впускное погребение кург. № 11 несколько разнилось от пред'идущего. Умерший погребен был, видимо, в сидячем положении, лицом к северу-востоку. Ему в могилу был положен череп лошади, причем нижняя челюсть лежала у ног, а остальная часть в засыпи над бедрами. Из вещей оказалось только маленькая круглая железная пряжка, да остатки железных удил.

Считать однородными между собою эти два погребения едва ли возможно, слишком существенна разница в ритуале. Как то, так и другое должно быть отнесено к разряду т. называемых позднекочевнических погребений, точная хронологическая датировка и этническая принадлежность которых не выяснены.

Дневник раскопок по среднему течению р. Торгуна, произведенных в 1924 г. П. Д. Рау и Т. М. Минаевой.

КУРГАН № 1.

Село Альт-Веймар (Р. Н. П.) группа курганов на правом берегу р. Торгуна в расстоянии 150 с. от села к западу.

Высота—0,33 м.

Диаметр—12,70 м.

Копан колодцем 4×4 м.

Насыпь плоской круглой формы. У северной и западной подошв заметное углубление, сильнее выраженное на северной стороне.

В насыпи кургана найдена верхняя часть плюсны лошади и уголек.

Могила с подбоем в западной стенке. Могильный вход в форме удлиненного овала, ориентированного по линии СЗ—ЮВ. Длина его 1,45 м., ширина 0,80 м., глубина 1,90 м. Стенки вертикальны. Подбой куполообразной формы. Наибольшая высота его 0,60 м., длина 1,50 м., ширина 0,45 м.

В засыпи могильного входа встречены обломки фаланги овцы и два уголька.

На дне подбоя костяк мужчины зрелого возраста, на спине, головою на ЮВ. Руки скрещены так, что кисти их лежат на подвздошных костях. Ноги в коленях согнуты и обращены к западной стенке подбоя. Череп деформирован. Длина костяка 1,45 м. На дне под костяком заметны следы истлевших веточек. На костях таза и ног тлен густого черного цвета, видимо, от сгнившей кожи. Вещей при погребении нет.

КУРГАН № 2.

Группа курганов на левом берегу р. Торгуна у с. Альт-Веймар.

Высота—0,35 м.

Диаметр—20 м.

Копан колодцем—6×6 м.

Насыпь кургана на всей ее глубине изобиловала кусками жженой земли и обожженными костями лошади. На глубине 0,25 м., в восточной половине колодца образовались два скопления мелких обломков костей. Среди них находились зубы лошади. В нижележащих слоях вплоть до горизонта кости сосредоточивались главным образом у восточной стенки колодца. На глубине 0,33 м. у западной стенки колодца лежали сильно искрошившиеся черепки от глиняного сосуда. На глубине 0,5 м.—0,7 м. в норке суслика найдены две бронзовые трехгранные стрелки.

На той же глубине в западной части колодца обозначилось рыхлое пятно овальной формы, содержавшее в большом количестве жженую землю, угольки, мелкие черепки и обломки костей. Под овальным пятном, на глубине 0,70 м. обрисовалось темное пятно в виде слегка вытянутого круга 2,35 м. длины, 2,03 м. ширины, ориентированного по длинному диаметру с СВ на ЮЗ Под площадью пятна оказался незначительный слой смешанной земли, по краям 10 см. в средине 20 ст. мощностью. Под этим слоем нерушеный грун. Находок человеческих костей ни в насыпи кургана, ни в засыпке пятна не было.

КУРГАН № 3.

Высота—0,25 м.

Диаметр—12 м.

У западной подошвы едва заметное углубление.

Копан колодцем—4×4 м.

Могила неправильно-овальной формы расположена к западу от центра насыпи. Длина ее по большому диаметру 2,05 м. по малому 1,66 м. Глубина 1,50 м. Ориентирована по большому диаметру с СВ на ЮЗ.

На глубине 0,40 м. от верхнего края могилы и глубже, вплоть до самого дна—следы деревянного сооружения, состоящего из вертикальных столбов, поставленных на расстоянии 15—20 см. от стенок могилы, поперечных, в направлении СЗ—ЮЗ, плах и плетения из веток, от которых сохранились следы и ясные отпечатки на стенках. Дно могилы выстлано камышем. На дне костяк мужчины на спине, головою на З. Правая рука вдоль туловища, левая слегка откинута в сторону. Берцовые кости сдвинуты сусликами и лежат у восточной стенки могилы.

У кисти левой руки железные удила с железными же кольцами. Между костями ног обломки железного кинжала острием к черепу (видимо сдвинуто со своего первоначального места сусликами). Рукоять кинжала не сохранилась.

В 0,25 м. к югу от нижней части правого бедра—четырехгранный точильный камень со сверлиной у одного конца.

КУРГАН № 4.

Высота—0,20 м.

Диаметр—11 м.

В насыпи найден бараний позвонок.

Могильная яма в форме удлиненного прямоугольника с закругленными углами, ориентированного с Ю на С. Длина могилы 2,3 м., ширина (по верху) 1,15 м., глубина—1,25 м. Ко дну могила с'уживается до 0,70 м.

На глубине 0,70 м. в засыпи могилы замечены следы деревянных брусьев, положенных поперек могилы. У северной стенки, на глубине 0,65 м, найдена кость птичьего крыла. На глубине 0,85 м., в расстоянии 1,40 м. от южной стенки могилы, и 0,8 м. от восточной – маленькое красно-глиняное блюдце с дырочкой в центре.

Начиная с этого горизонта (0,85 м.) и глубже, вплоть до костяка, в северной части могилы встречались угли. На глубине 1,10 м. в засыпи могилы—глиняное пряслице, кусочек от железной пряжки и обломок бронзового колечка.

Костяк молодой женщины лежал не на дне непосредственно, а на слое смешанной земли. Мощность этого слоя—0,35 м. Костяк положен ближе к северной стенке, на спине, руки вдоль туловища, головою на С. Левая рука, мелкие кости и часть ребер растащены сусликами; ими же вырыта земля из под головы, отчего череп и самая верхняя часть туловища запрокинулась. Длина костяка 1,60 м. Череп деформирован.

Под черепом бронзовое зеркало с дырочками по краю и орнаментом в виде концентрических кругов на одной стороне. На шейном позвонке круглая золотая подвеска со стеклышком. С левой стороны костяка, большею частью из гнезд сусликов, вынуто несколько бус: из стекла, пасты и коралла. У кисти правой руки —круглое железное кольцо диаметром в 6 см. Между бедровыми костями—следы от истлевшего железа, видимо, какой то пряжки. Возле берцовых костей, большею частью в соприкосновении с ними, мелкие стеклянные четковидные бусы (украшение обуви?). Из норки суслика, в западной стенке могилы, вынуты две золоченые стеклянные бусы и обломки от бронзового предмета (фибулы?) Из другого гнезда в той же стенке взято маленькое спиральное бронзовое колечко. В юго-западном углу могилы, у ног костяка, глиняный кувшин с орнаментом из круговых бороздок, по верхней и нижней части шейки.

КУРГАН № 5.

Высота 0,25 м.

Диаметр 17 м.

В насыпи редко рассеянные угольки.

Могильная яма под центром насыпи. Могильное пятно в виде слегка вытянутого по линии СЮ круга. Большой диаметр 2,1 м., малый 2 м. Восточная

стенка могилы отвесна, западная скошена так, что она, постепенно с'уживаясь, принимает на дне форму сильно удлиненного овала шириною 1,1 м. Глубина ее 1,80 м. В засыпи редко рассеянные угольки. Начиная с 0,95 м. глубины от верхнего края могилы и глубже встречаются в значительном количестве черепки, угли, куски жженой до красна земли и комки земли с сажей. От 1,20 м. глубины вплоть до дна разбросанные в беспорядке человеческие кости и черепки от двух сосудов — одного с наружной полировкой серого цвета, другого с красным наружным закалом. На глубине 1,35 м. встречены кости лисы или собаки.

Могила оказалась ограбленной. При ограблении была срезана ее западная стенка.

КУРГАН № 6

Высота—0,20 м.
Диаметр—10 м.
Копан колодцем—3 × 3 м.

Могила с подбоем в западной стенке. Располагается под центром насыпи Могильный вход имеет форму удлиненного овала, ориентированного длинной осью по линии ЮС. Длина могильного входа 2 м., ширина 1,07 м., глубина 1.12 м.

Восточная стенка срезана наклонно, вследствие чего могильный вход ко дну с'уживается до 0,70 ширины.

Дно подбоя ниже дна могильного входа, на 0,15 м. Подбой арочной (полусводчатой) формы. Длина его—2,1 м., ширина—0,7 м., высота—0,65.

В засыпи могильного входа, на глубине 0,8 м., встречена плаха, лежавшая в продольном направлении (ЮС).

На дне подбоя костяк женщины в вытянутом положении, на спине, головою на юг. Правая рука слегка согнута в локтевом сочленении, левая отброшена в сторону. Между левой рукой и грудной клеткой кости совсем маленького ребенка. У левого плеча—кости барана, там же следы истлевшего железного предмета (ножа?) У левого бедра глиняная плошка. Вдоль нижней части берцовых костей по ряду мелких голубоватых бус. Несколько к западу от левой пятки—глиняное пряслице шаровидной формы. У северной стенки подбоя—три глиняных сосуда и несколько птичьих костей.

КУРГАН № 7.

Курганная группа № 3 у х. Шульц, на правом берегу р. Торгуна.

Высота – 0,3 м.
Диаметр—14 м.
Копан колодцем 4 × 4 м.

В насыпи кургана найдены: на глубине 0,1 м. обломок кости; в юго-восточном углу колодца, на глубине 0,7 м. обломок локтевой кости барана.

Могила к западу от центра насыпи. Форма ее—удлиненный четырехугольник с округленными углами. Ориентирована с ЮЗ на СВ. Длина могилы 1,8 м., ширина 0,9 м., глубина 1,5 м.

В северо-западной стенке могилы незначительный подбой, вдвигающийся в стенку на 0,25.

На дне могильной ямы два костяка, на спине, в вытянутом положении, головами на ЮЗ: в подбое костяк женщины 45—50 лет; рядом с женским в

Библиотека

средине могилы костяк мальчика от 7 до 10-летнего возраста. Длина женского костяка 1,6 м., рост мальчика 0,85 м. Женский костяк на всем протяжении, за исключением черепа, посыпан известью. На костяке мальчика известковой посыпки нет. Вокруг ног женского скелета от пальцев до коленных сочленений тлен цвета желтой охры. На нижних частях локтевых костей женщины тонкие листочки красной краски. Листочки плотно облегали кости. По дну могилы - следы волокнистой подстилки.

У изголовья костяков два сосуда: у головы женщины—черноглиняная кружка, у головы мальчика—горшочек грубой выделки и слабого обжига. На груди мальчика у правого плеча—конусовидная костяная пронизка, а рядом с нею железное и бронзовое пластинчатые сплюснутые кольца от какого то предмета. В них сохранились следы кожи. Характер и назначение предмета выяснить не удалось. В области тазовых позвонков мальчика найдена железная трапецевидной формы пластинка: между кистью правой руки и бедром—истлевший предмет из железа с бронзовой заклепкой. У правой берцовой кости мальчика—кучка железных трехперых, стрел, лежавших остриями к ступне. Под стрелками раздавленный черноглиняный кувшин с узкой шейкой. Рядом с ним второй сосуд также раздавленный. У северовосточной стенки могилы—кости барана. На поясничном позвонке женского костяка—бронзовая круглая пряжка с прямой иглой.

КУРГАН № 8.

Высота — 0,50 м.
Диаметр — 11 м.
Копан колодцем 3×3 м.

В насыпи найдены фрагменты глиняного горшка крупного размера.

Под центром насыпи грунтовая яма в виде вытянутого овала Ориентированного с С на Ю. Длина ее 1,72 м., ширина 0,66 м., глубина 1,65 м. Восточная стенка срезана вкось, отчего ко дну могила суживается до 0,47 м. В западной стенке незначительный подбой, шириной от 0,5 до 0,1 м. и высотой до 0,1 м.

На дне могилы костяк пожилой женщины в вытянутом положении на спине, головой на С. Правая рука и отчасти череп в подбое. Череп деформирован. Длина костяка 1,51 м. Между правым локтем и грудной клеткой—створка резной раковины; у правого бедра такая же створка с куском мела и красной охры в ней; рядом с раковиной—кусок мела конусовидной формы: у правого коленного сочленения три глиняные пряслица и маленький четыреугольный глиняный сосудик. Под пряслицами полоска железа, повидимому, остаток от ножниц. Около тазовых костей и костей ног—густой черный тлен.

КУРГАН № 9.

Насыпь кургана вытянута с запада на восток.

Высоста—0,3 м.
Большой диаметр (ЗВ)—16 м.
Малый „ (СЮ)—11 м.

Могила—к западу от центра насыпи в форме вытянутого по линии С—Ю овала

Длина ее по верху—2,3 м.
Ширина „ „ „ —0,9 м.

Ко дну могила сужается и укорачивается: длина по дну 3,17 м., ширина — 0.65 м. Дно несколько наклонно к югу. Глубина могилы у южной

стенки—1,42 м. у северной—1,29 м. В западной стенке—подбой, углубленный на 0,25 м., высотою 0,1 м.—0,15 м.

На дне могилы—костяк мужчины 35—40 л. в вытянутом положении, на спине, головою к югу. На нижнем поясничном позвонке—круглая железная пряжка; над кистью правой руки, 20 ст. выше дна могилы—такая же пряжка. У правой берцовой кости—пучек железных трехперых стрел, бараньи кости и остатки железного небольшого ножа. У западной стенки, в подбое—железный кельт со следами деревянной рукоятки. У северной стенки на дне могилы—остатки сильно разрушенного кувшина.

КУРГАН № 10.

Курганная группа № 3 на левом бер. р. Торгуна близ х. Шульц.

Насыпь кургана имеет ярко очерченную подошву и выпуклую вершину. С юго-восточной стороны в двух метрах от подошвы—две круглые ямы диаметром .8 м. Такая же яма в северо-западной стороне в расстоянии 4,5 м. от насыпи.

Высота 0,35 м.
Диаметр 12 м.
Копан колодцем 4 × 4 м.

На глубине 0,3 м. в насыпи, в юго-западной части колодца, найдены три бараньих черепа, несколько мелких костей барана и кость птицы.

Могила—под центром насыпи. Она имеет очень узкую удлиненную форму. Ориентирована по линии ЗВ. Западная часть могилы несколько шире восточной. Длина—1,85 м., ширина—0,5 м., глубина 1,1 м. Стенка ее вертикальны, дно ровное.

На дне—мужской костяк, на спине, в вытянутом положении, головою на З. Кости отличаются массивностью. У кисти левой руки—незначительные кусочки дерева со следами пурпуровой краски. Над костяком, на протяжении всей могилы—накатник из дубовых досок. Доски поставлены поперек могилы в наклонном положении. Верхний конец их впущен в южную стенку могилы на глубине 0,45 м. от верхнего края ее, а нижний упирается в дно у северной стенки. Сверху доски накатника прикрыты дубовой корой.

В расстоянии 0,2 м. от северной стенки могилы, несколько к востоку—грабительская яма круглой формы, диаметром 1,18 м. углубляющаяся в грунт на 0,45 м. У южной стенки ямы—деревянная лопата, по форме аналогичная современным, видимо, оставленная грабителем.

КУРГАН № 11.

Высота 0,55 м.
Диаметр—19 м.
Копан колодцем 5 × 5 м.

В юго-восточном углу колодца найдено два крупных черепка из грубой глины, плохого обжига с чеканным зубчатым орнаментом.

ПОГРЕБЕНИЕ № 1.

Могила ориентирована с СВ на ЮЗ и располагается в засыпи центральной могилы этого кургана, но северо-восточный конец ее выходит за пределы цен-

тральной могилы, врезаясь в грунт. Судя по этой части, могила имела узкую удлиненную форму с округленными углами. Глубина ее 0,72 м., ширина 0,55 м. Длину выяснить не удалось.

На дне северо-восточной части могилы — ноги человека в вытянутом положении, ступнями к СВ. Остальные части костяка лежали в области тазовых костей, череп у верхней части левого бедра затылочным отверстием вверх. Вся куча костей вместе с бедрами опустилась, вслед за осевшей засыпью центральной могилы на 10—15 см.

Рядом с правым бедром — железная круглая пряжка и часть железных удил. Над бедряными костями — череп и две фаланги лошади. У ступней ног полойника — нижняя челюсть лошади.

Умерший, видимо, был погребен в сидячем положении, с вытянутыми ногами, лицом к северо-востоку.

ПОГРЕБЕНИЕ № 2.

Центральная могила имеет форму прямоугольника с закругленными углами, ориентированного с С на Ю. Длина ее 2,40 м., ширина 1,60 м. На глубине 2,53 м. могильная яма сужается, благодаря заплечикам, выступающим из восточной, западной и южной стенок. Ширина суженной части могилы—1,05 м. длина—2,40 м. Ширина боковых заплечиков 0,25 м., южного —0,12 м. Глубина всей могилы 4 м.

На заплечиках—следы поперечных брусков и мощный слой травянистого тлена, идущий вдоль стенок могилы почти до самого погребения. В юго-западном и юго-восточном углах—дубовые столбы высотою в 2 м. На глубине 3,25 м. и глубже в засыпи могилы встречено массовое скопление следов дерева, главным образом в виде круглых стволов диаметром в 12—16 см. и широких плах в продольном направлении. Вдоль восточной и западной стенок, начиная от 3,30 м. глубины и ниже—следы досок, которыми были заделаны стенки.

Стенки верхней части могилы до заплечиков тщательно обработаны. На них сохранились довольно яркие следы от орудий в виде вертикальных и косых полос шириною в 2—4 см.

Стенки нижней части отделаны крайне небрежно.

На дне могилы—костяк женщины среднего возраста, в вытянутом положении, на спине, головою на Ю. Руки слегка откинуты в стороны.

У южной стенки могилы, у черепа, опрокинутый бронзовый котел с двумя вертикальными ручками у края. На котле—следы деревянного предмета в виде тонких, приставших к металлу кусочков (деревянная миска?) Рядом с котлом в юго-восточном углу—глиняный шаровидный горшок. У правого плеча костяка—кусочек деревянного предмета со следами бронзовой прошивки. На шее ожерелье из мелких стеклянных, пастовых бус и веточек коралла; на локтевом сочленении левой руки — тонкое бронзовое зеркало. На обратной стороне зеркала кусочки прикипевшей к металлу шерстяной ткани. На линии поясничных позвонков, с правой стороны костяка, —бронзовая подвеска в виде миниатюрного котла на ножке. Ниже кисти правой руки несколько мелких предметов: цилиндрическое бронзовое пряслице, костяной предмет в виде крупной булавки, остатки разрушенного железного предмета

с бронзовой обоймой и следами деревянного футляра или ручки (нож?). Вокруг кистей рук и нижней части берцовых костей—по ободку бус из стекла, коралла и сердолика.

Дно могилы посыпано слоем извести, толщиною в 1 см. Поверх известкового слоя—слой густого черного цвета, видимо, от какой то подстилки.

Погребение было прикрыто корой и травянистыми стеблями.

ПОГРЕБЕНИЕ № 3.

К западу от центральной могилы располагалась основная могила кургана, ориентированная с В на З. Восточная часть ее была срезана при устройстве центральной могилы. Судя по сохранившейся западной части, могила имела форму четыреугольника с округленными углами. Ширина ее—1,15 м., глубина 0,87 м.

На глубине 0,73 м. встречена человеческая черепная крышка, сильно истлевшая. В засыпи центральной могилы находились обломки человеческих костей, тоже сильно истлевшие. Кости эти, повидимому, относились к погребению основной могилы, так как костяк центральной сохранился в целости.

КУРГАН № 12.

Х. Шульц, правый берег р. Торгуна.
2-ая курганская группа.
Высота 0,3 м.
Длина—16 м.
Копан колодцем 4×4.

Могила имеет форму неправильного овала, ориентированного по линии СВ—ЮЗ с наибольшим диаметром в 2 м. Глубина ее 1,40 м.

В северо-западной стенке—подбой в виде прямоугольного ящика. Длина подбоя 1,55 м., ширина 0,35 м., высота 0,25 м. В юго-восточной части дно повышается резким уступом на 15 ст., переходя в подбой юго-восточной стенки, форма которого не установлена.

В средине могильного дна мужской костяк в вытянутом положении, на спине. руки вдоль туловища, головою на Ю. Налево от черепа—черноглиняный кувшин с желобчатым орнаментом вокруг шейки. Над грудной клеткой. видимо, потревоженная суслики, круглая бронзовая пряжка. У кисти правой руки, вдоль бедра—железный меч со следами деревянных ножен, к которым прикипел обломок бронзового зеркала Меч имеет кольцевидное навершие и эллиптическое перекрестие. У ступни левой ноги—шаровидный кувшинчик с орнаментом по брюшку.

К западу от мужского костяка, наполовину в подбое—костяк подростка в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головою на Ю.

У черепа в юго-западном углу подбоя—черноглиняный кувшин. Между сосудом и плечом погребенного—кости ноги барана. У правой руки—кинжал с брусовидным перекрестием и таким же навершием. Рядом с кинжалом трехперые железные стрелы в небольшом количестве.

В юго-восточном подбое—два костяка детей в возрасте 5—7 лет, положенных рядом, на спине, головами на юго-запад. При них черепки сосуда

Перед устьем этого подбоя бараньи кости, среди них три лопатки. Несколько к северу—черепки небольшого горшка из грубой глины.

Все четыре костяка посыпаны мелом.

МАТЕРИАЛЫ

для изучения культуры Сусловского могильника.

А. Кушева.

Летом 1924 и осенью 1925 г.г., занимаясь в Государственном Эрмитаже и Российской Академии Истории Материальной Культуры в Ленинграде и Российском Историческом Музее в Москве, я собрала некоторый материал, дающий освещение культуре могильника около с. Сусел (кол. Герцог) АССРНП, вскрытого проф. П. С. Рыковым в 1924 г., а также другим древностям той же культуры, найденным в пределах Саратовского Края. Должна заметить, что этот материал далеко не охватывает всего, что могут дать для изучения вопроса богатые собрания Ленинграда и Москвы, т. к. для систематического ознакомления с ними я не располагала достаточным временем. Поэтому я заранее указываю на неполноту и незаконченность настоящей работы.

Сусловский курганный могильник по правому высокому берегу р. Большого Карамана, к С. от села, состоявший из невысоких большею частью насыпей (обычно до 20 см., наиболее крупные до 2 м. высотой), дал следующие типы погребений в 53 сарматских курганах с 56-ю погребениями (другие содержали погребения бронзовой эпохи и один—золотоордынской) [1]).

I. Могила—длинная четырехугольная яма, покойник голов. к З. При погребениях целые костяки животных.

II. Могила с подбоем в зап. стенке, отделенном досками или частоколом, покойники гол. к С., черепа всегда деформированы.

III. Могила широкий четырехугольник, близкий к квадрату, покойники гол. к С., черепа деформированы.

IV. Могила—узкая четырехугольная яма, покойники гол. к Ю. или С. Некоторые черепа покойников, лежавших к Ю., деформированы.

V. Могилы—длинные четырехугольные ямы с заплечиками или без них, покойники гол. к Ю.

VI. Могилы—широкие четырехугольные ямы, близкие к квадрату или почти круглые, покойники гол. к Ю. З., Ю., Ю. В., С. З. и В., часто лежат по диагонали.

VII. Могилы с подбоем в зап. или вост. стенке, покойники гол. к Ю. и С., черепа нормальные. В одной могиле (кург. № 16) вход был расширен, и у одной стенки имелся спуск из ступеней или уступов.

---

[1]) За недостатком места привожу только схему типов погребений Сусловского могильника из статьи проф. П. С. Рыкова: «Сусловский курганный могильник». Учен. За—ки Сарат. Гос. Ун-та, т. IV, вып. 3-й. Саратов. 1925 г. и отдельно. Подробности см. в назван. статье

Стенки могил всех 7 типов обычно обложены деревом, входы подбойных прикрыты досками. Покойники лежат на спине в вытянутом положении, обыкновенно на деревянной или травяной подстилке и закрыты деревом или лубом. Инвентарь погребений в общих чертах таков: бронзовые зеркала, римские провинциальн. фибулы, различные бусы, привески из египетск. пасты (скарабеи и львы); раковины, глинян., алебастровые и мраморные пряслица, алебастров. туалетные сосудики, железн. мечи, кинжалы, стрелы, ножи простые и с костяными ручками, остатки лука и колчанов, части погребальной колесницы, костяные ложечки, точильн. бруски, различн. глин. посуда местного производства и привозная, берестяные короба, ритуальн. предметы—небольшие четырехгранные и цилиндрическ. глин. сосудики-курильницы, камни, камен. плиты, куски мела [1]).

Могильник дает сарматскую культуру II—I в.в. до начала нашей эры и первых 3-х, 4-х веков н. э., принадлежащую, как это заставляет предполагать наличие различных и разновременных типов погребений, не одному сарматскому племени. П. С. Рыков в своей статье называет два таких племени—алан и аорсов; древнейшим типом Сусловских погребений он считает I-й, относя его ко II—I вв. до начала н. э. Указываемый мною в дальнейшем параллельный материал (особенно Кубанские курганы, раскопанные Н. И. Весловским) также не вполне однороден и не одновременен, как это показал М. И. Ростовцев [2]). Он относит этот материал к позднe-эллинистическому и римскому времени, причем внутри этого периода дает более точную датировку отдельным группам памятников.

Из древностей Саратовского Края в Археол. Отделе Сарат. Госуд. Областного Музея в одну группу с древностями Сусловского могильника можно об'единить следующие: вещи из курганов с теми же типами погребений по р. Торгуну, притоку Еруслана РНП (раскопки Т. М. Минаевой и П. Д. Рау 1924 г.) [3]), вещи из кургана № 3 около кол. Фриденберг на р. Еруслане (раск. П. Д. Рау 1920 г.), из кургана № 96 близ с. Б. Дмитриевки на границе Аткарск. и Сарат. уездов Сарат. губ. (раск. П. А. Волкова 1887 г.) [4]), кургана около с. Тонкошуровки (кол. Мариенталь) на Б. Карамане (раск. П. Вайгеля) и курганов Ровненского района, раскопанных П. Д. Рау в 1920 г. Здесь около кол. Блуменфельд, на р. Белой Кубе (приток Еруслана) вскрыто было 4 кургана, из них 3 содержавших подбойные могилы; скелеты в подбое, выкопанном в зап. стенке могилы, гол. на С. Ход—узкая четырехугольн. яма, 2½ арш. дл. и 2 арш. глуб. Ниша немного глубже входн. ямы, вход загорожен узкими дубовыми досками.

IV-й курган содержал четырехугольную могилу, в ней скелет мужчины. На его черепе и глин. дне могилы легко различались следы травяной подстилки. В могиле найден точильн. камень, нож и 2 глин. сосуда. В этих 4-х курганах взяты след. вещи: 4 сосуда, 2 ножа, удила с бронзов. кольцами, точильн. камень, две

---

[1]) Все эти вещи хранятся в Археол. Отделе Сарат. Госуд. Областного Музея. Фотографии см. в упомянутой ст. П. С. Рыкова.

[2]) М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л. 1925 г., гл. XI.

[3]) Описание этих курганов см. в предыдущей статье.

[4]) Их перечисление и описание погребения в ст. И. А. Волкова: «Больше-Дмитриевские курганы». Труды Сар. Уч. Арх. Ком., т. I, вып. 3, стр. 289 сл. и А. А. Спицына: «Обозрение некотор. губ. и обл. Рос. в археол. отношении». Зап. Русск. Арх. О-ва, т. VIII, в. 1 и 2, нов. сер. Труды от-ния русск. и слав. археол. Кн. I, 1895 г. П. 1896. Стр. 143. М. И. Ростовцев думает, что дата погребения—вряд ли позднее I в. по Р. Х. М. Ростовцев Скифия и Боспор, стр. 591. См. также Зап. Русск. Арх. О-ва, т. XI, П. 1915, стр. 233 и 235.

бронз. серьги, подвеска в виде колокольчика и 12—15 стеклян. бус. Черепа погребенных деформированы [1]).

На Торгуне, в 9 в. от кол. Альт-Ваймар вскрыто было 2 могилы, обе почти круглые, глуб. 1 и 1½ арш. с двумя костяками (мужчины и женщины), головами на С. В. В одной—незначит. части глин. сосуда, стеклян. бусы и железн. кинжал, в другой—жел. обоюдоострый меч, дл. 18—20 в. со следами дерева на рукоятке в правой руке мужского скелета, лежавшего на спине в вытянутом положении; справа от женского костяка, лежавшего рядом с мужским, с лицом, повернутым вниз,—неполный скелет барана, точильн. камень с отверстием, кремень, огниво, два гладких кувшина из черной глины и три меньшие сосуда с остатками перегнившей пищи, трехгранные железн. наконечники стрел у северн. края могилы, несколько бус из матового зелен. камня и среди них три скарабея (на шее женщины). Другие сосуды, раздавл. землей, обратились в пыль [2]).

Значительное число сарматских курганов раскопано проф. П. С. Рыковым во время весенней экспедиции 1925 г. в различных пунктах Респ. Немц. Пов.—кол. Визенмюллер и Фриденберг (р. Еруслан)—и Уральской губернии—станц. Семиглавый Мар. хут. Зеленый, с. Шиново (р. Деркул), г. Уральск и пос. Повенький (р. Чеган). Курганы дали в общем те же, что в Сусловском могильнике, типы погребений и погребальный инвентарь [3]).

Те же сарматские древности Сарат. Края в Эрмитаже:

1) вещи, случайно найденные в 2-х в. от с. Щербаковки, Камыш. у., Сарат. губ.[4]), сравнить из этой находки: небольшой глин. необожжен. или плохо обожжен. четырехгранный сосудик (выс. 5 см.) с одним круглым отверстием около верхн. края и орнаментом в виде косого креста на каждой из 4-х сторон (табл. I, рис. 1) с такими же сосудиками из курганов № 2, хут. Шульц, прав. берег Торгуна, раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г. (выс. сосудика 6 см.) и кургана № 39, с. Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г. (выс. 5½ см., табл. II, рис. 1—2) и большой железн. меч без наверший и перекрестья (дл. 87 см., табл. I, рис. 2) с таким же мечом из Сусловского кургана № 58 (дл. 89 см., табл. II, рис. 3) и кург. № 1 (2-я груп.), кол. Фриденберг, раск. П. Рыкова 1925 г.[5]). Большой глин. сосуд с двумя ручками из Щербаковки, судя по фотографии [6]), сходен с сосудом из кургана Сусловск. могильника, раск. Г. Бератца, П. Вайгеля и др. 1913 г.;

---

[1]) Около к. Блуменфельд производились раскопки осенью 1925 г. под руководством проф. П. С. Рыкова при участии научн. сотрудника Российск. Историч. Музея Б. Н. Гракова, причем вскрыты были между прочим и сарматские погребения. Найденные вещи отправлены в Рос. Ист. Музей.

[2]) P. Rau: «Altertümliche Funde im Seelmänner Bezirk». Beiträge zur Heimatkunde des Deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk. 1923, стр. 37. Древности в музеях Саратова и Ровного.

[3]) Сарматск. курганы раскопаны П. Грековым около с. Гусевки и х. «Мишкина пристань» Париц. у. Сарат. г. (Труды от—ния слав. и р. арх., кн. 2 и 5).

[4]) Отчет Археол. Ком. за 1899 г., П. 1902, стр. 120. Издание дальше цитируется. ОАК.

[5]) Считаю своим долгом принести благодарность Директору Саратовского Государственного Областного Музея проф. П. С. Рыкову и Совету Государственого Эрмитажа за разрешение издать рисунки, проф. А. А. Спицыну, предоставившему для просмотра свои материалы, а также сотрудникам Эрмитажа К. В. Тревер, Е. О. Прушевской и А. П. Манцевич, сотрудникам Академии Истории Мат. Культуры—Н. Э. Успенской и М. П. Румянцевой и Историч. Музея—проф. А. А. Захарову, Д. Н. Эдингу и др. за помощь в работе.

[6]) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 120, рис. 231.

2) вещи из случайно раскрытого крестьянином богатого погребения на дюнах около с. Саламатина, Камыш. у.[1]).

Сравнить: небольшой медн. или бронзов. котелок, т. наз. «скифского» или «сибирского» типа из этого погребения со сходным котелком из кургана около с. Сусел, раск. Г. Бератца, П. Вайгеля 1913 г. Каменные точилки, подобные Саламатинской[2]), обычны в курганах Сусловск. культуры. Такая же, как в Саламатине, точилка найдена в кург. № 4, 2-я груп., погреб. 3-е, кол. Визенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г. Другие вещи Саламатина, указывающие на исключительное богатство раскрытого погребения, не находят себе аналогий в древностях Сусловск. могильника, в котором не было раскопано ни одного целого такого-же богатого кургана. Черепков серого глин. кувшина с суживающимся горлом из Саламатина, о котором упоминается в отчете и кот. интересно было бы сопоставить с найденными в Суслах, я не нашла в собрании Эрмитажа;

3) золотые нашивн. бляшки, найденные будто бы при раскопках кургана близ с. Саламатина, за Капитанск. горой[3]);

4) вещи, найденные крестьянином при раскопке кургана на горе «Можары» в 11 в. от слободы Котовой, Камыш. у.[4]). М. И. Ростовцев думает, что дата их— вряд ли позднее I в. по Р. Х.[5]); из них обращают на себя внимание: серебр фибула римск. провинц. стиля[6]), подобная бронзовым из нескольких курганов Сусловск. могильника, круглое зеркало металлич. сплава с рельефным штампованным орнаментом[7]), каким украшено бронзовое зеркальце-привеска из кургана на земле Аппельганса, с. Суслы (раск. А. Вейсбекера, П. Вайгеля и Г. Бератца 1912 г.), глиняное пряслице—предмет, обычный для Сусловских курганов, и четырехгранный глин. необожжен. или слабо обожжен. сосудик с одним отверстием типа сосудиков-курильниц, часто встречаемых в курганах Сусл. могильника, но более низкий и широкий (выс. $2^1/_2$ см., табл. I, рис. 3). Некоторые типы бус и привесок Можарской находки совершенно совпадают с найденными в Суслах, напр., черные лигнитовые (Суслы, кург. № 45), граненые сердоликовые в виде прямоугольников разн. величины совершенно такие же, как из кургана № 57 (Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г.), бусы из матового белого стекла, гладкая (сравн. Суслы, кург. № 11) и с бороздками, матовые стеклян. с бороздками т.-зелен. цвета, как Суслы, кург. № 57, но более крупные, 2 скарабея из египетск. пасты (сравн. Суслы, кург. № 37, раск. П. Рыкова 1924 г. и курган около кол. Альт-Ваймар, раск. П. Рау 1920 г.) и пронизь из зел.-бел. египетск. пасты ввиде льва, лежащего на прямоугольн. подставке (Суслы, кург. № 37).

В Можарском кургане найдены были также части железн. меча, тип которого установить не удалось.

---

[1]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 138—139 и за 1904 г., П. 1907, стр. 134—135 Несколько мелких зол. нашивных бляшек имеется в Сарат. Музее.

[2]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 139, рис. 248.

[3]) ibid., стр. 139, рис. 253.

[4]) ОАК за 1898 г., П. 1901, стр. 77—78.

[5]) М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 591.

[6]) ОАК за 1898 г., П. 1901, рис. 140.

[7]) ibid., рис. 142.

В Рос. Историч. Музее находятся вещи из раскопок А. А. Спицына в Камышинском и Балашовском уездах Сарат. губ. 1895 г.[1]). Это не случайно найденные предметы, как Саратовские древности в Эрмитаже, о которых я сейчас говорила, поэтому родство этих вещей с Сусловскими можно подтвердить, отмечая сходство и в типах погребений.

Так, в раскопанных А. Спицыным 12 курганах группы в верховьях р. Хопра около дер. Машевки, Балаш. у. могилы представляли собой глубокие, не широкие грунтовые ямы, в них—скелеты на спине в вытянут. положении, гол. на С. с неизбежным отклонением в стороны. В головах обыкновенно глиняная тарелка или блюдо, часто с бараньими костями и железн. ножем и один или два глин. сосуда. При костяках различн. бронз. и жел. предметы, но в небольшом числе, большие узкие фибулы, относимые исследователем приблизит. ко II—IV вв. нашей эры, железн. пряжка, костяная рукоятка, удила и стремена.

Около станц. Лебяжьей, Камыш. у., по течению р. Иловли Сарматские погребения этого времени были вкопаны в курганы с основными погребениями бронзов. эпохи (скорчен. и окраш. костяки). Впускные могилы содержали костяки на подстилке или в колоде. В головах покойников—сосуды, бараньи кости, из вещей—бронзов. зеркала, на костях—бронз. фибулы, глин. пряслица, мелкие бусы и пр.

Курганы около кол. Норки того-же у., по теч. Иловли А. Спицин считает более поздними (но не моложе VI в.), датируя их поздними вещами, найденными раньше в одном Норкинском кургане [2]). Между тем вещи из курганов, раскопанных А. Спицыным, и тип погребения те-же, что в Сусловском могильнике: костяки, ориентированные на С. В., лежали в глубоких грунтовых ямах с подбоями. В головах погребенных—сосуды, кости барана, из вещей—бронзов. римск. фибулы, зеркальце, камен. пряслица. Черепа некоторых костяков деформированы.

Из предметов, аналогичных Сусловским, найденных в курганах около д. Машевки, следует отметить: бронзовые римск. фибулы, точильн. камень цилиндрическ. формы и полую костяную рукоятку, вероятно, ножа с резным орнаментом из кружков [3]) (сравнить с костяными ручками жел. ножей из курганов №№ 3 и 7 Сусловск. могильника), из предметов Лебяжских курганов—бронзовые зеркала и черно-серые гагатовые бусы в виде отрезков трубочек, идентичные бусам ожерелья с розовыми кораллами из кургана около с. Тонкошуровки на Б. Карамане (раск. П. Вайгеля; пожертвовано вместе с друг. вещами экспедиции проф. П. С. Рыкова для Сарат. археол. музея), из предметов, найденных в курганах около кол. Норки—бронзов. римскую фибулу [4]) (сравнить с фибулой из Сусл. кургана № 52).

В собрании вещей из тех же раскопок А. Спицына в Камыш. и Балаш. уездах без обозначения места находки в Ист. Музее обращают на себя внимание цилиндрическ. глин. необожжен. сосудик с 2-мя отверстиями у края, аналогичный ритуальным сосудикам из курганов Сусловск. культуры, железн. нож с костяной ручкой (ножи из курганов №№ 3 и 7, с. Суслы) и глин. пряслица таких же типов, как в Сусловских и друг. курганах сарматск. культуры Сарат. Края.

---

[1]) ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 30—33 и статья А. А. Спицына: «Обозрен. некот. губ. и обл. Рос. в археол. отнош.» Зап. Русск. Арх. О-ва. т. VIII, в. 1 и 2, нов. сер. Труды от-ния русск. и слав. археол. кн. I, 1895 г. II. 1896, стр. 143—144.

[2]) Доклад о действ. АК за 1887 г. ОАК за 1882—88 г.г., П. 1891, стр. CCI, № 17.

[3]) ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 31, рис. 64.

[4]) ibid., рис. 65а.

К сарматским древностям Сарат. губ. в Рос. Ист. Музее отнесены еще большой железн. кинжал, случайно найденный в овраге при устройстве трубы на 5-й в. Вольской ветки Ряз.-Уральск. жел. д. [1]), и бронзовое, прекрасно отшлифованное зеркало с гравирован. орнаментом из тонких концентрических кругов, найденное около с. Саламатина, Камыш. у.; по технике и изяществу работы сходно с зеркалом из кургана № 3 около кол. Фриденберг, раск. П. Рау 1920 г.

Просматривая собрания Эрмитажа, Акмакульта и Историч. Музея с целью подобрать древности, родственные Сусловским, я пришла к убеждению, что по инвентарю и типам погребений больше всего сходства можно заметить в курганах Кубанской области (раск. Н. И. Веселовского). Здесь в нескольких пунктах по течен. р. Кубани работы производились с 1895 г., причем вскрыто было большое число погребений разных культур, между проч. и сарматских.

Основной тип Кубанск. погребений этой культуры—катакомбный или подбойный; их устройство в общих чертах таково [2]): костяк человека положен в катакомбе, куда ведет ход в виде четырехугольн. колодца, дл. около 2 саж., шир. $1^1/_2$ арш. и глуб. 2 саж. Катакомба или подбой в форме ниши пробита в западн. стенке колодца и в дл. имеет $1^1/_2$ саж., в шир. немного меньше, в выс. $1^1/_2$ арш., отделяясь от хода стенкой из сырцового кирпича шир. от 1 до $1^1/_4$ арш., или деревян. бревнами, поставленными почти вертикально. Следов подстилки или гроба нет, покойник клался, повидимому, прямо на дне могилы на спине в вытянут. положении, гол. на Ю.

Другой вид Кубанск. погребений—та же, но более узкая катакомба: дл. хода в среднем немного больше 1 саж., шир. $^1/_2$ саж., глуб. 2 саж., дл. катакомбы 2 саж. или больше, шир. арш. 2. Такая катакомба часто поворачивает на неск. градусов к С. или Ю. В ней покойник клался гол. к выходу, стенки не было, ниша, повидимому, прямо засыпалась землей. Целой такой могилы Н. Весловский не встретил ни разу. В ходе катакомбных погребений обыкновенно не находили ничего и лишь в некоторых курганах лошадиные кости и железн. удила. Как реже встречавшийся, Н. Весловским отмечен более простой тип погребения: покойника хоронили в четырехугольн. могиле, длиной арш. 4, шир. $2^1/_2$.

Третий тип—могильная яма с заплечиками отмечена Н. Весловским в 1902 г. около ст. Усть-Лабинской, в кургане № 43 [3]). К сожалению, курган был ограблен раньше, и положения костяка установить не удалось. Таково-же устройство могилы в кург. № 1 ст. Казанской, раск. 1901 г. [4]); в нем дно могилы было вырыто покато с В. на З. У трех стенок оставались заплечики, с'уживавшиеся по мере приближения к нише, устроенной в зап. стенке. Погребение ограблено.

Один раз в кург. № 2 около Армавира в раск. 1902 г. [5]) найдена была четырехугольн. могила, ориентированная по странам света, с костяком, лежавшим по диагонали, гол. на Ю. З.

---

[1]) ОАК за 1904 г., П. 1907 стр. 134, № 2.

[2]) Н. И. Веселовский: «Курганы Кубанск. Области в период римского владычества на северном Кавказе». Труды XII Археол. С'езда. Т. I, М. 1905, стр. 350—351.

[3]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 84.

[4]) ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 69—71.

[5]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 87—88.

В кургане ст. Воздвиженской, раскопан. в 1899 г. [1]), впускная могила с сарматским погребением была крыта деревом и по четырем углам имела деревян. столбы: скелет лежал гол. на З. с небольшим отклонением к С.

Все эти типы погребений, как было указано выше, встречались в курганах Сусловск. могильника и других курганах Сарат. Края с той же культурой. Но их могильные сооружения были меньше по размерам и проще по устройству, чем Кубанские: это можно об'яснить тем, что Н. Веселовский вскрывал гл. обр. крупные богатые курганы, тогда как в могильнике с. Сусел большие курганы пока не тронуты.

Наметив в общих чертах сходство типов погребений в курганах Кубанской Области и Сусловского могильника, я перехожу к подробному описанию отдельных Кубанских курганов, их сравнению с сарматскими погребениями и древностями Саратовского Края, причем отмечу сходство в мелких деталях погребального инвентаря и обряда.

Курган № 20 около ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. [2]). Отнесен М. И. Ростовцевым ко времени не позднее II в. н. э. [3]).

Погребение катакомбное, ход отделялся от подбоя деревом. Курган ограблен, потому положение костяка и обряд погребения не установлены. Из вещей, найденных в кургане, аналогичны сарматским древностям Сарат. Края: 1) бронзовый литой браслет с украшениями в виде круглых бугорков или шишечек, как из кургана № 96 близ с. Б. Дмитриевки Сарат. у., раск. Н. Волкова 1887 г. и бронзов. кольца, железн. удил из кургана № 51, с. Суслы, раск. Н. Рыкова 1924 г.; 2) бронзовая пуговица. Такая же из кургана около кол. Фриденберг, раск. Н. Рау 1920 г.; 3) глиняный, слабо обожженный сосуд, состоящий из двух соединенных вместе, но не сообщающихся друг с другом четырехгранных чашечек (выс. 12½ см. табл. I, рис. 4), предмет ритуального назначения (курильница?), как и маленькие четырехгранные и цилиндрические сосудики в сарматских курганах Сарат. Края; 4) бусы и привески: белая буса с синими, неправильной формы, глазками, обведенными темно-серыми полосками, совершенно аналогичная бусе с горы «Можары» Камышинского у.; буса мастиковая мозаичная, по тонкости работы и сочетанию цветов совершенно сходная с бусой-подвеской с изображениями лица из Сусловского кургана № 57; буса мастиковая, синяя с белыми глазками такая же, как найденная на г. «Можары»; пронизи из египетской пасты в виде львов на прямоугольных подставках и скарабей, как «Можары», Суслы, курган № 37 и курган около кол. Альт-Ваймар: золотые бусы-трубочки, орнаментированные поперечными рубчиками, такие же в погребении около с. Саламатина Камышинского у.; бронзовая подвеска в виде маленького котла «скифского» типа, на ножке, с двумя ручками, как из кургана № 2, хут. Шульц, лев. бер. Торгуна, раск. Т. Минаевой и Н. Рау 1924 г. Кроме того, в кургане № 20 найдены кабаньи клыки, как в кургане № 5, 1-я груп., погреб. 1-е, кол. Фриденберг, раск. Н. Рыкова 1925 г. и курган № 12, Ю. В. груп., впускн. погреб., г. Покровск, те-же раскопки.

[1]) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 43—47.

[2]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 73—74. Древности из эт. кургана в Государств. Эрмитаже.

[3]) М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 573—574.

Курган № 6 в юрте ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. [1]). Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э. [2]). Погребение катакомбное, ограблено. В числе других вещей найдено бронзовое литое зеркальце—привеска с орнаментом в виде концентрических выпуклых кругов (такая техника орнамента типична для сарматских зеркал Сарат. Края), бронзовая обшивка, представляющая собой тонкую пластинку, прикреплявшуюся узкими бронзовыми полосками—предмет, аналогичный найденному в кургане № 42 Сусловского могильника, и железный трехгранный наконечник стрелы, обычный для наших погребений.

Курган № 12, юрт ст. Тифлисской, раск. Н. Веселовск. 1902 г. [3]).

Заключал ограбленное катакомбное погребение. Из древностей, аналогичных сарматским Сарат. Края, найдены: обломок бронзов. римск. фибулы провинциальн. типа и серебрян., открытая с двух концов трубочка с сохранившимся одним из двух колечек, неопределенного назначения (амулет?), которую, как кажется, можно сопоставить с трубочками—серебряной, также с двух концов открытой, из Можарского кургана и бронзовой из кургана Сусловского могильника (раск. А. Вейсбекера, П. Вайгеля и Г. Бератца 1912 г.). В кургане № 12 встретились такие же, как в Саламатинском погребении, но без рубчиков золотые цилиндрические бусы.

Следует отметить вещи еще из одного кургана ст. Тифлисской [4]). В нем в числе других предметов оказался круглый гранитный камень (круглые и неправильной формы камни попадались в нескольких погребениях Сусловского могильника), глиняный необожженный четырехгранный сосудик с двумя отверстиями у верхнего края, известного по Саратовским курганам типа, большое количество рыже-красной краски в порошке (румяна?), большой кусок мела и три куска, повидимому, какой-то смолы. Румяна найдены в кургане № 2, хут. Шульц, правый берег Торгуна (раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г.), куски мела, вероятно, имевшие ритуальное значение, обычны в курганах Сусловского могильника, ароматическая смола отмечена в Сусловском кургане, раск. А. Вейсбекером, П. Вайгелем и Г. Бератцом в 1912 г.

Курган № 1 около Армавира, раск. Н. Веселовск. 1902 г. [5]). Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э. [6]). Содержал основные погребения со скорчен. окрашен. костяками и впускные сарматские. Около гол. одного впускного костяка, лежавшего гол. на З., стоял глин. сосуд в форме чаши с небольшим отделением, где находились мелкие угли [7]). Аналогией этому сосуду-курильнице могут служить два небольшие сосуда, очевидно, тоже ритуальные из Сусловск. кургана № 54: один, имевший форму небольшой цилиндрической чашки (выс. 5 см.) с отверстием у края (типа, обычного для сарм. погребен. Сарат. Края) вложен в другой, больший по

---

[1]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 66. Древности в Рос. Ист. Муз.

[2]) М. Ростовцев. op. cit., стр. 572.

[3]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 68. Древн. в Рос. Ист. Муз.

[4]) В Р. Ист. Музее, где хранятся эти вещи, ошибочно помечено на планшетке, что они найдены в кургане № 28, раскопанном Н. Веселовским в 1902 г. (№ планшетки —17/25-а, инвент. № 48478). Между тем в ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 76—77 под этим № помещено описание кургана с другими вещами.

[5]) ОАК за 1902 г. П. 1904, стр. 86—87. Древн. в Эрмитаже.

[6]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 572.

[7]) ОАК за 1902 г., рис. 193. Подобный найден был в большом кургане ст. Казанской в 1900 году. ОАК за 1900 г., П. 1902, стр. 45, рис. 105.

величине глин. стакан с плоским краем, украшенным таким же ямочным орнаментом, как сосуд из Армавира (выс. стакана 9 см., табл. II, рис. 4; подобные сосуды в Сусловск. кург. № 51).

Впускное погребение кургана № 1 около Армавира, давшее интересные и богатые вещи, содержало костяк на спине, гол. на В. Из аналогичных Сусловским предметов следует отметить алебастровый, слегка сдавленный с боков сосудик (выс. 6 см., табл I, рис. 5), какие не раз попадались в курганах Сусл. могильника, литое бронзов. зеркало (сравнить с зеркалом из Сусл. кург. № 18), глин. плоское блюдо с широким, орнаментированным бороздками ободком (диам. 26, выс. 9 1/2 см., табл. I, рис. 6), полная аналогия чаше из кург. № 56 с. Сусел по форме, глине и выделке и черные лигнитовые бусы, как из кург. № 45, но более мелкие.

Курган № 1, Армавир, раск. Н. Весел. 1903 г., впускное погребен.[1]). Дата—не старше конца I в. н. э.[2]). Могила в форме четырехугольн. ямы, ориентированной с С. на Ю., имевшей с юга отвесную стенку, с севера—два уступа. По длинным сторонам устроены были заплечики, шир. в 35 см. В могиле—костяк женщины, гол. на Ю., в резном дубовом гробе. Из вещей нужно отметить: массивное бронз. литое зеркало с ручкой, ободком по краю и конусовидной выпуклостью в центре [3]), аналогичное в Сусл. кургане № 18; железн. наконечники стрел; привеску из рога, аналогичную найденной в одном из курганов Ровненск. района, раск. П. Рау 1920 г. (дл. 4,5 см., табл. I, рис. 7 и табл. II, рис. 7); глин. сосуд с ручкой[4]), сходный по форме с найденным в Сусл. кург. № 46, а по глине и технике выделки—с сосудами (фрагментированными) из Сусл. кург. № 2 (выс. Сусл. сосуда 9 1/2 см., табл. II, рис. 5); мастиковую белую бусу с т.-син. неправильной формы глазками, обведенными серовато-зел. полосками, как буса Можарск. находки, черные лигнитовые бусы, как в Сусл. кург. № 45, плохо сохранившееся алебастровое пряслице, часто встречающееся в Сусловских курганах, и мраморное пряслице яйцевидной формы, как найденное в Сусл. кургане № 21. В этом же кургане оказалось много золотых нитей от ткани, повидимому, парчевой (в одном из Сусл. курганов также встретились кусочки золототкан. парчи), куски янтаря и мела, вещество белого и коричневого цвета (краска?).

В южной поле этого кургана была обнаружена еще одна впускная могила, ориентированная С.-Ю., в виде узкого четырехугольн. колодца с тщательно отделанными стенками, в южн. стене которого была пробита мина, ведшая в нишу. Здесь лежал костяк человека на спине, гол. на В. В головах—глинян. горшок плохого обжига с чекан. орнаментом[5]), близкий Сусловским, у ног—глин. курильница с углями на четверной ножке[6]).

Курган № 12 близ ст. Тульской, раск. Н. Весел. 1897 г.[7]).

Здесь найден был, между пр., глин., плохо обожжен. цилиндрич. сосудик типа ритуальных сарм. сосудиков, о которых уже не раз говорилось раньше, и два точильных камня.

---

[1]) ОАК за 1903 г., П. 1906, стр. 61—65. Древности в Эрмитаже.

[2]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 575.

[3]) ОАК за 1903 г., П. 1906, стр. 63, рис. 102.

[4]) ibid., стр. 64, рис. 111.

[5]) ОАК за 1903 г., П. 1906, стр. 65, рис. 114.

[6]) ibid., рис. 115.

[7]) ОАК за 1897 г., П. 1900, стр. 21. Древн. в РИМ.

В раскопках того же года около ст. Андрюковской[1])—точильный камень, железный нож и шестиугольн. глин. плита с клеймом, дл. около 10 см. Не есть ли это аналогия большой камен. плите из кург. № 3 Сусл. мог. и такой же камен. плите меньших размеров со сглаженными краями из кург. около с. Топкошуровки, раск. П. Вайгеля.

Н. Веселовский говорит о кургане № 12 ст. Тульской, как о содержавшем погребение Белореченского типа[2]), которые относятся к Золотоордынской культуре XIV, XV вв.[3]), тогда как по вещам он типично-сарматский. Древности ст. Андрюковской, о которых я говорила, я сопоставляла с сарматскими Сарат. Края; Н. Веселовский считает Андрюковские курганы[4]) Золотоордынскими, а частью древнейшими, вероятно, бронзовой эпохи.

Кург. № 2, ст. Некрасовская, раск. Н. Веселовск. 1905 г.[5]).

Ограбленное катакомбное погребение. Найдены м. пр. золот. рубчат. цилиндрич. бусы (см. Саламатино, Камыш. у.), зол. привеска с вставным стеклом, украшенная по краю зернью (подобные, но с выпавшими стеклами, в вещах из Саламатина), и крупные кабаньи клыки (к. Фриденберг, кург. № 5, погр. 1-е, 1-я груп., раск. П. Рыкова 1925 г. и г. Покровск, кург. № 12, впускн. погреб., Ю.-В. груп., те же раск.).

Кург. № 4, ст. Некрасовск., раск. Н. Весел. 1905 г.[6]). Предположительная дата—конец II в., нач. I[7]). Ограблен. катакомбн. погребение, от которого остались м. пр. зол. нашивн. бляшки ввиде розеток (см. Саламатино), большая морская раковина-привеска и скипевшиеся вместе железн. трехгран. стрелы, лежавшие, повид., в колчане (скипевшиеся жел. стрелы в Сусловск. кург. № 16). Черепков глин. посуды и обломков железн. меча из этого кургана нет в Эрмитаже.

Кург. № 5, ст. Некрасовск., раск. Н. Весел. 1905—6 гг.[8]).

Ограбл. катакомбн. погребение. Отмечу зол. бляшку, украшен. зернью, с петелкой на задней стороне (см. Саламатино), обломок кабаньего клыка (Фриденберг, кург. № 5, погр. 1-е, 1-я груп., раск. П. Рыкова 1925 г. и г. Покровск, кург. № 12, впускн. погреб., Ю.-В. груп., те же раск.), бронзовый литой колесик неизвестн. назначения (такой-же в кург. № 2, хут. Шульц, лев. бер. р. Торгуна, раск. Т. Минаевой и П. Рау 1924 г.) и золот. бляшки уголками—вероятн., украшения одежды[9]) (такие же серебрян. в одном кург. около к. Визенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г.).

Кург. № 29 в юрте ст. Усть-Лабинской, раск. Н. Весел. 1902 г.[10]). Предположительно датирован эллинистическим временем.[11]). Содержал два целых впускных погребения и разграбл. катакомбное, от кот. осталось м. пр. несколько морских

---

[1]) ОАК за 1897 г., П. 1900, стр. 22. Древн. в РИМ.
[2]) ibid., стр. 21.
[3]) ОАК за 1896 г., П. 1898, стр. 2.
[4]) ОАК за 1897 г., П. 1900, стр. 22.
[5]) ОАК за 1905 г., П. 1908, стр. 74. Древн. в Эрмитаже.
[6]) ibid, стр. 75. Древн. в Эрмитаже.
[7]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 572.
[8]) ОАК за 1905 г., стр. 75 и за 1906 г., стр. 91—92. Древности в Эрмитаже.
[9]) См. ОАК за 1906 г., стр. 92, рис. 118.
[10]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 77—78. Вещи на складе древн. Акмакульта.
[11]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 573.

раковин-привесок (точно такая-же в Сусл. кург. № 45), скиневш. железн. трехгранные наконечники стрел с сохранившимися частями деревянных древок (то же, что в неск. курганах Сусловск. могильника) и обломки костяных пластинок лука, выпуклых с одной стороны и гладких с другой, одна с зарубкой для тетивы и приставшими частицами красной окраски колчана (аналогичные пластинки от лука в Сусл. кургане № 51 и кург. № 2, 5-я груп., с. Шипово, Уральск. губ., раск. П. Рыкова 1925 г.).

Кург. № 42 в юрте ст. Усть-Лабинск., раск. Н. Весел. 1902 г.[1]). Дата—не позднее II в. н. э.[2]). Ограблен. катакомбн. погребение. В числе найден. предметов —золот. цилиндрическ. рубчат. бусы и зол. подвески с выпавшим стеклом, украшен. зернью (см. Саламатино), кабаний клык с отверстием для подвешивания (Фриденберг, кург. № 5, погр. 1-е, 1-я груп., раск. П. Рыкова, 1925 г. и г. Покровск, кург. № 12, впускн. погреб., Ю.-В. груп., те же раск.) и золот. флакончик с крышечкой, повид., носившийся на цепочке, с вставками из камней и характерным для таких вещей украшением в виде пояска из зол. накладного шнура, заплетен. косичкой[3])—аналогия серебрян. флакончику Можарской находки[4]).

Курган около ст. Воздвиженской, раск. Н. Весел. 1899 г., впускн. погребен.[5]) Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э.[6]). Могила была крыта деревом и по четырем углам имела деревян. столбы, в ней мужск. скелет, гол. на З. с небольшим отклонением к С. Из аналогичных Сусловским вещей нужно отметить железн. трехгран. наконечники стрел[7]), плоский разбитый камен. брусок с отверстием для подвешивания[8]) и второй—целый[9]), алебастровый туалетный сосудик, кинжал с прямым перекрестьем и кольцевидным навершием[10]) (такие же найдены в Сусловск. курганах №№ 1, 16, 23 (погреб. 1), 49, кург. № 1, хут. Шульц, прав. бер. Торгуна и кург. № 2 близ кол. Альт-Ваймар, лев. бер. Торгуна), два медн. котла[11]) и знакомый нам маленький глин. цилиндрический ритуальный сосудик с двумя круглыми отверстиями у верхн. края[12]).

Такой-же сосудик из красн. глины, также с двумя отверстиями, выс. 4,4 см.[13]) найден был в кургане № 1 около ст. Казанской, раск. Н. Веселовского 1901 г.[14])

Культура курганов Зубовского хутора Кубанск. Обл. даст древности, также аналогичные Саратовским сарматским.

---

[1]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 83. Древн. в Эрмитаже.
[2]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 574.
[3]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 83. рис. 184-а и б.
[4]) ОАК за 1898 г., П. 1901, стр. 78, рис. 137.
[5]) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 43—47.
[6]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 571.
[7]) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 44, рис. 67.
[8]) ibid., стр. 44, рис. 71.
[9]) ibid., стр. 45, рис. 74.
[10]) ibid., стр. 44, рис. 72.
[11]) ibid., стр. 46, рис. 77—78.
[12]) Рисунок этого сосудика я видела в материалах проф. А. А. Спицына.
[13]) Рисунок в материалах А. А. Спицына.
[14]) ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 69—71.

Кург. № 2, Зубовск. хут., раск. Забродина 1899 г.[1]). Дата—I в. до нач. н. э.—I в. н. э.[2]). Устройство погребения не обнаружено, т. к. курган вскрыт не археологом; заметили только, что могила была покрыта деревом. В числе предметов, найденных при погребении, отмечено две плиты и голыш (кург. Сусл. могильника №№ 3, 11, 24, 32), 3 алебастровых сосудика с пудрой и румянами, из кот. 2 с ручками ввиде стилизованных зверков[3]) (такой-же сосудик из Сусл. кург. № 47, выс. 7 1/2 см., табл. II, рис. 6) и бронзовое литое зеркало-привеска[4]) типа, обычного для сарматских курганов Сарат. Края.

Из других Зубовских вещей, хранящихся в коллекциях Эрмитажа, обстоятельства находки которых незвестны, следует отметить разл. типы бус, среди них круглую с бороздками матового белаго стекла, как найденная на горе «Можары», бронзов. зеркальце—привеску со штампованным линейным орнаментом и небольшой глин. орнаментированный сосуд с покрытой графитом поверхностью (выс. 9 см., табл. I, рис. 8), совершенно аналогичный фрагментированным сосудам из Сусл. кургана № 2 по характеру глины, толщине стенок, технике выделки и таким же целым сосудикам из кург. № 96 около Б. Дмитровки и кург. №№ 4 и 6, 6-я групп., с. Шипово, Уральск. губ., раск. П. Рыкова 1925 г.

Знакомые по Сусловск. курганам древности найдены были случайно на городище близ ст. Роговской[5]): бронзов. римск. провинц. фибулы, фрагмент бронзов. зеркала, точильн. камень, разл. бусы и привески (скарабей зел.-бел. египетск. пасты, круглая буса с бороздками матов. бел. стекла, мастиковая синяя с белыми глазками и др.).

Устанавливая сходство сарматских курганов Кубанск. Обл. и Сарат. Края в типах погребений, погребальном обряде и инвентаре, я должна упомянуть о находках в тех и других красной краски, похожей на тонкие листки бумаги, повидимому, от колчанов, как показали раскопки Сусл. могильника (Кург. № 23, юрт ст. Ладожской, раск. Н. Весел. 1902 г.[6]); кург. № 28, те же раск.[7]); кург. № 10, юрт ст. Тифлисской, те же раск.[8]); кург. № 29, юрт ст. Усть-Лабинской, те же раск.[9]); курганы №№ 3 и 27, с. Суслы, раск. П. Рыкова 1924 г.).

Укажу еще в Кубанских находках аналогии отдельным сарматск. древностям Сарат. Края: так, среди вещей из Кубанск. раскопок Н. Веселовского (без обозначения места находки), хранящихся в Акмакульте, следует отметить круглые и гранен. ручки железных ножей, выточенные из кости (№№ 7376, 7380, 7381, 7424, 7425), как в Сусл. курганах №№ 3 и 7, и грубые глиняные пряслица (№№ 7379 и 7420).

В Кубанских курганах Веселовскому встречались бронзов. кольца (по два в могиле) со стоячими фигурками козлов или с человеч. головками[10]); такие же

[1]) ИАК, вып. I, II. 1901, стр. 100—103. Древн. в Эрмитаже.
[2]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 570.
[3]) ИАК, вып. I. II. 1901, стр. 102, рис. 27—28.
[4]) ibid., стр. 102, рис. 25.
[5]) ОАК за 1891 г., П 1893, стр. 125—126. Древн. в РИМ.
[6]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 75—76.
[7]) ibid., стр. 76—77.
[8]) ibid., стр. 67—68.
[9]) ibid., стр. 77—78.
[10]) Н. Веселовский, op. cit., стр. 361, рис. 53.

кольца (тоже два в погребении) с изображениями верблюдов из кург. № 96 около Б. Дмитриевки, Сарат. губ.: в случайно разрытой могиле ст. Тимошевской, Кавказск. Отдела [1]) найдена была римская серебрян. фибула, сходная с одной из Можарских; дата вещей—не старше конца I в. н. э. [2]); в кург. на бер. р. Зеленчука, близ ст. Тифлисской в 1900 г. найдено было два золотых цилиндрика—амулета с колечками для подвешивания, сходных с Можарскими [3]) (такие цилиндрики бывают двух типов—одинарные, обычно находимые по два в погребении, и двойные, как бы составленные из двух отдельных, находимые в погребениях по одному; они вдвое длиннее одинарных и по средине имеют поперечный поясок из плетеного золот. шнура, который как бы делит их на две части); один цилиндрик встретился Н. Весловскому в центровой гробнице кургана «Острого» около ст. Ярославской, раск. 1896 г. [4]), один в хищнически раскопанном кургане близ ст. Куржипской [5]) и один в кургане № 43 в юрте ст. Усть-Лабинской, раск. Н. Весел. 1902 г. [6]).

При изучении древностей Кубанск. Области в собраниях Эрмитажа, Акмакульта и Ист. Музея получается ошибочное впечатление, что Кубанск. курганы дают очень мало керамики, особенно грубой сарматской, которая в сарм. курганах Сарат. Края, наоборот, представлена очень богато; другая картина получается, если просмотреть отчеты Н. Веселовского: почти в каждом кургане он отмечает находки одного или нескольких целых сосудов или отдельных черепков. Судя по описаниям, безусловно преобладают грубые туземные сосуды, но попадаются и привозные хорошей тонкой выделки. Для примера приведу несколько выдержек из этих отчетов: курган № 1, именье Зиссерманов, 2-е впускн. погребение [7]). Найдены: „... 3 глин. горшка (один красной и два черной глины, последние разбились)...“; ст. Казанская, раск. 1900 г. [8]). В ногах костяка одной из впускных могил: „... стоял горшок, а в головах—глин. сосуд на четырехгранной ножке с углем [9]) и плошка...“; кург. № 33 между ст. Казанск. и Тифлисской, раск. 1901 г.[10]). Найдены: „... черепки грубого глин. сосуда...“; кург. № 4 около Армавира, раск 1902 г.[11]) „... с правой стороны..... (костяка впускн. гробницы) найден небольшой красный глин. кувшин, с левой—патера из серой глины и большой сосуд красной глины...“ Там же, детск. погребен.: „..... у головы..... стояла глин. чашка...“ Там же, 3-я гробница: „... у головы.... найдены кувшин из черн. глины и глин. курильница на ножке...“[12]), кург. № 6 около ст. Кубанской, раск. 1902 г.[13]). Впускное погребение дало:

[1]) ОАК за 1894 г., П. 1896, стр. 38, рис. 41.

[2]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 575.

[3]) Случайн. находка. ОАК за 1900 г., П. 1902., стр. 103—104, рис. 187 на стр. 103 (цилиндрик типа одинарных).

[4]) ОАК за 1896 г., П. 1898, стр. 58—59, рис. 286 на стр. 58 (типа двойных).

[5]) ОАК за 1895 г., П. 1897, стр. 62—64, рис. 144 на стр. 62 (типа одинарных).

[6]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 84, рис. 187 (цилиндрик типа одинарных, раздавлен.).

[7]) ОАК за 1900 г., П. 1902, стр. 41.

[8]) ibid., стр. 45.

[9]) ibid., рис. 105.

[10]) ОАК за 1901 г., П. 1903, стр. 81.

[11]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 88.

[12]) ibid., стр. 89, рис. 198 *а* и *б*.

[13]) ibid., стр. 90.

„... два глин. сосуда, один хорошей работы, другой грубой.... 4 глин. сосуда (два в ногах и два выше головы)...".

Кубанская керамика сходна с керамикой сарматских погребений Сарат. Края, в частности Сусловской, что я уже не раз отмечала, рассматривая отдельные курганы и найденные в них сосуды. Приведу еще целый ряд примеров, доказывающих полное сходство нашей и Кубанской керамики, как тонкой, привозной, так и грубой, туземной.

Кург. № 1, Армавир, раск. Н. Весел. 1903 г. [1]).

Найден, м. пр., большой грубый глин. горшок (выс. 25 см.), представляющий собою полную аналогию такому-же по форме и глине сосуду из кург. № 56, с. Суслы.

Глин. патера из Армавира (Эрмитаж, 1902 г., инв. № 16816, выс 9½, диам. 26 см.) есть повторение чаши из кург. № 56.

Небольшой сосуд с ручкой (Акмакульт, инв. № 3091, выс 15 см.) из раскопок Н. Весел. в Армавире 1902 г. (кург. не обозначен), украшенный резным орнаментом, из серой, покрытой графитом глины—повторение сосудика из Сусл. кург. № 46 (см. табл. II, рис. 6).

Небольшая чашка с тонким резным орнаментом (Акмакульт, № 3093, выс. 8½ см.) из раск. Н. Весел. в Армавире 1902 г. (также без обознач. кургана). По глине (серая со следами графита) и выделке—аналогия серым графитным сосудам Сарат. Края. Интересно отметить, что эта чашка, повидим., продолжала быть в употреблении и после того, как она разбилась; в трех местах имеются парные дырочки, при помощи которых сосуд среплялся—прием, наблюдаемый для сосудов этого типа из погребений Сусловск. могильника. Очевидно, Кубанские сарматы, как и сарматы Саратовского Края, дорожили такого сорта посудой.

Сосудик № 7388, выс. 10½ см. и чашечка с тонким резным орнаментом (№ 7301, выс. 4, диам. 13½ см., оба из Куб. раск. Веселовского, Акмакульт), опять служат примерами такой-же серой графитной керамики.

Фрагментирован. сосуд с ручкой (Акмакульт, № 3092, выс. 15 см.) из раск. Весел. в Армавире 1902 г. (кург. не обознач.) по глине, выделке и даже орнаменту (резной, состоящий из линий и кружков) буквально повторяет большой черный кувшин из Сусл. кургана № 25.

Другие примеры сосудов этого типа, привезенных с Кубани Веселовским: кувшин с отбитым горлом № 7386, выс. 20 см., кувшин № 7385, выс. 19 см. и фрагмент чашки № 7321 (Акмакульт).

Красноглиняная посуда хорошей выделки, представленная в Сарат. Музее кувшином из Сусл. кургана № 54, патерой из кург. № 45, небольшим горшочком, частично покрытым красным лаком, из кург. № 21, небольшой амфорой из кург. № 44 и разбитым сосудом из кург. № 1, 5-я груп., с Шипово, Уральск. губ., находит себе аналогии в колл. сосудов из Кубанск. курганов Весел., хранящ. в Акмакульте: кувшинчик № 7387, выс. 13½ см., фрагменты патеры № 7392 со следами красн. лака и патеры № 7393, чашечка № 7310 со следами плохого красн. лака.

[1]) ОАК за 1903 г, II 1906, стр. 62—65. Древн в Эрмитаже

Глин. горшочек № 7320, выс. 7 см., горшочек № 7389, выс. 9 см. и плохого обжига чашечка № 7317, выс. 5 см., представляют собою полную аналогию грубой туземной сарматской керамике Саратовск. Края.

Курган № 2 около Армавира, раск. Н. Весел. 1903 г.[1]).

В нем оказалось несколько погребений, одно в южной поле кургана, где костяк лежал в нише, гол. на В. У гол. и лев. плеча стояли два глин. сосуда, один с орнаментом на шейке[2]). Насколько можно судить по фотографии (самых сосудов мне не удалось видеть), это горшки, типичные для Сарматск. Сарат. курганов. Подобные сосуды, судя опять лишь по фотографии, встретились Н. Весловскому в большом кургане ст. Урупской, раск. 1903 г.[3]).

В кург. № 22 в юрте ст. Ладожской, раск. Н. Весел. 1902 г.[4]), в ногах скелета, лежавшего гол. на С., стояли 2 глин. сосуда—патера черной глины и кувшин с ручкой в виде стилизованного животного [5])—аналогия кувшину с подобной-же ручкой Сусловск. погребения № 36. У головы скелета—разбитый сосуд красн. глины и выше разбитый глин. горшок.

Кург. на участке П. Харина, близ Хатажукаевского аула, раск. Н. Весел. 1899 г.[6]). В женск. впускн. погребении (костяк гол. на З.) найден глин. кувшин с тремя ручками различн. формы, одной—витой, двумя, судя по фотографии [7]),— в виде стилизованных животных —опять аналогия тому-же сосуду Сусловского погребения.

Сравнение погребений Кубанск. Области и Сарат. Края, относящихся к эллинистическому и римскому времени, показало их близкое сходство. Но инвентарь Кубанских курганов гораздо богаче и разнообразнее, в нем больше дорогих привозных вещей. И это естественно: Кубань—центр сарматск. культуры, населенный более богатыми, сильнее воспринявшими античную культуру, племенами, чем далекие Заволжские степи с кочевым населением. Для доказательства тесной связи сравниваемых культур особенно важно было найти сходство деталей погребального обряда, а в инвентаре могил—туземных, непривозных предметов, бытовых и ритуальных, что удалось подметить и на что я старалась обратить каждый раз особое внимание.

Некоторый материал для освещения сарматск. культуры Сарат. Края удалось собрать в литературе для других мест, кроме Кубанск. Области, но незначительный.

Курганы, совершенно аналогичные Сусловским, найдены в Самарск. губ. В. В. Гольмстен [8]). Здес в одном кург. Бугурусланск. у., раск. 1923 г., обнаружено погребение сарматск. воина, при костяке—железн. меч, нож, мелкие вещицы (пряжки и т. д.), части ноги и лопатка барана.

---

[1]) ОАК за 1903 г., П. 1906. стр. 65—66.

[2]) ibid., стр. 66, рис. 116—117.

[3]) ibid., стр. 66 – 67, рис. 119—120.

[4]) ОАК за 1902 г., П. 1904, стр. 75.

[5]) ibid., рис. 159.

[6]) ОАК за 1899 г., П. 1902, стр. 47—51.

[7]) ibid., стр. 49, рис. 94.

[8]) В. В. Гольмстен: «Доисторич. прошлое Самарск. Края». Сборник «Краеведение», ч. I. Губиздат. Самара, 1924 г., стр. 162—163.

В 8 курганах около совхоза Березняки, Пилюжинск. вол., Бугурусланск. у., раск. 1923—24 г.г., могилы—с подбоями, костяки на спине в вытянут. положении, гол. на С., при них глин. сосуды в виде горшка, кувшина, чашки, ножи с костян. ручками, различн. жел. поделки, точильн. брусок, узда с набором из пряжек и блях плохого серебра, длин. жел. меч, остатки седла, ожерелья из бус и бронзов. привесок, римские провинц. фибулы, по которым погребения датированы II—III вв. наш. эры. Черепа деформированы. Эти погребения В. В. Гольмстен не относит к сарматск. культуре, думая, что Березняковская культура сменила сарматскую.

В кург. № 3 около слоб. Сватовой Лучки, Купянск. у., Харьковск. губ., раск. Е. Трифильева 1901 г. [1]), который отнесен исследователем ко II или III в. по Р. Х., с чем не согласен М. Ростовцев, датируя его I в. н. э. по найденной стеклянной и рельефной посуде [2]), была обнаружена квадратная могила, обложенная по стенкам деревом. В ней—женск. костяк на спине, гол. к Ю. Из аналогичных нашим древностей найдены были два зеркальца—привески из беловатого сплава [3]) и небольшая шестиугольная плита из песчаника с одной шероховатой и другой очень сглаженной поверхностями и сглаженными краями [4]) (сравнить с плитами Сусловск. кургана № 3 и кургана около Тонкошуровки, раск. П. Вайгеля).

В 1903 г. Археол. Комиссия приобрела вещи из разрытого в 1896 г. при добывании камня кургана около пос. Ново-Петровка, Антон. вол., Херсонского у. и губ. [5]), в том числе медн. римск. ковш с надписью на рукоятке (Больше-Дмитриевск. курган № 96) и золот. флакончик с крышечкой и ушками для цепочки [6]), подобный серебряному Можарской находки.

В сарматск. кургане близ с. Мастюгина, Воронежск. губ., раск. А. А. Спицына 1905 г. [7]) встретился золотой цилиндрик—амулет с филигранными украшениями (типа двойных), подобный Можарским.

Среди древностей сарматск. культуры Сарат. Края легко различить вещи местного, туземного производства и привозные, которые доставлялись, повидимому, из греческих Черноморских колоний. Шли-ли эти вещи на Волгу из одного центра или таких центров производства и торговли было несколько, нельзя сказать с уверенностью, не занявшись решением этого вопроса специально. М. И. Ростовцев в одной из своих последних работ [8]) говорит о политических, культурных и торговых связях сарматск. населения Таманского полуострова и Кубани с Пантикапеем, центром производства вещей, находивших сбыт у сарматов. Действительно, в Керченских находках есть аналогии привозным вещам инвентаря сарматск. погребений, но такие же аналогии дают находки и других Черноморск. колоний. Приведу примеры: в одной Керченск. могиле, относимой ее исследователем, В. В. Шкорпилом,

[1]) Е. П. Трифильев: «Археологич. экскурсия в Купянск. у. Харьковск. губ. летом 1901». Труды XII Арх. С'езда, т. I, М. 1905 г., стр. 136—138.

[2]) М. Ростовцев, op. cit., стр. 586—587.

[3]) Е. Трифильев, op. cit., стр. 138, рис. 22.

[4]) ibid., стр. 139, рис. 23.

[5]) ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 153—154.

[6]) ibid., стр. 154, рис. 305.

[7]) ОАК за 1905 г., П. 1908 г., стр. 82—83, рис. 97, 7 на стр. 82.

[8]) М. И. Ростовцев: «Курган. находки Оренбургск. Области эпохи раннего и позднего эллинизма». Мат. по арх. России, № 37, П. 1918 г., стр. 77

к римск. времени (I—IV вв. наш. эры) найдено было, м. пр., два золотых цилиндрика—амулета с характерным орнаментом мелкой зернью и плетеным шнуром [1]) (ср. «Можары», Камыш. у.). Такие-же цилиндрики известны из Херсонеса, раск. 1890 г. [2]) и 1894 г. [3]). В последнем случае цилиндрик найден был в гробнице втор. пол. I в. по Р. Х. В коллекции золот. вещей из Черноморских колоний Эрмитажа имеются цилиндрики—амулеты из Херсонеса: № 16369—три цилиндрика, один типа двойных и два одинарных (год находки не указан), № 17508—один типа одинарных, находка 1906 г., № 17509, находка 1906 г.—один типа одинарных и № 40, 1896 г., тип одинарных.

Золотые серьги в виде калачика с украшениями из проволочн. филиграни и плетен. шнура, подобные Можарским, были найдены в Ольвии [4]).

Одним из интересных предметов не местного производства, редко встречающихся в сарматских курганах Приволжья, является бронзовая римская фибула в виде шестиугольного щитка с красной, белой и синей эмалью, найденная в кург. № 6 Сусловск. могильника. Такая-же, но с ромбическим щитком оказалась в одном погребении около Блуменфельда в раскопках 1925 г. Эти вещицы были в ходу в Причерноморских колониях, откуда они попали и к Волжским сарматам. Таких фибул в Эрмитаже мне удалось видеть три, все типа ромбических: инв. № 13745 (по раскопкам № 361), раск. Б. В. Фармаковского 1903 г. [5]). Найдена вместе с другими вещами в могиле № 6, относимой исследователем ко времени около Р. Х. и представлявшей собою земляной склеп с дромосом, который оказался разграбленным; № 606 Т, Керчь, 1884 г. Найдена в земляной гробнице № 42, около арестантской казармы; № 1481, оп. III, № 28, обломок фибулы, найдена в Керчи в 1891 г.

Такая-же круглая эмалевая фибула издана Riegl'ем; это находка в южном Тироле (Val di Non), хранящаяся в Museum Ferdinandeum в Инсбруке [6]).

В коллекциях различн. бус и подвесок из Керчи Эрмитажа и Ист. Музея можно найти почти все типы, встречающиеся в сарматских курганах нашего Края—скарабеи и львы из египетск. пасты, граненые сердоликовые бусы Сусловск. кургана № 57 и кургана г. «Можары», различн. мастиковые бусы, в частности мозаичные (в Эрмитаже я видела точно такую-же, как из Сусловск. кургана № 57 мозаичную бусу с изображениями лица). По указанию Н. Веселовского [7]), в Керчи часто встречаются характерные для Кубанских погребений и известные у нас золотые рубчатые цилиндрическ. бусы (находка около Саламатина, Камыш. у.).

Туалетные алебастровые сосудики с ручками в виде зверков, как в Сусловск. кургане № 47 (см. табл. II, рис. 6), находят себе аналогии в Эрмитажных сосудиках № 17703, Е, 19 (выс. 6 см.), Ольвия, 1913 г. (доставлен г. Филипповым)

---

[1]) ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 50, рис. 88 (тип одинарных?).

[2]) ОАК за 1890 г., П. 1893 г., стр. 31—32, рис. 17 *а* и *в* на стр. 32.

[3]) ОАК за 1894 г., П. 1896 г., стр. 61 рис. 85 (тип двойных).

[4]) ОАК за 1903 г., П. 1906 г., стр. 147—148, рис. 288 на стр. 148 (случайное приобретение).

[5]) ИАК, вып. 13-ый, П. 1904 г., стр. 153.

[6]) A. Riegl. Die Spätrömische Kunstidustrie nach den Funden in Österreich-Ungarn. Wien. 1901, табл. VIII, № 7. Подобные фибулы см. у П. Уваровой, „Могильники Северн. Кавказа", М. 1900, табл. C XXVI, №№ 16, 10, 9, 17, 8 и 7.

[7]) Н. Веселовский, op. cit., стр. 346.

и № 19362, выс. 8 см., место находки неизвестно. Наконец, № 19363 (по раскопкам № 1162)—обломок такого-же алебастрового сосудика с ручкой в виде зверка. Найден в Ольвии, раск. Б. В. Фармаковского 1906 г., в раскопе VI, 2 с, Ю. З. вместе с 3-мя медными монетами (еще не определены).

Привозные вещи, особенно керамика сарматских погребений нашего Края, находят себе близкие аналогии в древностях некрополя Танаиса, раск. П. Весел. на земле хут. Недвиговки 1908-9 гг., где встретились выдолбленные в скале и обделанные тесаным камнем могилы, больш. частью ограбленные, а также отмечен обряд трупосожжения [1]). Отмечу среди найденных вещей: зол. медальон со вставкой из стекла или камня, по краю украшен. зернью [2])—аналогия нескольким таким медальонам из кургана № 1, 2-я груп., Вязенмюллер, раск. П. Рыкова 1925 г., бронзовые браслеты и римск. провинц. фибулы, подвески из египетск. пасты в виде скарабеев и львов на подставках, различн. мастиковые. стеклян. и сердоликовые бусы, обычных для курганов Саратовского Края типов [3]).

Керамика из Недвиговки (Акмакульт, склад древностей): № 3176 сосудик из серой, покрытой графитом, глины (выс. 7 см.). Такой-же, как в кург. №№ 4 и 6, 6-я груп., с. Шипово, раск. П. Рыкова 1925 г.

№ 3187. Такой-же глины, но иной по форме сосудик, выс. 6 1/2 см.

№ 3199/65. Такой-же кувшинчик, выс. 13 1/2 см.

№№ 3157/5, 3158/7 и 3158/8 кувшины красн. глины (выс 24, 23 и 15 см.), сравнить с красн. сосудами из сарматских курганов Сарат. Края.

Укажу еще на один сосуд из найденных в Недвиговке в 1908-9 гг. (без №). Это чаша на поддоне (выс. 6 см.) из красноваторозовой глины, очень напоминающая по форме, глине и выделке розовую патеру из Сусловск. кургана № 45.

Можно предполагать, и приведенные примеры подтверждают это, что Танаис являлся одним из городов, поставлявших свои изделия в наши степи, причем р. Дон должна была служить удобным прямым путем, по которому эти товары шли на Волгу. Пока приходится ограничиться этими случайными примерами. Какие Черноморские колонии снабжали Волжских кочевников своими изделиями—вопрос, требующий дальнейшего изучения, приведенные примеры послужат для этого материалом.

Саратов. 1925 г.

---

[1]) ОАК за 1908 г., П. 1912 г., стр. 122—129 и за 1909—10 гг., П. 1913 г., стр. 139—141, часть вещей в Акмакульте.

[2]) ОАК за 1908 г., стр 127, рис. 184.

[3]) См. ibid.

Табл. I.

Ленинград. Государственный Эрмитаж.

Табл. II.

Саратов.

Археологич. Отдел
Государств. Областного
Музея.

Из монетной летописи Нижне-Волжской Области.

Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII века включительно.

Б. Зайковский.

Настоящее сообщение является результатом моих работ по регистрации и выявлению обстоятельств находок, гл. обр., античных монет в области Нижнего Поволжья.

Материал, собранный мною, представляет своего рода монетную летопись за 1-ю четверть текущего столетия и все, что достойно внимания и оказалось проверенным, я выбрал из этой летописи и хотел бы поделиться с другими, ибо думаю, что даваемый мною материал в достаточной степени обрисовывает вопрос о сношении Мал. Азии, Греции и Рима и их колоний с нашей областью и будет не бесполезен для лиц, занимающихся изучением торговых сношений античного мира с Востоком.

Летом 1900 г. мне впервые была доставлена медная монета Константина В. из культурного слоя в 3 верстах к Юго-Зап. от г. Саратова. Я демонстрировал эту монету перед членами Сарат. Уч. Арх. Комиссии и получил ответ, что она попала сюда случайно, занесенная, быть может, монг.-татарами из Киева, при возвращении их из похода на Русь. Не допускалось мысли о непосредственных сношениях античных культурных очагов с нашим краем. (1).

Вскоре, после того, при с. Савинке, за Волгою, была найдена вместе с другими предметами древностей бронзовая медаль Адриана, выбитая в Египте, с аллегорическим изображением разлития Нила, а затем у меня стали собираться сведения и о других находках античных монет и предметов (2). Это заставило меня поставить вопрос не о случайности захождения античных монет в наш край, а о планомерности их притока сюда. Я начал регистрацию и выявление обстоятельств находок этих монет. Условия моей службы благоприятствовали этому. За истекшие 25 лет, при постоянных раз'ездах по территории Урало-Волжского и Волго-Донского водоразделов, мне удалось войти в тесное общение с провинциальными любителями старины, создать круг корреспондентов, осмотреть у многих любителей старины и в местных музеях отдельные монеты и собрания, а иногда и приобретать отдельные монеты, не смотря на обычную переоценку их стоимости со стороны любителей. В определении монет я обращался за помощью или в Московское Нумизматич. Об-во или в Акад. Мат. Культуры.

Пользуюсь случаем высказать здесь свою живейшую признательность пришедшему мне на помощь в определении монет и указании литературы, проф. А. Н. Заграфу, определения которого в монетной топографии помечаются мною буквами А. Н. З. Приношу благодарность и всем другим лицам, способствовавшим мне в собирании монет и указании нахождения отдельных античных экземпляров их и кладов.

Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок античного периода из числа внесенных в мою «Монетную Летопись».

ДОЛИНА р. ВОЛГИ *).

№ 1. *Окрестности с. Сухой Терешки, Вольск. у.* Несколько серебряных римских монет. Сообщение б. землевл. Кострицына: основателя Хвалынск. музея, М. А. Радищева в 1911 г. и ныне заведующего Хвалынск. городск. музеем, К. Ю. Гросса от 19 января 1921 г. (3).

№ 2—3. *Г. Хвалынск.* № 2. Серебр. мон. Марка Авремля. Сообщ. М. А. Радищева и худож. В. Ф. Орехова (1909 и 1924 г.), № 3. Медный, хорошей сохран. фельс Абассидского халифа Мустансира, битый в Ирбиле в 623—640 г. гиджры. Найден в присутствии К. Ю. Гросса на берегу Волги, в песке, ниже перевозной пристани. (Письмо Гросса от 15 декабря 1925 г.).

№ 4. *С. Широкий Буерак.* к югу от Хвалынска. Медная монета Савромата IV. Найдена при садовых работах близ села, хранится в собрании завиколой Жукова. (Сообщено в Музейн. Секцию Сарат. ГубОНО 12 февраля 1919 г., личн. осмотр. 1921 г.).

№ 5. *С. Алексеевский Затон.* Серебряная римская монета, титул не выяснен. Сообщение Хвалынск. УОНО от 4 июня 1919 г. № 411 сообщ. в Музейн. Секцию Сарат. ГубОНО.

№ 6—7. *Г. Балаково, Самарск. губ.* № 6. Золотая монета типа диргема X ст. найдена на отмели р. Волги. против Балакова и № 7. Серебряная византийск. мон. с изображ. св. Евгения. Найдена в 3 верстах к югу от Балакова, в саду, при расчистке родника. Собрание Мальцева.

№ 8. *С. Терса, Вольск. у.* Серебрян. мон. Тиберия. Найдена при полевых работах на с.-х. ферме учеником Крыловым. (Запись мая 1910 года).

№ 9—10. *Г. Вольск.* № 9. Медная мон. Юстиниана В. Найдена при прокладке водопровода. Находилась в музее местн. реальн. уч-ща. № 10. Медная, неопред. византийская монета, найдена в «Клейменовском конце» при мощении взвоза. (Запись 1913 г.).

№ 11—13а-б. *Марксштадт.* Местный музей Немресп. № 11. Парфянская драхма ц. Вологеза или Артабана V., ср. Wroth. Cat. Brit. Mus. parthica. Тб. XXXVI, 2, 3 и 10. Определение по рис. А. Н. З. № 12. Медная монета Юстиана I в. 40 мин. № 13а. Серебр. сасанидск. диргем. Ормузда IV. № 13б. Фельс. Саманид. Исмаил. Самарканд 280 г. гедж. (893—894 по Р. Х.). Опред. Р. Р. Фасмера. Монеты собраны колонистами с. Усть-Карамана, Красноярского кантона в 1923 г.

*) Охватывается прибрежная полоса шириною несколько более 30 километров к востоку и западу от реки.

по поручению завмузеем Г. Дрессра. (Акт от 20 февраля 1924 г.) (4). № 13в. Фельс. Самандск.—Нух-Ибн-Наср'а. Бухара 336. (947—48 по Р. Х.) Опр. Р. Р. Фасмера.

№ 14. *С. Генеральское*, левый бер. Волги. Серебряная монета, величиною в 2 коп., с изображением на Ав. портрета женщины (гречанки), на Во—колесницы, запряженной шестеркою лошадей с возницей. На монете надпись «Василиса» (!). (Отнош. гр. Мироносицкого в Муз. Секцию Сар. ГубОНО 19 сентября 1919 г.).

№ 15. *Д. Свинцовка*, Сарат. у. По Иловлинской дороге, в 28 верстах к Зап. от Саратова близ д. Свинцовки, в поле. Серебряная монета Фаустины младшей. (Пожертвована научн. сотр. П. Д. Степановым в Обл. Археол. музей г. Саратова).

№ 16. *Г. Саратов.* В 3 верстах к Ю.-З. от города найдена медная монета Константина В. в 1900 г.

№ 17—23. *Пос. Увек.* На Увекском городище в 10—12 в. к Югу от Саратова найдены: № 17. Серебряная парфянская монета (сообщение Д. М. Бороздина); № 18. Серебряная монета Александра В. (сообщение Е. А. Яковлевой, дочери б. Увекского землевладельца коллекционера Шабловского, монета недавно продана за 15 р.): № 19. Медная,—Афинская II в., найдена Б. Д. Федоровым, хранится в археол. кабинете Сарат. Гос. Ун-та; № 20. Медная,—И. Цимисхия, найдена и приобретена для Сар. Археол. музея секретарем Н. Волжск. Краеведч. Об-ва А. А. Кротковым; №№ 21, 22 и 23. Три серебрян. зап.-европ. монеты: Фризия, Генриха IV и Саксонского герцогства IX ст. доставлены командиром машины «Князевский Затон», найдены при дноуглубительных работах в 1919 г.

№ 24. *С. Узморье.* Лев. берег Волги. Медная римская мон., неопределенная, по типу относится к III в. по Р. Х. Найдена лично свящ. Розалиевым близ остатков древнего поселения на б. Волги. (Запись 1913 г.).

№ 25. *Кол. Березовка* (Deller). Лев. берег Волги. Серебряный диргем Ибрагима I, основ. династии Аглебидов, битый в г. Африкийе (Кайрована) в 804—5 г. См. Френ. Мон. Ул. Джуч. тб. XIII—XIV. (Найден пастор. Баратцем в культурн. слое древней стоянки. См. Труды Сарат. Уч. Арх. Комис. т. XXVI, стр. 121).

№ 26. Горшечек с серебр. римскими монетами близ одной из правобережных немецких колоний. Сообщение гр. Розалиева от 2 августа 1906 г. и 21 апреля 1907 г.

№ 27. *Кол Сосновка.* Прав. берег Волги. Серебряные римские монеты, которые видел лично член Сарат. Уч. Арх. Комиссп П. П. Киритейн у колонистов Сосновки. Место находки отказались указать.

№ 28/1—2. *Г. Ровное* (Seelman). Левый берег Волги. Две медные монеты—ольвийская и пантикапейская, найденные на окрестных дюнах города. Прислан фотографич. снимок с них г-ном Шааб 4 июня 1904 г. в Сар. Уч. Арх. Ком., по снимкам А. Н. Зограф заключает, что «одна, вероятно, ольвийская, другая, вероятно, пантикапейская». Ср. Бурачков. общ. кат. монет, принадлеж. Эллинск. колониям сев. бер. Черн. моря. Одесса. 1884. тб. XXII. 173.

№ 29—30. *Ниже г. Ровного до с. Чернобаева*—дюнные стоянки. № 29—Римский денарий времени Республики. Монетный чиновник М. Туллий. Ср. E. Babelon Monnaies de la république roman. II стр. 503; H. A. Greueber. Cat. Brit. Mus. Coins of the Roman republic. II стр. 266. Определ. А.Н.З., № 30. Такая же. Монетный чиновник К. Ренний. Ср. Babelon o. l. II стр. 399 № 1., Grueber. a. l. I стр. 121. Опред. А. Н. З.

№ 31—32. *Кол. Нижняя Добринка, Голо-Карамышск. кант.* Немресп. Правый бер. Волги. № 31. Медная монета имп. Криспа, № 32—повидимому Н. Цимисхия. (Сообщение учит-ц. Н. Сабуровой и Т. Истоминой).

№ 33—34. *Терновское городище* к Сев. от Камышина. Правый бер. Волги. № 33. Драхма, предположительно по рисунку, монета царя Готорза. Wroth o. l. тб. XXVII 23. опр. А. Н. З. № 34. Медная босфорская, тип Рескупорид. (См. Приволжские Помпеи» проф. Баллод).

№ 35. *Окрестности г. Камышина.* Две золотые римские монеты: авреус Веспасиана. Срв. H. Cohen. Monnaies impériales 1² стр. 413 № 586. Опр. А. Н. З.

№ 36. *Станица Александровская.* Сталинградск. губ. Медная византийская монета. (Запись 1903 г.).

№ 37. *С. Пролейка, той же губ.* Неопределенная боспорская монета в собрании бывшего атамана Алекс. станицы. (Запись 1903 г.).

№ 38—84. *Гор. Дубовка.* (6) Водянское городище в 3 в. к С. от Дубовки. 38) Медная монета Александра В. Ср. Z. Müller. Numismatique d'Alexandre le Grand. Тб. II. 19—20. Определение А. Н. З., № 39—Медная монета гор. Тира в Финикии. Ср. Cat. Brith. Mus. Phoenica. Стр. 259—260. №№ 288—298. А. Н. З. (хранится там же), № 40. Медная монета из Ольвии II в. до Р. Х. Найдена в 1907 г. (опред. Щитникова. Бурачек IX № 224—222). № 41. Медная ольвийская III в. до Р. Х. (Бурачек—XXII. № 173). Найдена в 1908 г., № 42—43. Две медные ольвийские монеты III—II в. до Р. Х. См. Бурачков. Каталог монет Эльтинск. колоний северн. берега Черн. моря. Тб. III № 23. E. H. Minas. Scythians and. Grechs. Cambr. 1913 тб. III 4, 5; B Pick. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. тб. IX 26—29. А. Н. З.). 44. Медная м. Рискупорида VI, год неясен. М. б. 624 босфорск. эры (327—8 по Р. Х. А. Н. З.). 45. Медная, как и № 44, год 620 босф. эры, 323—4 по Р. Х. (находка Кудряшова), № 46—такая же, как и № 45. Находка 1913 г. доставлена Граубергером. № 47, такая же, как № 45. Найдена при костях человека с остатками колчана и железным наконечником стрелы. 48. Медная, восточная, с изображением какой то царицы. Еще не определена. 49—74. 25 медн. нечетких и неочищенных монет, повидимому босфорских: на некоторых легко читалось сокращенные название городов: «Пан», «Хер», «Фа» и на одной лишь, в собр. д-ра Туровского: четко «PANTIKAPAITωN». (доклада Зайковского в заседаниях Сарат. учен. арх. комиссии за 1913 и 1914 годы), № 75—84. Медная мон. с портретом имп. Деция. Найдена в 1913 г. Хранится в музее Дубовск. Физ. Медиц. Об-ва, № 76. Медная—Константина В. плохой сохран. Найдена в 1905 г. (См. Труды Сарат. Уч. Арх. Ком. вып. 24-й. Сообщение Б. В. Зайковского). № 77. Медная Констанция (?) Находка 1909 г. Кудряшова, 78—79. Две медные монеты Криспа. Одна из них находится в Сарат. архив. музее. См. H. Cohen. Monnaies impériales VII² стр. 352. № 125. Опр. А. Н. З. № 80. Серебрянная Византийская с изображением святого (Евгения?). № 81. Медная Византийская в 40 мин. Изображение Константина и Елены. Плохой сохранн. Найдена в 1913 г. № 82. М. императора Льва VI, хорош. сохранности. Найдена при основании круглого здания, № 83.—Даргем серебрянный. Найден при погребении в лодке, № 84. Серебряная мон. царицы Тамары. Отослана д-ром Туровским в Харьковский ун-т. Монета очень редкая. (Сообщен. Харьков. ун-та 1913 г.). Монеты за №№ 38—46, 48, 76—78, 81, 82 хранятся в археол. музее г. Саратова.

№ 85. *Слоб. Рахинка.* Левый берег Волги, против Дубовки. Византийская медная монета—неопределена. Находка 1907 г.

№ 86—90. *Денежный остров,* против б. Царицынского орудийного завода Виккерса. № 86. Медная с изображ. на Av. креста, на Rv.—грубой работы точками лица женщины в короне. По определ. Моск. Нумиз. Об-ва принадлежит Русудани, дочери Тамары. Хранится в Царицынск. музее. № 87. Серебряный диргем хорошей сохранности, Ормузд IV. (Хранится в Сар. археол. музее). № 88. Сер. диргемы (2) Саманидского типа, один в собрании Богодарова, другой—в собрании Грязева (Дубовка). № 89. Фельс. Ортокида, Мардина, Назир-Эд-дин Орток Арслана 599 г. (1202—203 г.), опр. Р. Р. Фасмера и № 90. Медная византийская монета, предположительно, Юстиниана В., хранится в школьном музее при быв. Франц. металлургич. заводе.

№ 91. *Кол. Сарепта, ныне Красноармейск.* Серебряная мон. царицы Филистиды, жены Гиерона II в 16 литр. Ср. S. W. Grose. Fitzwilliam. Museum. Greek coins. vol. I Cambridge. 1923 тб. 105 р. 7. А. Н. З. Найдена в 2 верст. от колонии к западу в Чепурниковой балке (7).

№ 92—93. *Слоб. Владимировка* на левом берегу Волги. № 92. Золотая византийская монета с изображен. И. Х. на одной и Михаила и Феодоры на другой. Найдена внутри соляного пласта оз. Баскунчака (?) № 93. Такая же, повидимому, но плохой сохранности, на городище «Мамайский берег». Собрание солепромышлен. В. В. Сапожникова. (8).

94—99. *С. Селитренное, Астраханск. губ., Енотаевск. у.* Во время археолог. раскопок проф. Сар. Ун-та (предс. Сар. Н. И. Арх. Ин-та) Ф. В. Баллод, на территории Золотоордынского городища Старый Сарай (ныне Хаджи-Джигит?) было организовано собирание монет на террит. развалин и на окрестных дюнных стоянках бронз. эпохи. Всего собр. 2376 мон., в том числе: 94—95. Ольвийские (см. опис. под № 42—43), 99. Мед. мелк. Херсонская, 97—98. 2 мелкие позднеримские медн.+IV ст. 99. Серебр. тип. сас. диргема. Мон. сданы в Татнаркомпрос в Казани (пр. Ф. Баллод: Старый и Нов. Сараи—две столицы Зол. Орды. Камбинат печати. Казань 1923 г.).

100. *Замьян, Астр. г.* пр. б. Волги. Золотая мон. имп. Евдокии Собр. монет. Базилевского в Астрахани. (Запись в 1906 г.).

101. «*Шареные Буйры*» или городище Хаджи-Терхан. Сер. мон. Юстина I (сообщ. зав. Центр. Архивом Калмобласти кр. Н. Н. Пальмова от 13 ноября 1924 г.

ПРИТОКИ ВОЛГИ.

102—103. *Р. Сура, с. Верхозим, Петр. у., Сар. губ.* 102) Серебр. мон. Антонина (хр. в Сар. Обл. Арх. Музее), 103. Золотая антич. мон.—утеряна. Обе найдены в торфянике. (Письмен. сообщ. зав. Петр. Гос. Муз. Д. В. Наумова от 3 апреля 1922 года).

104. *Р. Балыклей, Сталингр. губ. с. Чухонастовка.* Нечеткая босфорская монета, найденная в 1905 г. бл. с. *Чухонастовки* страхагентом Сар. Губ. Земства Хомяковым, доставлена в Сар. Уч. Арх. Ком. вместе с бронзов. наконечн. стрелы.

105. *Р. Сарпа, Сталинр. губ.* В 7 кил. от верховья, в степи, найдена визант. медная монета в 1906 г. Хранится в Саренте, в собр. Штейнгле.

106. *Р. Большой Иргиз, Пугачевский у., Самарской губ.* 106. *С. Перекопная Лука* на р. Иргизе, к Западу от Пугачева. Биллоновая монета Отацилии Северы, битая в Антиохии (Wroth. Cat. Brit. Mus. Cappadocia, Syria. Стр. 216, № 540. Опред. А. Н. Зограф. Найдена в 1923 г. во время Гидротехнич. работ: дост. в Сар. Об. Арх. Муз. инженером А. Н. Горшениным.

107. *При хут. Овчинникове, на притоке Б. И-за-р Сакме,* в неск. килом. к Югу от Перекоп. Луки, найдены две кубышки с серебряными монетами парфянских царей.

108. *У вол. с. Кашевки,* вверх по Иргизу, выше впад. р. Камелик, серебр. византийская монета, размер полтины: изображение святого в венчике вокруг головы и на обр. стороне 3-х строчная греческая подпись. (Письмо Зав. Пугачевским музеем К. И. Журавлева, от 15 декабря 1925 года.

№ 109—110. *Река Тарлык.* Окрестности кол. Фрозенгейм. Две мелкие индийские монетки, собранные в числе других учителем К. Фрейтаг в 1920 году, № 109. 2-й год первого восстания (67—68 по Р. Х.). Определена по рис. срав. 9 F. Hill Cat. Brit. Mus. Palestina. Стр. 272, № 22 АНЗ № 110—вероятно царя Иоанна Гиркана. sp. ibidem стр. 188, № 3. АНЗ. О находке монет имеется письмо Фрейтага от 18 сентября 20 г. См. Труды Сар. Об-ва Ист. Арх. и Этног. за 1923 г., вып. 34-й, ч 1-я, стр. 20—21.

№ 111—114. *Р. Еруслан,* Красный-Кут. Клад серебр. монет в 8½ фунт. и 5 штук золотых, завернутых отдельно в кусок кожи. Удалось собрать серебряных монет 14 экземпляров: Гордиана III—8 шт., Марции Отацилии Северы—3, Гамения—1, Клавдия II—2. Одиночные находки с дюн по р. Еруслану: Гордиана III—серебр.—2, Галлиена медная—1, Клавдии II—медная—1. Из всех этих монет 9 поступили в Сарат. Арх. Музей. (О них корреспондировали Л. В. Зинченко, С. М. Хмара, учит. Лемет, член РКП т. Заказчикова, т. Краснощекова, учит. Вейнберг. См. Труды Сарат. Уч. Арх. Ком., вып. 26-й, стр. 106—108), № 112—114. Мною зарегистрированы при об'езде долины р. Еруслана, босфорская и римские монеты с дюн в музеях при Нардомах в с.с. Дьяковки и Салтова.

№ 115. *Окрестности кол. Визенмиллер,* Старополтавского кантона Немреспублики. В ноябре 1925 г. бронзовая монета Александра Севера, битая в Никомидии в Вифинии. Оттиск хранится в Сарат. Археол. Музее. По опред. Ан. Зограф: монета представляет, повидимому, незначительный вариант к типу, изданному E. Babelon. Th. Reinach. Récueil générale des monnaies greques d'Asie Mineure, т. I, стр. 558, № 325.

№ 116. *Р. Горлун,* приток р. Еруслана. В окружности с. Савинки, близ хутора Шингирей. Медная монета Адриана, битая в Александрии, крупная. Найдена в 1901 г. в культурн. слое Duttari: Nummi aug. Alexandrini Caira 1901 года, № 1778—1808. Года не видно. Рисунок плох. Опр. А.Н.З.

№ 117—118. *В районе р. Горлуна* в 1919 г. при моем об'езде удалось установить 2 случая находок кладов, первого из византийских монет, второго, повидимому, из абассидских диргемов. Клады приобретены в 1915 году ханом Буксевской орды (9).

№ 119 -125. *Водораздел между притоками Б. Иргиза и Урала* (10) (р.р. Камелик и Чарыкла—Деркул и Чаган). № 119. *Ст. «Озинки»*, Покр.-Ур. ж. д. Драхма парфянского царя Мифридата II. ср. и. Wroth. Catal. Brit. Mus. parphia. тб. VII 7. А. Н. З., № 120 -121, между ст. «Семиглавый Мар» и «Шиново». Драхма парф. царя Орода I. Ср. ibidem. тб. XVII, 2. А. Н. З., № 122—123— река Деркул, приток Урала. Две драхмы парф. царя Готорза. Ср. ibidem. тб. XXVII, 3. А. Н. З. № 124— там же тетрадрахма парф. ц. Вардана I, даты, вероятно, 353 г. селевк. эры,= -41—2 г. по Р. Х. Ср. ibidem. стр. 156. № 24. А. Н. З. и № 125, там же—драхма парф. царя Фраота III. Ср. ibidem. тб. XI, 3. А. Н. З. (Сравни № 107).

КАМЫШ—САМАРСКИЙ БАССЕЙН (Узени с притоками).

№ 126. *Р. Малый-Узень*, с. Питерка. В 1910 г., в собрании монет Н. Винникова была найденная на пашне медная византийская монета, которую я отношу к типу монет II. Цимисхия.

№ 127. *Р. Б.-Узень.* Фаресовым, преподавателем II ступени Александро-Гайской школы, отношением от 13 января 1920 г. за № 21 было сообщено в музейную секцию Сарат. ГубОНО, что в реке Б. Узене была найдена золотая монета с изображением какого то святого и нерусской надписью.

№ 128—133а-б. *Р. Алтата*, приток Б.-Узеня, с. Дергачи. Дюны реки в 3 верстах от села. Собраны разновременно М. И. Хмарой и пожертвованы им. № 128. Серебряные м Антонина, № 129.—Фаустины, № 130—Люция Вера. (хранятся в археолог. кабинете Сарат. Гос. Ун-та), № 131—Адриана (хранятся в Сарат. Арх. Музее?), № 132—Бронзовая монета—сестерций В[illegible]спана. найденная на 2 арш. глубине в с. Дергачах вместе с костяком. М[illegible] типа AETERNITAS, который известен только в ауреусах этого императора. Cohen. o. l. I² стр. 369 №№ 21 и 23. А. Н. З. № 133-а—Серебряный денарий имп. Луциллы с дюн р. Алтаты близ Осинового-Гая. Вероятно Cohen III² стр. 222, №№ 92 и 93. А. Н. З. (Отношение Сейфуллинова от 30 июля 1922 г. № 133-б. Кроме того, в районе р. Алтаты на р. Черненькой (с. Новонатальино) была найдена монета—абассидск. дирем. Мансура Ал-Джезира, без года. Опр. Р. Р. Фасмер.

ПРИТОКИ ДОНА.

№ 134. *Р. Хопёр, с. Илым.* Медная монета, повидимому, византийская в 40 мин. Найдена об'ездчиком экономии Нарышкиных.

№ 135. *Р. Медведица, г. Петровск* Медная монета Константина В., найдена учеником реального училища, Карповым, в 1909 г. близ мужского монастыря, после разлива р. Медведицы.

№ 136. *Р. Иловля, окрестности с. Барановки.* Медная монета hexas= 1/67 литры. Гор. Акраканта. V век. Ср. S. W Grose. o. l. vol. I № 2075 см. тб. 66 рис. 9. Coh. Brit. Mus. Sicily стр. 17 № 132 сл. А. Н. З.

№ 137. *Хут. Грязнуха.* Серебряная монета Антонина Пия (11).

№ 138—143. *Окрестности с. Салматина.* Золотая гора. Капитанская гора и др. (12). № 138—139. Две золотые монеты Евватора II и Траяна. (Письмо М. В. Суетовой 2 ноября 1925 г. № 140—142. Серебряные монеты Траяна. Анто-

пина и Фаустины мл. Собраны здесь мною в период с 1909 по 1920 г. № 143. Медная римская монета (еще не определена). хранится в Саратовском Археологическом музее.

№ 144. *Качалинская станица.* В 1907 г. была найдена монета Зенгид. Насир-Эддин, ал. Маусиль (Мосул) 627 г. гедж. (1229—1230 по Р. Х.). Определ. Р. Р. Фасмер.

За пределами взятой нами области отмечу следующие пункты находок античных монет, по направлению к В. от р. Волги.

А. *Карналинский медный рудник* в 60 верстах к СВ от Оренбурга. Бронзовая римская медаль Траяна, 116 г., на глубине 3 саженей. См. Труды Оренб. Уч. Арх. Ком., вып. 22, за 1910 г.

Б. *Земля села Астраханского,* в 80 верстах от г. Актюбинска, Тургайской области. Матрица для чеканки монет при Юстиниане В. Поступила в дар Сарат. Археол. музею от препод. 10 советской школы А. В. Альбинского через Е. М. Протасову. Документ от 5 июня 1921 г. № 3099.

В. *На реке, впадающей в Орь.* Найден клад золотых вещей в 1922 г., при постройке плотины на реке (?), впадающей в Орь. Среди других вещей были найдены несколько золотых монет царя Юстиниана. На Av. выполнено лицо в профиль, обращенное вправо, с круговой надписью Justinianus P. P. Aug., на Rv.—фигура вроде ангела с четкой надписью вокруг: victoria augustorum. Сообщено корреспондентом Сераф. Мих. Хмарой, 14 января 1923 г., у которой сохранилась одна монета.

В заключение я должен сказать, что предлагаемый материал далеко не исчерпывает действительного числа этого рода находок. Не менее 30% их не внесено сюда благодаря тому, что у провинциальных коллекционеров не удалось выяснить ни обстоятельств, ни места находок античных монет, до 10% не внесены в «Летопись» находки, которые по тем или иным соображениям не внушают доверия, особенно после 1905 и 1917 г.г., когда масса нумизматического материала поступила в обращение из разгромленных барских усадеб; наконец, не внесены сюда хотя и вполне правдивые показания крестьян о находках древних монет, но самые монеты уже утрачены, хотя меткость их описания находчиками и допускает правдоподобие и говорит за античный характер монеты, как, напр., «монета толстая, как пломба», или «на одной стороне—голова, а на другой—человек на стуле». Надо полагать, что число находок древних монет превышает вдвое или втрое проведенную нами регистрацию на такой огромной площади, как Нижнее Поволжье и если к этому делу приложат руки другие краеведы, то картина сношений нашего края с культурными очагами древности, хотя бы только по монетным данным, может получиться и занимательной и поучительной.

Для ориентировки прилагается карта монетных находок.

Примечания:

1) В то время исторические сведения о Саратовском крае были очень скудные, археологических исследований местными силами не производилось, за исключением золотоордынских городищ.

2) В 1903 г. на Увеке (городище) была найдена из произведений, относящихся к Египту, терракотовая статуэтка египтянки. Проф. Т. Арнэ отнес ее ко времени Птоломеев.

3) В археологической литературе есть указание на клад римских серебряных монет в Сызранском уезде, Симбирской губернии от I века до Р. Х. до конца I в. п. Р. Х.

4) В 1906 г. в устье р. Карамана был найден клад, повидимому, римских монет.

5) Из писем местных учительниц Н. Сабуровой и Т. Истоминой видно, что здесь имеется неисследованное городище с богатым культурным слоем. Положение его точно не определено. Один из местных археологов, Н. Д. Рау, получил с этого городища крайне интересные археологические предметы, точно еще не датированные, но очень древние. (Сообщ. 8 июня и 2 августа 1923 г.).

6) В 3 верстах к Северу от Дубовки находятся развалины большого города (Водянское городище или Бельджамен), культурный слой которого местами достигает мощности 4 футов. В 1913 г. местное Городское Управление сдало площадь городища на добывание из него костей, которых было собрано до 15 тысяч пудов, хорошего, золотоордынского кирпича взято до 90 возов и медного лома до 100 п. Здесь же, по сообщен. одного профессора из Киева от 12 июня 1913 года, было найдено много монет, вазы с изображением сцен из древней жизни (всадники, фигуры мужчин и женщин), продаваемые по 60 коп. Часть мраморной белой колонны хранится в Саратовском археологическом музее, где с этого городища имеются еще эллинистическая бронзовая фигурка крылатого зверя, золотая античная серьга, свинцовые греческие торговые пломбы IV—VI в. и бронзовые скифо-сарматские наконечники стрел.

7) Здесь же лет 30 тому назад была найдена часть мраморной плиты с греческой надписью, хранилась до 1918 г. в Саратовском музее, а эстампаж—в Царицынском музее.

8) У Сапожникова было в 1910 г. до 20 античных монет, в том числе тетродрахма Антиоха В. и несколько римских, которые он приобрел у местных рабочих киргизов, не уходивших из пределов своей области. Но, к сожалению, нет точных топографических данных о находках этих монет. Кроме монет у него были собраны: часть бронзовой статуетки, торс женщины античной работы, камея, светильник с христианскими эмблемами и др. вещи.

9) В районе Торгуна в 1921 г. Н. Д. Рау при раскопке кургана, в инвентаре его, были обнаружены 2 римско-египетских скарабея из пасты.

10) В этом районе хотя и зарегистрировано у меня 48 парфянских монет, из коих 37 штук найдены в кубышке близ станции «Озинки», но точную топографию находок установить не удалось.

11) В Камышине некто Тулупов держал лет 30 тому назад антикварную лавку. У него была записная книжка, из которой удалось почерпнуть, что за время с 1887 по 1 08 г. им продано разным лицам римских и греческих монет, скупленных у крестьян и казаков по р. Иловле, 11 штук. Другой камышинский торговец. Валентин Прохорович Портнов, в наследство от родителей получил котел монет, клад, состоящий из клиновидных серебряных и золотых монет. См. А. Н. Минх. Историко-географический словарь Сарат. губ. 1900 г. Саратов, стр. 458.

12) Этот район выделяется исключительными археологическими находками.

Саратов, 30 декабря 1925 г.

р Самара
р Терешка
р Иргиз
р Сакма
р Деркул
р Урал
Каспий
Карта
находок антич
ных монет в
Ниж. Поволжьи
за период с 1900
по 1925 г.
• Отдельные мон.
+ Монетн. клады

Сферо-конические сосуды

из Археологического Отдела Саратовского Государственного Областного Музея.

А. А. Кротков.

Саратовский Археологический Музей хранит в отделе татаро-монгольских древностей до 35 целых глиняных сосудов, имеющих своеобразную форму. В археологической литературе они носят название то конических сосудов, то остродонных, то сферо-конических и, наконец, глиняных сосудов с коническим дном. Имея ввиду, что в основе своей подавляющее большинство их совмещает две геометрических формы тела — сферу или шар в верхней половине, и конус — в нижней, правильнее будет их именовать сферо-коническим, каковой термин и усвоен нами для трактуемых сосудов.

Все сферо-конические сосуды Саратовского музея приобретены или покупкою или, дарением, но в большей своей части подобраны местными работниками-археологами с двух татарских городищ: с Укäка и Бельджамена; часть привезена из развалин Нового Сарая, два фрагмента с Наровчатского городища Пензенск. губ. и один целый сосуд найден на безыменном татарском селище по речке Саратовке, в урочище, носящем название «Пранорский бугор».

Оригинальная форма сосудов, неказистость их материала, загадочность применения их в жизненном обиходе давно уже привлекли к себе внимание как иностранных, так и русских археологов, но единого ответа о том, каково могло быть назначение этих сосудов, какому народу можно присвоить эти памятники древности до сих пор еще нет. Почти каждый археолог, рассматривавший сферо конические сосуды, высказывал свой отдельный взгляд, предлагая свою гипотезу.

M. F. de Saulcy, Шлюмбергер, Перрот, Ф. Успенский и др. считают сферо-конические сосуды метательными гранатами, которые могли наполняться каким-либо воспламеняющимся веществом и перебрасывались в неприятельский лагерь [1]: В. А. Казаринов принимает их за архитектурные украшения, которые путем насадки на железные шпили воротних столбов, башен и проч., могли служить для архитектурной орнаментовки зданий [2]. Этот взгляд поддерживал и академик Радлов [3]. Андр. Федор. Лихачев, в очень обстоятельной статье: «О загадочных сосудах сферической формы из Волжской Болгарии» выдвинул и старался обосновать свою гипотезу, что эти сосуды по разнообразию форм, материала, прочности конструкции и характеру украшений не могли быть ничем иным, как домашними лампами [4].

[1] Записки Вост. Отд. И. А. Об-ва. 1904 г., т. XV, вып. IV, стр. 101—112. Э. Ленц «О глиняных сосудах с коническим дном».

[2] Известия Об-ва И. А. и Э. при Казанском Ун-те, т. III, 1880—1882, стр. 113.

[3] Труды IV Археол. Съезда. Протоколы Съезда. стр. CXIII.

[4] Ibid. т. I, стр. 34—65.

Проф. Л. К. Ивановский на 4-м Археологическом Съезде высказался о них, как о флаконах для ароматических жидкостей [1]); некоторые прописывали сферо-коническим сосудам роль голосников или резонаторов в зданиях, И. Честер, проф. Штукенберг Э. Ленц [2]), И. Пославский [3]) настойчиво утверждают на основании остатков содержимого, случайно сохранившегося в этих сосудах, что они суть ни что иное, как тара для перевозки и хранения ртути.

Наконец, в последнее время с особой статьей об этих сосудах в Казанском Музейном Вестнике выступил З. Виноградов, предлагая свою теорию, что эти сосуды служили ничем иным, как флягами для переноски священной воды, не отвергая в то же время, что они «в зависимости от местных условий и времени, могли служить и для ртути и как лампы или лампады, быть может, и для вина, маслянистых веществ и других жидкостей, возможно даже и для пороха» и, говорит в заключение автор, «они были свидетелями, а быть может, и участниками каких-то религиозных обычаев». [4])

К универсальности этих сосудов, с точки зрения т. Виноградова мы могли бы со своей стороны добавить еще одно из назначений сферо-конич. сосудов, а именно служить кубарями или волчками для игр взрослого населения. И свое предположение мы основываем на опыте, произведенном с этими сосудами в Саратовском Археологическом музее. Для этого мы брали тонкую бечеву (шпагат) в 1 арш. длины обматывали вокруг шейки сосуда, в отверстие вставляли 3-х дюймовый гвоздь и, придерживая сосуд в вертикальном положении на полу или на столе, сильно дергали веревку и одновременно вынимали гвоздь. Сосуд прекрасно вертелся и, подгоняя его кнутиком, мы могли «кубарить» его сколько угодно времени.

Высказывая свой взгляд на сферо-конические сосуды, как на игрушечные предметы обихода, я, конечно, не настаиваю на его правильности, хотя-бы подтвержденной и опытом. Привел я его лишь с целью показать, что не всегда гипотеза, подтвержденная опытом, может претворяться в правильную теорию. Для нас все же остается под вопросом — каково было основное первоначальное назначение этого рода посуды, для какого употребления они выходили из мастерской производителя, какой народ производил эту посуду, какова их хронологическая дата? Предмет остается все еще загадочно-интересным и не сошел еще, так сказать, с повестки дня. Этим я позволяю себе оправдывать вторичное мое выступление с трактовкой о сферо-конических сосудах. [5])

Изучая эти сосуды как со стороны их исторического бытования и географического распределения, так и со стороны конструктивной, типологической, мы, думается мне, можем подойти к датировке этих сосудов и их классификации и вместе с

---

[1]) Труды IV Археол. Съезда. Протоколы Съезда. Стр. С XIII.

[2]) Записки Вост. Отд. И. А. Об-ва. 1904 г., т. XV, вып. IV, стр. 101—112. Э. Ленц «О глиняных сосудах с коническим дном».

[3]) Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, 1905 г. См. ст. И. Т. Пославского, а также ст. «Очередная деятельность Туркестанского кружка за 1-е десятилетие существования».

[4]) Казанскай Музейный Вестник № 2. Казань, 1922 г. стр. 75—119.

[5]) В 1-й раз я уже докладывал о сф.-конич. сосудах в 1915 г. в одном из заседаний бывш. Сарат. Уч. Архивн. Комиссии и пришел к тем-же выводам, как и ныне. В настоящее сообщение введена мною лишь статья т. Виноградова, не поколебавшая мои прежние выводы.

этим приблизимся к решению вопроса о их коренном назначении по выходе из мастерских, о месте, занимаемом ими в быту народа, и к решению вопроса—какого народа.

Просматривая литературу о сферо-конических сосудах и сводя воедино разбросанные топографические данные о их находках, мы получаем в результате следующие границы бытования этой посуды: на юге—Северный Египет, Сирия, Триполис, на севере—Биларск и Булгар на Волге, на востоке—Туркестан (область), на западе—Москва и ее меридиан с отклонением на Крым и затем на Египет. Вне этого района сферо-конические сосуды пока не найдены.

Весь очерченный район целиком входил исторически в сферу торгово-промышленного влияния или арабов, или монголо-татар (XIII—XV в.) и потому эти сосуды могут являться продуктом или арабской промышленности, т. е. VII—X в. или времени XIII—XV в.

Разрешение этой альтернативы даст перевес в пользу монголо-татар и вот почему. Все находки сф.-конич. сосудов встречаются исключительно на местах существования монголо татарских городов или в городах, куда распространялось влияние монголо-татар. Вот перечень этих городов и городищ в алфавитном порядке: Ани, Бельджамен, Биляр, Булгар, Дамаск, Иерусалим, Москва, Мохши (Наровчат), Отрар, Самарканд, Сарай старый и новый, Термез, Триполи, Укäк, Ургенч, Хаджи-Терхан, местоположение коих известно, и некоторые другие города в очерченной области, местоположение которых до сих пор еще не установлено. Такие города из перечисленных, как Сарай старый и новый, Бельджамен, Укäк, Хаджи-Терхан, Мохши возникли, как известно, в XIII веке и сферо-конические сосуды могли попасть в них не ранее этого времени. Затем—эта посуда всегда и всюду у нас в России находится в сопровождении других бытовых остатков татаро-монгольской эпохи, почему мы и относим и появление этой посуды в очерченных границах лишь ко времени появления монголо-татар. Такие города, как Ани, Дамаск, Иерусалим, если и не входили в границы татаро-монгольских владений, то сфера влияния монголов во времена Гулагидов на них распространялась и весьма сильно, а в Египте могло иметь значение влияние Джучидов, находившихся в тесном общении с Египетскими султанами и даже входивших в родственные с ними отношения [1]). Что-же касается того, что старые, существовавшие до прихода татаро-монгол, города были последними разрушены, стерты с лица земли, то приходится не забывать и того, что, как только нахлынувшие орды татаро-монголов распределились и осели на избранных ими местах, разрушенные ими города вскоре-же воскресли к новой жизни, восстановились, обстроились, чему служит примером хотя-бы г. Булгар, особенно жестоко пострадавший от Батыя. При его преемнике, Берке-хане, мы уже видим монеты, чеканенные в г. Булгаре, когда в Орде не существовало ни одного еще нового города, а столица Сарай (старый) только что заканчивался постройкой.

Не могла сферо-коническая посуда существовать и иметь распространение в арабский период, т. е. VII—X в.в. потому, что в таком случае мы ее встретили бы и в пределах Испании, куда проникли арабы, и в тех местах России, куда доходила арабская торговля или, скорее, арабские дирхемы, т. е. и на берегах

[1]) См Тизенгаузен Сборник материал., относящ. к Золотой Орде. СПБ. 1884 г.

Днепра, Вислы, даже в Прибалтике [1]). Прочность и крепость материала и состав сферо-конических сосудов, не допускают их бесследного исчезновения с указанных мест, если бы они существовали и в X веке.

Поэтому, нам кажется, нельзя считаться с мнениями Э. Ленца и З. Виноградова, когда первый старается отодвинуть появление сферо-конической посуды ко времени до XIII в., а второй относит появление сферокоников ко времени 1-й династии Абидоса в Египте.

Исчезновение этой посуды из обихода жизни на русской территории последовало одновременно с прекращением существования Золотоордынского ханства, а в других восточных странах, быть может, несколько и позднее, судя по свидетельству проф. Веселовского, что именно в Туркестане в памяти туземцев до наших дней сохраняется предание о назначении этих сосудов как ртутных пузырьков. Э. Ленц полагает, что она исчезла из обихода жизни у закаспийских народностей лет 200—150 тому назад, т. е. в XVII, начале XVIII в. Если это так, то период ее существования определится для закаспийских областей в 400 с лишним лет, а для нашего Поволжья в 200—250 лет.

Таким образом, связывая появление и исчезновение сферо-конической посуды с появлением у нас монголо-татар, мы этим самым определяем и хронологию этих сосудов, хотя бы в грубых чертах, а именно тат.-мангол. периодом XIII—XV вв.

Что касается мнения т. Виноградова о древности сферо-конической посуды со времени Абидосской династии, то здесь можно указать, что если у египтян и показана на рисунках остродонная посуда при покойниках, каковую приводит на своих чертежах Виноградов, то эти остродонные кувшинчики несут всегда на себе сбоку дудочку, чего на наших сосудах никогда не наблюдается.

Наличие сф.-конич. сосудов на территории России с пребыванием на ней монголо-татар, во время Золотоордынской эпохи, не показует еще того, что эта посуда являлась продуктом их собственного производства. Ее производство могло быть, да вероятнее всего и было, как это будет показано ниже, разноместным в зависимости от местонахождения тех продуктов, которые помещались в этой посуде, а равно и материала, из какого эта посуда делалась. Несомненно одно, что появление сферо-конических сосудов на торговом рынке в XIV в. было вызвано требованиями монголо-татар, производство же ее могло находиться в руках народа более опытного в керамической продукции, что и подтверждается техникой и типологическим характером этой посуды.

А. Ф. Лихачев в своем реферате IV Археологическому Съезду несколько раз упоминает о том, что между множеством конических сосудов трудно подыскать два совершенно одинаковых, т. е. что классификация их невозможна. Не то говорят таковые сосуды Саратовского Археологического музея. Они имеют некоторые общие признаки, которые позволяют их, в зависимости от формы, материала, а равно и по орнаментовке, разбить, хотя бы в грубых чертах, на известные группы и виды. При этом я имею лишь такие сосуды, у которых целиком сохранилось внутреннее измещение, игнорируя фрагментированные сосуды, у которых нельзя определить ни формы, ни измещения.

[1]) П. С. Савельев. „Муххамеданская нумизматика в отношении к русской истории". СПБ. 1846 г.; Акад. Фрэн.—О восточных монетах, находимых в России.

В основной своей форме трактуемые сосуды являются коноидами, причем уклонения идут или в сторону округления боковых стенок в плоскости вертикального разреза или в сторону удлинения их, вытянутости. В зависимости от этого для Саратовских сф. конических сосудов, мы намечаем следующие 6 групп: 1-я гр.— строгоконические сосуды, 2-я—овальноконические, 3-я—яйцевидные, 4-я—округлоконические, 5-я—луковичные и 6-я—удлиненно-конические (см. фот.). Детализируя сосуды каждой группы по форме частей сосуда, орнаменту и материалу, мы можем разбить их на подгруппы или виды. Первая группа разбивается у нас на 2 вида: а) строгоконические с цилиндрической шейкой и б) с шейкой коноидной (ф. № 2). Вторая группая разбивается на 2 подгруппы: а) сосуды с кольчужным орнаментом (фот. № 5) и б) сосуды гладколощеные (фот. № 11): 3-я группа также на две подгруппы: а) яйцевидно-остродонные (фот. № 15) и б) яйцевидно-круглодонные (фот. № 16): 4-я группа вмещает такие же две подгруппы: а) остродонные округлоконические сосуды (фот. № 18) и б) пуговчатые округлоконические (фот. № 17). В 5 группе мы размещаем сосуды на 3 подгруппы: а) луковичные остродонные (фот. № 21), б) луковичные с усеченным дном (фот. № 29) и в) луковичные продольновальчатые, т. е. с выступающими по бокам продольными валиками. Наконец 6-я группа представлена в Саратовском Археологическом музее двумя совершенно одинаковыми сосудами по форме, материалу и облицовке (фот. № 31). Типичные сосуды усматриваются из прилагаемых фотографий, занумерованных в следующей таблице.

Таблица группировки сосудов.

Группа	Фотогр. снимок	1-я подгруппа	Фотогр. снимок	2-я подгруппа	Фотогр. снимок	3-я подгруппа	Фотогр. снимок
1) Строгоконическ.	—	С цилиндр. шейкой . .	—	С коноидной шейкой .	№ 2	—	—
2) Овальноконическ.	—	Кольчужные или чешуйч.	№ 5	Гладко-лощеные . . .	№ 11	—	—
3) Яйцевидн.	—	Остродонные	№ 15	Круглодонные . . .	№ 16		
4) Округлоконическ.	—	Остродонные	№ 18	Пуговчатые.	№ 17	—	—
5) Луковичные . . .	—	Остродонные	№ 21	Усеченные	№ 29	Вальчатые .	—
6) Удлиненно-конич.	№ 31	—	—	—	—	—	—

Любопытно отметить и другие два признака: материал сосудов и их орнаментовку, которые ведут нас к указанию мест, где эта посуда изготовлялась. Если взять сосуды 1-й группы, то видно, что они сделаны из такой же глины и такого же состава, как и обычная золотоордынская красноглиняная посуда. Отметим и то, что эти сосуды каких-либо украшений на себе не несут. Сосуды 2-й группы с чешуйчатым или кольчужным орнаментом сделаны из особой коричневой глины,

какой в Поволжьи мы не имеем. Имея в виду, что такие сосуды в большинстве находили в Закавказьи, Сирии, Триполи, мы можем заключать, что посуда этого сорта на Волге была завозною из-за Кавказа, быть может, Ирака. Сосуды 3-й группы, яицевидные сделаны из местной глины и несут на себе примитивный орнамент — простую линию, сделанную стекой на кружале. Эти сосуды могут быть и вероятнее всего и были местного производства — в Сарае или в каком-либо из золотоордынских городов Поволжья. 4-я группа сосудов изготовлялась из бело-серой глины, с синеватым отливом; отличается своей чрезвычайной прочностью, она как бы слита из цемента, превратившегося в камень. Орнаментовка этих сосудов весьма богата и тонка и сделана штампом. Из такой же глины делалась харезмийская тонко-арабесчатая посуда для украшения внутренности богатых домов золотоордынцев. Сосуды этой группы гл. обр. находят в Закаспийском крае [1]), где мы думаем и надо искать родину подобных сосудов.

В ст. „Развалины Ст. Пейкенда", А. Зимин пишет: (на развалинах) „довольно много встречается обломков каких-то вазо образных сосудов из сероватой с синеватым оттенком глины, напоминающей своим составом материал, из *которого делались в Ср. Азии так называемые сосуды с конусообразным дном*".

Сосуды 5-й группы распадаются по материалу и орнаментике на 2 резко отличных друг от друга подгруппы. Все остродонные луковичные сосуды сделаны из местной глины. Они довольно грубы по выделке, несут на себе лишь линейный круговой стековый орнамент. На Увеке был найден целый клад таких сосудов в несколько десятков близь обжигальной печи, из коих некоторые несли на себе сквозные трещины от плохой просушки материала перед обжигом. Несомненно это сосуды местного производства и при том Увекского. Второй отдел этих сосудов выделяется характерным орнаментом в виде елочки. Один из этих сосудов, весьма редкий и, думается, уника, несет на себе лицевой орнамент, т. е. по бокам сосуда оттиснуты вглубь лица с богатой растительностью на голове и бороде, с большими выпуклыми глазами, сочными губами, горбатым носом. Все оттиснутые лица представляют чисто армянский тип. Каждый лицевой штамп отделен друг от друга елочным орнаментом. Глина коричневая, дно немного усеченное.

Несомненно этот сосуд пришел на Волгу из Закавказья, быть может, из Ирака, равно как и другие сосуды с елочным орнаментом. Равно привозного происхождения и продольно вальчатые сосуды (3-я подгруппа) из черной глины, каковой в Поволжьи не встречается.

6-я группа по составу материала из черной же глины со слюдистыми искорками и по сплошной поливе бирюзового цвета также не местного происхождения, а привозная или из-за Каспия или Ирака Аджеми, ибо, основываясь на указаниях Вёрмана [2]), посуда с таковой поливой производилась в области нынешней Персии. В азиатских частях, т. е. за Каспием такие сосуды встречаются весьма редко. В статье Н. Виноградова указывается лишь на один сосуд.

Сосуды этой группы несут на боках продольные валики, которые т. Виноградов принимает за плавники, пережиток первоначальных форм этих сосудов в виде рыбы. Сопоставляя эти сосуды с вальчатым сосудом 5-й группы, мы думаем, что наличие

[1]) См. „Протоколы заседаний Туркестанского кружка любител. археологии" заразные годы и за 1913 г. стр. 86.

[2]) Вёрман. История исскусств всех времен и народов. Кн. 7-я «Иск. Ислама».

валиков на сосудах об'ясняется стремлением мастрера придать большую устойчивость стенкам сосуда, это контрфорсы давлению из нутра сосуда.

Теперь если взять еще одну из составных частей этих сосудов, именно емкость их внутреннего измещения или об'ем вакуолы, мы заметим здесь известную закономерность, а именно. сосуды, приходившие на Волгу из-за Каспия имеют наибольшую вместимость, в среднем 220 куб. сантиметров воды, Закавказские сосуды - 150 куб. сантиметров и изготовленные в местных городах из местной глины — 90 куб. сантиметров.

Наблюдается известное постоянство в пропорциональности частей сферо-конич. сосудов. Шейка их коротка и массивна. Средняя высота шейки 24 мм., ср. высота сосудов 126 мм. Толщина шейки равна 1/3 ч. диаметра сосуда, если взять его в плечиках, т. е. самой широкой части. Толщина стенок некоторых сосудов доходит до 15 мм., но особенно массивным представляется дно сосуда: толщина его в некоторых экземплярах достигает до 31—32 миллим., что составляет 1/4 ч. высоты сосуда. (См. табл.).

При своей конструктивной массивности и особой прочности, сосуды эти имеют в шейках весьма малый, чрезвычайно узкий выводной проток, который в среднем не превышает 3 мм. диам., доходя лишь в некоторых сосудах до 8 мм. Только у одного сосуда мы нашли выводное отверстие в 10 мм. и то, повидимому, искусственно расширенное.

В продольном разрезе эти протоки представляют канальцы или с'узкивающиеся кнаружи, или в средине или ровно цилиндрические. Повидимому, эти протоки делались палочкой посредством протыкания снаружи внутрь, что можно заключить по фрагментированым сосудам, где внутри вакуол остались закаленные кусочки выдавленной глины.

На шейке сосудов можно наблюдать или круговые валики или углубления для удержания завязки, а что сосуды чем-то покрывались и завязывались,—подтверждается тем, что шейки сосудов никогда не орнаментировались. Помимо валиков и углублений на шейках сферо-конических сосудов наблюдается еще и другое приспособление для удержания повязки—это особое устройство шеек в виде блочка, что напр. видно на сосудах, найденных на Увеке, а также на сосудах из Ташкента [1]).

Упомяну здесь и еще одно наблюдение над характерным явлением среди комплекта сферо-конических сосудов Саратовского собрания - это отсутствие шейки у многих сосудов вследствие механического ее отбития, как бы для расширения выходного отверстия.

Если все сферо-конические сосуды уложить на горизонтальную плоскость, то при этом приходится наблюдать, что шейка сосудов или горлышко всегда поднято несколько кверху, т. е. продольная ось сосуда всегда составляет острый угол с горизонтальной плоскостью. Исключение отсюда составляют только удлиненно-конические сосуды VI группы, продольная ось которых может итти параллельно горизонтальной плоскости при лежании на ней этого сосуда.

На некоторых сосудах, фрогментированных, можно наблюдать и самый способ их производства. Надо думать, что при начале выработки сосуда, на кружал пола-

[1]) См. Atlas archéologique des antiquités finno-ugriennes et altaiques de la Russie. Paris 1880 г. pl. XXII.

гался кусок глины, затем мастер делал из другого куска такой же глины «колбаску» и прикрепив ее к положенному на кружал куску, пускал станок вход, спирально вверх налагая «колбаску» ряд на ряд, поддерживая внутри сосуда одним пальцем, следы которого замечаются на стенках вакуол разбитых сосудов. Затем доведя колбаску до шейки сосуда, мастер вынимал из сосуда свой палец и совершал сосуд или при помощи особого лекала в виде тонкой, изогнутой крюком проволоки или без нее. В первом случае сосуд получался с готовым отверстием, а во втором—мастер протыкал его палачкой снаружи, как я о том говорил выше. После с'емки сосуда с кружала, ею обрезали в виде конуса, что на сосудах местного производства особенно заметно, т. к. полировки мокрой тряпкой почти не производилось, привозные же сосуды полировались мокрой тряпкой и затем на них штампом наносились те или иные украшения. Сосуды выделывались по всей вероятности очень быстро, что заметно по производству орнаментовки, каковая в общем делалась очень небрежно, торопливо.

Даже такой прекрасный сосуд с тонкой арабеской, как изображенный на фот. № 17, из серо белой глины, орнаментировался, повидимому, второпях, что особенно заметно по накладкам внизу сосуда квадратных орнаментировочных кусочков, небрежно отрезанных от глиняной тесьмы, не выровненных и не подогнанных друг к другу.

Вся конструктивная часть сосудов выражает собою процесс длительной выработки и приспособления этих сосудов к возможной охране содержимого от разных случайностей. На самом деле, если толщина шейки и являлась как результат технической непредвзятой выработки, то узость выводного протока придавалась сосуду, без сомнения, преднамеренно и с тем, чтобы не дать возможности содержимому легко выливаться, вытекать непрерывной струей, а лишь в виде капель и при толчкообразном движении сосуда.

Из опыта наполнения водою сосудов можно убедиться, что из тех из них, у коих отверстие менее 3 мм., вода без толчков совсем не вытекает, если сосуд повернуть горлышком вниз: из сосудов с более широким отверстием она выходит крупными каплями и только из имеющих широкие отверстия—неправильной, прерывающейся струйкой: та же картина, которую мы наблюдаем в наших стеклянных пузырьках.

Толщина стенок сосудов говорит также за заботу охранить содержимое и при том что-то драгоценное, ибо эта толщина стенок совершенно не пропорциональна величине сф.-конических сосудов, если сравнить их с обычной водоносной золотоордынской посудой, обычно пропорционально тонкостенной и вместе с тем крепкой. Толщина дна также подтверждает мысль об охране содержимого.

Возникает вопрос, почему у данной посуды дно является коническим, а не плоским, как в нашей обычной стеклянной посуде.

Думается, что отчасти теоретические соображения, а главным образом, практика показала, что если бы эти сосуды делались с плоским дном, они не были бы столь прочны, как сосуды с дном коническим, ибо получаемый при падении противоудар в острое дно равномерно распространялся из одной точки дна по конусообразным стенкам с ослаблением его в сферических плечиках. Как правильно замечает г. Ленц, и в наших стеклянных бутылках дно делают вдавленно-коническим в целях придания сосуду наибольшего сопротивления.

Выпуск конического дна наружу можно об'яснить еще и тем соображением, что сосуд необходимо было держать в наклонном положении на горизонтальной плоскости, чтобы из него не могло вылиться содержимое.

Указанные прочность и целесообразность конструкции, преследующие главную цель — охрану содержимого, делают понятным наблюдаемое явление — откол шейки у сосуда. Когда являлась нужда быстро и окончательно опорожнить сосуд, чего не позволяло отверстие шейки, тогда его разбивали, а если он был более или менее красив, изукрашен, то отбивали одну лишь шейку, увеличивая этим выходное отверстие, или даже часть ее, как это видно на осколке сосуда (рис. 32).

Все вышеизложенное позволяет сделать такой вывод: все сферо-конические сосуды представляют собою не что иное, как посуду для хранения какой-либо драгоценной и притом тяжеловесной жидкости, которою пользовались в небольшом количестве и даже в виде капель, т. е. *все сфероконики суть глиняные пузырьки-капельники.*

Прежде чем перейти к вопросу о том, чем же могли наполняться такие сосуды, мне хотелось хотя бы вкратце остановиться на взглядах тех археологов, на эти сосуды, которые мною были упомянуты в начале и рассмотреть, чей же взгляд на эти сосуды является более правильным и наиболее приемлемым.

Конечно, ни в каком случае нельзя принять «гранатной» теории de Saulcy, так основательно и убедительно опровергнутой доводами А. Ф. Лихачева. [1]) К ним мы могли бы прибавить весьма немного, а именно, что «grénades a feu grégois» de Saulcy не имело смысла хранить в таких мирных городах, удаленных от границ, как Укäк, Бельджамен, Ирапорское городище на р. Саратовке и др. Крепость конструкции сосудов, узость выводных протоков, характер орнаментовки и форма все противоречит назначению этих сосудов, как метательных снарядов с греческим огнем.

Неприемлем и взгляд на эти сосуды, высказанный В. А. Казариновым, как на архитектурные украшения. Этому во-первых противоречит и характер орнаментовки сосудов: он слишком мелок для таких даже высот, как воротний столб, если такие только употреблялись в монголо-татарских постройках. Еще более опровергает этот взгляд наш лицевой сосуд. Употребляя его как архитектурное украшение, т. е. укрепляя на железный стержень, мы должны были бы поставить его, как говорят, «вверх ногами», что едва ли допустимо в архитектурных украшениях. Затем, если эти сосуды надевались на железные стержни, от них остались бы следы на шейках сосудов или на дне вакуол от ржавчины, от проведенных концами стержня полос, чего мы ни на одном из сосудов не заметили. Если же шейки сосудов при установке заливались известью, тогда следы ее обязательно сохранились бы хотя бы на некоторых сосудах, чего мы также не нашли.

Обходя вопрос о сферо-конических сосудах, как голосниках, каковыми они не могли быть ни по конструкции, ни по украшениям, рассмотрим, насколько правилен был на них взгляд А. Ф. Лихачева, как на светильники. Из его доклада мы не усмотрели, производил ли он с ними опыты, пробовал ли их наполнять горючим веществом и зажигать. Подобный опыт в музее Сарат. Архивн. Комиссии проделал в 1914 году проф. В. А. Городцов. Сосуды наполнялись керо-

[1]) См. цитир. „Труды IV Арх. Сѣзда".

сином, зажигались, фитиль вспыхивал, догорал до шейки и лампа тухла Не смотря на повторность опытов, результат получался тот же. Такое явление находит себе естественное и легкое об'яснение. Фитиль, пропитываясь керосином, набухал, заполнял весь выводной проток, доступ воздуха в сосуд прекращался, капилярность нарушалась и, естественно, горение происходить не могло. Для этого требовались какие-то побочные приспособления в виде ли трубочек или еще какие, но таковых при сосудах никогда не находим К тому же, если бы сферо-конические сосуды служили светильниками, на них бы осталась обязательно копоть, каковую мы и находим на золотоордынских чираках, этих несомненных светильниках, ассортимент коих имеется в музее, тогда как ни на одном из сферо-конических сосудов таковой копоти нет и следов. Необходимо отметить и то, что сосуд, на коем базировался А. Ф. Лихачев, как на светильнике, был, думается нам, посудой иного порядка. Он был по форме хотя и сферо-конический, но во-первых тонкостенный, во-вторых дно его было плоское, а верх сведен в виде сферического конуса или луковицы и в третьих отверстие у сосуда было на плечике и в виде щели. Действительно, такие сосуды встречаются на золотоордынских городищах и не редко, но это совсем иная посуда, чем сферо-коническая с острым дном. Укёкское городище дало несколько таких сосудов в целом виде и со щелями и без щелей: они хранятся в археологич. музее, но дело в том, что их увекские жители находили иногда наполненными медной золотоордынской монетой, почему и назначение этих сосудов мы считаем за простонародные глиняные *копилки*, которые могли, по нужде, служить и для светильников. Тем более, что щелевое отверстие у них было настолько велико, что могло не целиком заполняться фитилем и давать свободный приток воздуха внутрь сосуда. В случае нужды это отверстие легко было и расширить благодаря тонкостенности сосудов, а применять их для горения могли также, как и мы одно время применяли медицинские пузырьки для «лампочек-коптилок»[1])

Остаются недоуменными вопросы, если сферо-конические сосуды были светильниками, для чего придавать им такую чрезвычайную прочность и массивность, почему не украшать у таких сосудов шейки, а лишь плечики и бока и почему не попадается на золотоордынских городищах тех приспособлений, без коих эти сосуды не могут давать освещение. Принимая же во внимание пористость сосудов и наличие достаточного количества находок чираков-светильников на городищах золотоордынской эпохи, к теории А. Ф. Лихачева приходится отнестись с большой долей сомнения и недоверия, тем более, что если он сферо-конические сосуды принимал за светильники по аналогии с таковыми в канделябрах-лампадах из мечети Калауна или д'эль Ху-ри, то, судя по рисункам, произведенным в книге Гэйе[2]), хотя лампочки этих мечетей и имеют остроконечное донышко, на подобие наших сферо конических сосудов, но верх их совершенно отличен от таковых. Лампочки из указанных мечетей имеют открытый довольно широко верх, у них отсутствует шейка и часть плечиков, т. е. конические светильники играли роль плошек, на подобие употреблявшихся ранее у нас при иллюминациях, в коих горело или сало или нефть, или смола.

Не приемлемым является для нас ни взгляд проф. Ивановского ни эти сосуды, как на пузырьки для хранения благовонных масл, ни взгляд З. Виноградова на

[1]) Во время керосинного голода в 1921—1922 годах.

[2]) L'art Arabe. par Al. Gayet. Paris 1893 г.

эти сосуды, как на пузырьки для развозки святой воды из священных источников, в том числе и из источника Зем-Зем. Для благовонных масл в Золот. Орде имелась прекрасная фаянсовая посуда и персидское стекло (стеклянный красивый пузырек и фрагмент стеклянной чаши с арабскими надписями с Мечетного городища хранятся в Сарат. Археол. музее) и для хранения этого драгоценного товара сферо-коническая посуда, как тара, по составу пористая, легко и много в себя впитывающая, не годилась. По своей форме, отсутствию всяких приспособлений для подвески и прикрепления, по малому внутреннему измещению, по своей пористости не годились эти сосуды и для разноски святой воды за сотни и тысячи верст от священных источников. Как бы не был фанатично-богомолен ходжа, он, чтобы донести несколько капель или глотков священной «Зем-Зем» до дому, скорее всего воспользовался бы тыквой-горлянкой, стеклянным пузырьком, но не нашим неудобным для переноски грубым, тяжеловесным сферо-коническим сосудом. Что же касается штампованных изображений рыбок на этих сосудах, о которых трактует З. Виноградов, как об эмблемах, указывающих на назначение сферо-конических сосудов для священной воды, то нужно заметить, что штампованные рыбки встречаются на очень многих золотоордынских сосудах разных форм и состава, ничего общего не имеющих с сф.-конич. пузырьками: встречаются рыбки и на золотоордынских зеркалах и медных монетах. Это одна из обычных орнаментальных форм, какими являлись в Зол. Орде и другие виды животного царства: заяц, лисица и проч. Об эмблематическом изображении рыбок, впрочем, мы скажем ниже, рассматривая сф.-конич. сосуды как тару для перевозки ртути, сторонниками чего являются такие авторитеты, как проф. Штукенберг, Честер, Э. Ленц и Пославский.

Рассматривая выше сф.-конич. сосуды со стороны их исторического бытования, а, главное, со стороны конструктивно-типологической, мы уже пришли к выводу о назначении этой посуды для хранения какой-либо тяжеловесной, дорогой жидкости. Связывая наши выводы со взглядами на сф.-конич. сосуды приведенных сейчас авторов, мы с уверенностью можем сказать, что *первоначальным назначением этой оригинальной посуды было служить не только тарой для перевозки, но и для хранения ртути.*

В своей обстоятельной статье [1]) Э. Ленц привел все возражения противников этой теории и дал на них обстоятельный ответ. К тому, что отвечал Э. Ленц, мы можем добавить следующее.

Э. Ленц указывает лишь два сосуда, в коих найдена ртуть: Московский и из Спасского уезда. По нашим данным сюда следовало бы добавить сосуд из Триполи Сирийского, бывший в руках de Saulcy с остатками ртути, затем сосуд M. Greville и I. Chester с ртутными шариками и слоем разложившегося воска, далее, сосуд, демонстрированный Пославским в Туркестанском кружке любителей археологии, содержавший по определению магистра Н. Тейха—ртути 31%, мума или нефтяной смолы 40,5% и лесса 28,5% и, наконец сф.-конич. сосуд из Старого Крыма, который был наполнен ртутью и закупорен [2]). Имея ввиду, что эти сосуды, хра-

[1]) Э. Ленц. «О глиняных сосудах с коническим дном». Зап. В. О. Р. А. О. 1904 г. т. XV, вып. V стр 101—112.

[2]) В Сарат. Археол. музее имеются 2 сосуда сф.-конич. формы, покрытые красной окисью, которая, б. м., при обследовании окажется также меркуриального происхождения.

нящиеся в наших музеях, в подавляющем большинстве при находках не обследуются со стороны их внутреннего содержания, приведенный перечень сосудов с остатками ртути является достаточно основательным.

Нахождение внутри сосуда воска или мума еще более убеждают нас в том, что эти пузырьки предназначались для ртути, ибо налитый в горячем состоянии в сосуд, наполненный ртутью, воск плотно и крепко закупоривал изнутри выводной проток, а для большей прочности сосуд обвязывался на шейке или пузырем или тканью, для чего, повторяю, шейка на всех сосудах не орнаментировалась и несла на себе или валик или углубление для удержания повязки.

На выставленный противниками «ртутной теории» аргумен, что на одном из сосудов есть имя города Bi Hana, в окрестностях которого нет ртутных месторождений, мы в добавление к тому, что писал Э. Ленц, можем сказать, что и в Ферганской области, откуда попадали на Волгу сферо-конические сосуды, не было известно месторождений ртути, а благодаря работам В. В. Бартольда [1]), такие места теперь нам известны на реке Сох-сое. Там находят и сферо-коническую посуду из серо-белой глины [2]). Найдутся, надо полагать, и залежи ртути и в Закавказьи, где существовал Bi Hana.

Отсутствие орнаментовки и меньший об'ем вакуолы сф.-конич. посуды местного производства об'ясняем мы тем, что она предназначалась для розничной продажи ртути, как у нас ныне продают ртуть в очипках гусиных перьев, тогда как иноземные оптовые заготовители ртути, для отличия своей фирмы, придавали сосуду несколько своеобразную форму и особый признак в виде орнаментовки, чтобы по ним потребитель мог сразу судить, с каким сортом товара и какой фирмой он имеет дело. В данном случае наблюдается тот же процесс, как и в наше время, когда фирмы придают таре своеобразные формы и украшают ее кричащими этикетами.

Что касается возражений на то, что слишком большое количество находят этих сосудов и, следовательно, слишком большое потребление было ртути, то наши расчеты дают иной результат. Всего в Сарат. арх. музее удалось собрать 35 целых и до 60 фрагментов сф.-кон. сосудов, из коих можно скомпановать в общем до 15 целых, т. е. всего 50 сосудов. Это, главным образом, с 2 городищ: с Укäка и Бельджамена при очень тщательном выискивании и собирании этих сосудов. Пусть это будет лишь $^1/_{10}$ часть того, что можно еще собрать, хотя эти городища вычищены почти на нет. Итого 500 сосудов за 150 лет существования каждого города. На год потребление выразится в 2—3 сосудах, не более. Измещение наибольшего из наших сосудов=238 куб. сант. воды или почти 9 фунтов ртути и годовое потребление ртути будет 25—27 ф. на город. Это количество не является таким уже значительным, чтобы поражаться им, принимая во внимание состояние промышленности Зол. Орды, где и золочение и серебрение шло через огонь с предварительным растворением металла в ртути; производство тонких белил для косметики и краски для сюрьмления - из ртути и некоторые медицинские средства, надо полагать, применялись также из ртути. Ртутные препараты начали употреблять еще Razes и Avicenna в X столетии. неаполитанская мазь была известна уже в XIII ст. [3]).

[1]) В. В. Бартольд „Туркестан" т. II стр. 164.

[2]) Л. Зимин. Краткая историч. справка о древнем Сох-сое. Проток. Турк. кружка люб. арх. за 1914 г.

[3]) См. Реальная Энциклопедия Медицинских Наук проф. А. Эйленбург, СПБ 1896 г. под словом «ртуть» и «сифилис».

Благодаря религиозным воззрениям (запрещение Язы осквернять воду грязным бельем), темноте народной, социальному неравенству и бедноте [1]), население Золотой Орды, хотя и воспринимало, с ослаблением китайского влияния, арабо-персидскую культуру, все же в своих привычках пребывало в антигигиенических условиях и потому потребление ртутных препаратов вполне допустимо. И в наше время одним из сильных простонародных средств лечения вшивости, чесотки и др. среди местного сельского населения почитается «политань» и «сулема» или «ртутная грызма» [2]).

В своей статье [3]) о сферо-конических сосудах З. Виноградов говорит о том, что некоторые из них имеют форму, напоминающую рыбу и на одном из сосудов имеются штампы рыбок, на основании чего он и приходит к выводу о назначении сферо-кон. сосудов для разноски воды из священных источников. По сведениям, полученным мною от проф. Сарат. Гос. Ун-та, В. В. Челинцева, одним из эмблематических изображений ртути в средние века «была рыба в «пламеневидном» окружении» или волнообразном, как я сужу по рисунку (см. рис.), показанному мне профессором.

Если это так, то не ближе ли будет к истине истолковать рыбовидную форму сосудов т. Виноградова в сторону назначения их для ртути, нежели для вмещения воды.

По свидетельству проф. Веселовского, в Туркестане в памяти туземцев до наших дней сохраняется предание о назначении этих сосудов для ртути, о чем я говорил выше.

Наконец, из той же статьи З. Виноградова усматривается, что в самое последнее время и проф.-академик Н. Я. Марр «категорически» утверждает, что сферо-конические сосуды предназначались первоначально для ртути.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам:

1) Вся сферо-коническая посуда, находимая на приволжских городищах Саратовской и Царицынской (Сталинградской) губерний, всегда сопровождаемая остатками бытовой старины татаро-монгольской эпохи, относится к бытовым памятникам этой эпохи и датируется XIII—XV веками.

2) Исходя из материала, конструкции и орнаментовки сосудов, можно считать три источника ее происхождения: Закавказье, Закаспийский край и, как продукт подражания, местное производство, т. е. Поволжье.

3) Отличаясь формой, крепостью и малоемкостью от прочей посуды того времени, предназначаемой для хранения жидкостей, сферо-коническая посуда является хранительницей металлической жидкости—ртути.

4) За использованием содержимого, сф.-конич. посуда могла быть употребляема и для других хозяйственных надобностей в обиходе жизни того времени.

5) Количество этой посуды не является «огромным» для периода ее существования в 200—250 лет в отношении потребления в тот период времени ртути.

Саратов 1924 г.

---

[1]) Собрание путешествий к татарам и др. восточн. народам. Перев. Языкова, СПБ. 1825 г. кн. IV. Записки о Московии бар. Герберштейна. Перев. Анисимова 1866 г., СПБ. Стр. 157 и др.

[2]) Петровский у., Князевская и Кондальск. вол.; Аткарский у. Кологривовская в.

[3]) Казанский Музейный Вестник № 2. Казань 1922 г.

ТАБ

обмера сферо-конических сосудов из археологи

1	2	3	4	5	6	
№№ по порядку	Группа	Вид или подгруппа	МАТЕРИАЛ	Наличие или отсутствие орнамента	ОБМЕР в миллиметр. Высота	Ширина
1	I. Коничские	С цилиндрич. шейкой	Желтая местная глина	Нет	102	83
2		» »	» » »	»	105	87
3		С коноидной шейкой	Буро-красная	»	110	92
4		» »	»	»	131	100
5	II. Овально-конические	Чешуйчатые	Темно-коричневая глина	Чешуйчато-полосатый	110	81
6		»	» »	»	126	98
7		»	» »	»	122	95
8		»	Черная глина	Чешуйчато-фестончатый	114	86
9		»	» »	»	122	92
10		»	» »	»	123	91
11		Гладко-лощеные	Глина шеколадного цвета	Без орнамента	123	89
12		»	» » »	»	125	90
13		»	» » »	»	144	93
14	III. Яицевидные	Остродонные	Глина красная	Полоска кругов.	?	93
15		»	» »	»	133	100
16		Яицевидные круглодон.	» »	»	131	96
17	IV. Сферо-конич.	Пуговчат.	Грязно-белая глина.	Арабеск.	134	111
18		Остродонные	Желтовато-белая глина	Стековой, углублен.	135	95
19	V. Луковичные	Остродонные	Буро-желтая глина	Кругов.	116	95
20		»	» »	полоска	118	90
21		»	» »	»	107	89
22		»	» »	»	142	97
23		»	» »	»	114	88
24		»	» »	»	134	90
25		»	» »	»	121	95
26		»	» »	»	107	87
27		С усеченным дном	Коричневая глина	Елочка	132	113
28		» »	» »	Елочка и звездочки	133	95
29		» »	» »	Лицевой и елочка	138	95
30		Прод.-вальчат.	Черная.	Валики	125	92 с вал. 88 без вал.

Сосуды VI типа (удлиненно-конические) вымерить не удалось.

Л И Ц А

ческого музея Саратовского О-ва Ист. Архэт.

7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
СОСУДОВ			ШЕЙКА СОСУДОВ				Д Н О		
куб. сант.	граммы		в миллиметрах						
Объем вакуолы	Вес сосуда без воды		Высота	Диаметр.	Ширина устьица	Высота валика или углубл.	Толщина	Форма	ДЕФЕКТЫ
40	285,5	—	25	25	6	Нет	27	Остр. 0	Нет
68	285,3	—	23	25	6	Нет	30	0	»
78	298,6	—	28	30	5	0,5	27	0	»
170	546,0	—	33	38	6	1,0	20	0	»
94	452,2	—	21	39	9	0,5	36	0	»
180	639,5	—	25	39	9	0,5	28	0	»
159	567,6		28	42	9	1,0	26	0	»
90	550,3	—	26	40	6	2,0	26	0	»
152	605,7	—	26	43	10	Нет	30	0	»
150	580,2	—	25	36	6	Нет	26	0	»
—	622,8	—	35	21	5	Нет	26	0	»
163	516,2		35	30	8	Нет	32	0	»
124	678,2	—	27	35	8	Нет	47	0	»
—		—	—	—	—	—	—	0	Шейка отколота
218	511,8	—			—	—	—	0	—
—	533,2	—	32	—	8	Нет	26	Овал.	—
208	934,2	—	20	29	6	3,0	31	Шуговч.	Нет
232	487,0	—	20	30	6	2,0	14	Острое	»
68	413,8	—	21	28	3	1,0	44	Остр.	»
78	478,5	—	26	31	3	3,0	30	0	»
61	409,5	—	21	24	3	1,0	41	0	»
150	575,9	—	24	31	5	4,0	59	0	»
76	422,3	—	24	28	3	2,0	36	0	»
103	487	—	23	30	3	4,0	40	0	Обжигов. трещина.
115	491,3	—	22	30	3	2,0	41	0	»
57	388,2	—	24	28	3	2,0	23	0	Нет
242	452,2	—	24	32	8	2,0	33	Усеченное	»
180	487,0	—	—	—	—	—	—	Усеченное	Шейки нет.
182	533,2	—	—	—	—	—	—	Усеченное	»
150	469,2	—	—	—	6	Нет	—	Притупл.	Нет.

№ 2.

№ 5.

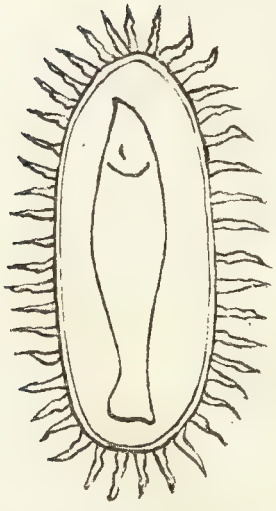
№ 11.

№ 15.

№ 16.

№ 17.

№ 18.



Эмблематич. изображение ртути в серёд. века. (По рис. проф В.В.Чемин-цева.

№ 21.

№ 29.

№ 31.

Сферо-конические сосуды из Саратовск. областн. археологич. музея.

ПАМЯТНИКИ

Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 году.

Н. Арзютов.

Летом и осенью 1924 г. под руководством проф. П. С. Рыкова были совершены две поездки по Нижнему Поволжью.

Обследованию подверглись, главным образом, районы по течению рек: Медведицы, начиная от с. Лысых Гор (Аткарского у., Сарат. г.) и до сл. Рудни (Камышинского у., той же губ.), в Заволжье, в АССР Республ. Немцев Поволжья—по реке Еруслану от с. Курнаевки (Старо-Полтавского кантона) до сл. Красный Кут и по р. Б.-Караману от с. Тонкошуровки (Мариенталь) до с. Раскаты (Роледер) Тонкошуровского кантона. Эти районы между прочим дали четыре рода памятников по Золотоордынской культуре: 1) дюны, 2) селища, 3) могильники и 4) курганные погребения.

Дюн со следами культурных остатков Золотоордынской эпохи отмечено всего десять, причем пять из них принадлежат району Медведицы и столько же берегам р.р. Еруслана и Б.-Карамана.

Характер и географическое распределение дюн по р. Медведице и ее притокам—Терсе со Щелканом следующее.

Аткарский уезд.

1) *д. Пески* (правый берег)—большие дюны тянутся к Ю. вдоль оврага версты на три.

2) *с. Чадаевка* (правый берег)—дюны в полутора верстах от села к В., под горой;

3) *с. Б.-Князевка* (левый берег)—дюна большая, против села.

Камышинский уезд.

4) *сл. Нижняя Добринка* (левый берег)—дюны верстах в двух от слободы на В., называемые «Кирпичный Мар»;

5) *сл. Рудня* (лев. б. рч. Щелкана, притока р. Терсы)—громаднейшие дюны. Верхняя—верстах в четырех от слободы к С., за полотном ж. д. Это место носит название «Белая Пристань». Нижняя дюна находится ближе к Рудне.

Дюны по р.р. Еруслану и Б.-Караману.

Старо-Полтавский кантон.

6) *с. Беляевка* (правый берег)—дюны к С. от села:

7) *с. Валуевка* (Михайловка, правый берег —дюны к Ю.-З. от села:

8) *д. Песчанка*—(правый берег) дюны тянутся к З. от села версты на три;

9) *с. Салтово и с. Лятошинка*. От с. Лятошинки, населенного татарами, и с. Салтова по обоим берегам р. Еруслана тянутся сплошные и высокие дюны до с. Дьяковки.

По р. Б.-Караману—единственная дюна на правом берегу у с. Раскаты (Роледер) Тонкошуровского кантона.

Перечисленные заволжские дюны по сравнению с таковыми же р. Медведицы несколько богаче.

На всех дюнах в большом количестве встречаются фрагменты Золотоордынской посуды.

Погребения на дюнах.

Погребения с саблями отмечались крестьянами на «кирпичном Мару» близ сл. Нижней Добринки, на дюнах около с. Чадаевки. Левобережная дюна с. Б.-Князевки дала одно погребение. Последнее в 1919 г. было открыто пастухами. Покойник лежал головой на З. без всяких следов гроба или другой какой-либо обкладки. При нем находились железные стремена, одно из которых взято пастухами, а обломок другого взят экспедицией. От стремени сохранилась подножка, имеющая с нижней стороны продольную выпуклую бороздку.

В Заволжье на дюнах близ с. Валуевки (Михайловки) сохранились следы когда-то, повидимому, значительного могильника, т. к. кирпич, из которого сооружались могильные склепы, в обломках разбросан всюду. Могилы узкие, неглубокие, ориентированные длинною осью с С. на Ю. Покойники полагались в гробах. Крестьяне, вскрывавшие эти погребения, вещей при покойниках не встречали.

Селища. Они обнаружены в районе р. Медведицы. Одно находится на южном конце дюн с. Пески. Оно совершенно разрушено временем, т. к. кроме небольшого количества мелких черепков, ничего не дало. Возможно, что оно вообще было бедным.

Другое селище расположено близ речки Щелкана приблизительно в шести верстах от слободы Рудни, в местности, одна часть которой называется «Овдовье», а другая «Рыльщикова долина». По сравнению с предыдущим это селище значительно, как по пространству, занимаемому им, так и по количеству материала. Больше всего встречено черепков от посуды из красной и серой глины, с орнаментом и без него. По верхним террасам обоих древних берегов р. Медведицы или таких притоков, как Баланда, Терса со Щелканом почти непрерывною цепью тянутся курганные группы.

Величественны они, например, по дороге от с. Пески к с. Чадаевке или около с. Александровки, где они расположены на гребнях сырта к З. от села.

Верстах в шести от сл. Рудни и в одной версте от левого берега р. Щелкана, по направлению с В. на З., идет сплошной ряд курганов, достигающих значительных размеров.

Пробные раскопки, произведенные у с.с. Лысые горы, Чадаевки и сл. Рудни, показали, что эти курганы даже в большей части могут принадлежать татарам.

Подводя итог, следует отметить, что район реки Медведицы в обследованной части дает нам кроме культурных остатков дюнного характера, еще ряд памятников, которые свидетельствуют о том, что на ряду с чистым кочевником, посещавшим берега реки урывками, был и такой, который вел более или менее оседлую жизнь. Впрочем, здесь следует также иметь ввиду и разное время, к которому могут относиться те или другие памятники.

Если к нашему материалу добавить уже обнаруженные и обследованные дюны и селища, расположенным по правому берегу Волги—селище близ гор. Хва-

лыпска на рч. Черемшане, Увекское селище близ гор. Саратова, дюны и селища близ сл. Даниловки и с. Терновки, Камышинского у. Сарат. г., того же уезда у сл. Красный Яр, то увидим, что правый берег Волги пользовался значительным вниманием со стороны кочевников золотоордынской эпохи. Селища занимали места, которые позволяли своим обитателям иметь оживленные связи с крупными центрами и заниматься различными промыслами.

Несколько иная картина в Заволжье. Самый берег Волги имеет следы оседлости, но дальше в глубь степей этот признак теряется.

Теперь обратимся к курганному материалу.

Всего в обследованном экспедициями районе было вскрыто четыре кургана—у с. Лысые горы (Аткарского у.), на юг от него, у сл. Рудни (Камыш. у.), верстах в трех от нее за полотном железной дороги, близ Соленого Озера. Оба кургана лежат на правом берегу р. Медведицы. В Заволжье у с. Курнаевки (Старо-Полтавск. Кантона), на Юг от него—это район р. Еруслана, затем у с. Суслы (Герцог)—Тонкошкур. кантона. Этот курган расположен на высоком правом берегу старицы р. Б.-Карамана.

Три первые кургана размером близки (диам. от 15,12 м. до 10,80 м., высота от 96 см. до 59 см.), имеют северную полу круге южной; на четвертом это заметно слабо, т. к. он слишком мал (диам – 7 м., высота—18 см.).

Вершины курганов Лысогорского и Курнаевского уплощены, рвы (земляные выемки) вокруг основания насыпи хорошо заметны. Форма же Руднянского кургана можно сказать эффектная—правильный полушар без признаков провала и рва. Хорошая сохранность внешности кургана вполне соответствовала богатому погребению, взятому в нем.

В насыпи сусловского кургана масса золы, угля и жженой земли. Земля и уголь в меньшем количестве содержатся в Курнаевском и Руднинском курганах. Курган же лысогорский ни того, ни другого не имел.

Погребение покойников происходило в грунтовых ямах.

Последние, исключая ямы кургана у Лысых гор, целиком засыпаны грунтовой глиной и, возможно, засыпка утрамбовывалась, так как твердость ее особенно ближе ко входу могилы, нисколько не уступала твердости нетронутого грунта.

Глина, вынутая из могилы при изготовлении ее, не умещалась уже в ней, когда ею засыпали умершего, почему образовывала над могилой невысокий холмик.

Могильная засыпка Лысогорского кургана смешанная; над гробом покойника имелась небольшая кучка мелкого щебня. Здесь обычай укреплять могилу, усложняя, таким образом, доступ к покойнику со стороны двуногих и четвероногих хищников, или уже потерял свое значение, сохранившись как символ, или же данному случаю не следует придавать намеренного действия. Окружающая курган почва и подпочва содержит много мелкого щебня, который и мог угодить в могилу при засыпке ее.

По устройству могильных ям, способу трупоположения и характеру погребального инвентаря все четыре кургана составляют три типа.

Первый—он же и наиболее древний по сравнению с остальными—дал Руднянский курган, второй тип, хронологически следующий за первым—Сусловский и третий тип—два остальные. За старшинство во времени Руднянского кургана говорит находка при его погребении идольчика (бурханчика), грубо вырезанного

из низко-пробной серебряной пластинки. Идольчик характеризует свою обладательницу как несомненную язычницу, и если переход татар в магометанство определяется началом XIV ст., то это погребение можно отнести с некоторой уверенностью к последним годам XIII ст [1]) Сусловский же курган хорошо датируется найденной в нем при погребении медной монетой Тохтогу-хана. Полагая около 30 лет на переживание монеты после смерти хана, чеканившего ее, можем сказать, что это погребение относится к первой трети XIV века. Курганы Курнаевский и Лысогорский по существу своему не могут дать резкой хронологической разницы ни в отношении друг к другу, ни по сравнению с предыдущими.

МОГИЛА ПЕРВОГО ТИПА (См. рис. № 1).

Она имеет входную яму в форме прямоугольника, довольно широкую с слегка закругленными углами. Длина ее—2,60 м., ширина—1,08 м., глубина—1,44 м. Ориентировка могилы по длинной оси—З.-В. В южной стене устроен аркообразный подбой, З и В. концы которого несколько выдаются за грани тех же сторон входной ямы. Длина подбоя 2,88 м., ширина 72 см., высота 81 см. контуры могильного дна вместе с подбоем дают форму, близкую к полукругу. Ту-же форму дало и могильное пятно. Однако на глубине 18 см. темная засыпка над подбойным вырезом прекратилась и могила приняла вид прямоугольника.

Подбой был забит слоем твердой глины толщиной в 18 см., за которым начиналась мягкая засыпка, и отделен от входной ямы пятью вертикально стоящими толстыми деревянными досками (см. рис. № 2), длиною в 80 см. Доски ставились друг от друга на расстоянии 22-х см.

Во входной яме на правом боку, упираясь хребтом в северную стенку могилы лежал с поджатыми ногами костяк молодой большеголовой степной лошади, ориентированный головой на запад.

В подбое находился гроб, сложенный из дубовых досок. По углам доски скреплялись четырьмя массивными железными скобами. Длина гроба 2,34 м., ширина 58,5 см., высота 31,5 см.

Прикрытием гроба служила дубовая же доска.

В гробу на спине с вытянутыми конечностями лежал костяк молодой женщины высокого роста (173 см.) головой на З.

Могильный инвентарь.

Одежда—почти не сохранилась. Имеющиеся два кусочка шелковой ткани—более грубой и менее,—а также масса тлена коричневого цвета, лежавшего на костяке складками,—скорее остатки ткани, в которую покойница была обернута.

Головной убор сохранился в виде части берестяной трубочки, лежавшей у затылка и составлявшей вместе с головной шапочкой так наз. «Бокка». Длина уцелевшей части трубочки около 14 см., диам. 4 см.

Береста, взятая для изготовления трубочки, сгибалась вдоль волокон, и края ее были сшиты. Концы трубки обложены вторым слоем бересты. Поверхность ее в несколько оборотов обмотана тонкой шелковой материей красного цвета, и была, повидимому, покрыта различного рода мелкими украшениями, следы которых сохранились в виде отпечатка маленькой четыреугольной серебряной пластинки на одной

[1]) В 1926 г. из с. Рудни т. Цыгановым доставлена в музей сереб. монета Кулны-хана, найденная в выкинутой земле из могилы этого кургана.

из сторон трубки. Для нашивных украшений служил ряд отверстий, разбросанных по поверхности трубки.

Серьги-привески—две. Обе из серебряной проволоки, толщиною в 2 мм., довольно массивные. Одна из них, лежавшая около правого уха костяка, в виде знака вопроса, так наз. болгарского типа, крупная (дл. 6,5 см.). Стержень серьги круто обмотан серебряной же проволочкой—плоской четырехгранной формы, к низу сделан тонким. Конец дает облом. Подвесочки не сохранилось.

Сопоставляя нашу серьгу с серьгами подобного типа и устройства видим, что ей не хватает той дужки, которая соединила бы в одно целое и утонченную часть стержня и обмотку, т. к. последняя есть ничто иное, как тот же стержень. Другая серьга, находившаяся слева у головы покойницы на куске толстого войлока вместе с другими предметами украшения, имеет форму колечка с незамкнутыми концами, один из которых изящно разветвлен в виде трех завитков. (См. рис. № 3).

Обе серьги весьма интересны—первая по величине и массивности и тождественной ей пока не встречено. Вторая выделяется по своей оригинальной форме.

Бусы—очень мелкие, голубого цвета, из стекла—составляют небольшую низку. Бусы такой же величины находятся в Саратовском Археол. Музее, взятые из женского погребения на Увеке, но там они из жемчуга и были нашиты на боку [1]).

Серебряные пластинки. Их взято четыре—очень мелкие, трапецевидной формы, из плохого серебра. Края пластинок неровные, точно обломанные, почему трудно сказать, составляет ли каждая из них нашивное украшение или это только части более крупных предметов.

Судя по месту находки, они были поясными украшениями.

Зеркало—из бронзы, довольно массивное, диам. в 9,5 см. По краю широкий ободок, а с тыльной стороны ушко с продетым сквозь него сыромятным ремешком, за который зеркало держалось. На этой же стороне имеется орнамент, состоящий из двух извивающихся хищных рыб, причем каждая из них поглощает мелкую рыбу, которая своим длинным телом напоминает угря. Над хищниками изображена летящая птица.

Футляр для зеркала—предмет вообще интересный, и сопровождает он зеркало не только в погребениях Золотоордынской эпохи, но и значительно более ранних. В данном случае футляр или мешочек изготовлен из кожи и составлен из двух равных половинок, сшитых вместе. Внутренняя сторона его обложена грубоватою тканью, теперь имеющей серый цвет. Наружные поверхности футляра украшены замысловатым рисунком, вышитым красными нитками. Предмет сильно попорчен временем, вследствие чего характер рисунка уловить не удалось. Футляр стягивался довольно толстым красным шелковым шнуром, с кисточками на концах.

Белила. Они, в количестве около 20 грм., всыпаны в кошанный мешочек, свернутый на подобие кисета с табаком. Белила с мешочком хранились в одном футляре с зеркалом, и, во избежание порчи полированной поверхности, были положены с орнаментированной стороны.

Гребень—деревянный, двурядный, хорошей работы с орнаментом в виде кружков с точкой по средине.

---

[1]) Золотоордын. Отд., т. 2441.

В Сарат. Археол. музее имеется деревянный гребень, найденный при женском погребении на Увеке. Орнамент этого гребня тоже кружковой, но в более усложненной композиции [1]).

Из предметов, относящихся к украшениям, остается упомянуть об одном, ни формы, ни назначения которого определить пока невозможно. От него сохранились пять ромбиков и шестой распался. Ромбики выделаны из тонких деревянных пластинок одинакового размера—по диагоналям—7 и 4½ см., с обоих сторон обшиты очень тонкой шелковой тканью красного цвета. Ткань по краям ромбов прошита нитками того же цвета. Следов другого материала, к которому ромбики могли быть придаточным украшением, не сохранилось. Два из многих возможных сочетаний ромбиков таковы: или это что-то вроде звездообразного украшения или они составляли ожерелье, свешивавшееся на грудь.

Аналогии к данным ромбикам пока не нашлось.

Нож—железный, узкий, однолезвийный, длиною в 25 см., в деревянных ножнах и таковой же ручкой. Его, как вообще все ножи, можно условно отнести к предметам быта, т. к. он мог быть и оружием, и предметом домашнего обихода.

Игольник—деревянный, конической формы, на широком конце имеется отверстие, куда вкладываются на хранение иглы.

Иглы—железные, небольшие. Сохранилось их несколько, скипевшихся вместе. Ушки распались вследствие ржавчины, а заостренные концы сохранились хорошо.

Утварь. К ней принадлежат: черепок глиняного сосуда красного цвета и нечто вроде железной сковороды, круглой, с низкими краешками, сохранившейся лишь частично. То и другое лежало во входной яме.

Разбираемый курган дал три предмета, из которых каждому в той или иной степени можно приписать религиозное значение. Положение их при костяке было следующее: идольчик (см. рис. № 6) или бурханчик находился на груди, опущенный к животу, железная плошка или условно называемая мной курильница—у пятки правой ноги, цилиндрический полый предметик у головы, слева с другими предметами украшения и быта. Бурханчик очень небольшой (дл. 2,5 см., шир. 2 см.) вырезан из тонкой пластинки низкопробного серебра, большеголовый, с руками, похожими на крылья птицы и ногами в виде усеченного конуса. Признаков частей лица незаметно.

В качестве случайных находок на Увеке четыре идольчика имеются в Сарат. Арх. Музее [2]), но они из меди и вдвое больших размеров. Относятся ли они к данной культуре—неизвестно.

Каким образом бурханчик мог носиться покойницей? Имеющийся в нашем распоряжении этнографический материал указывает два способа ношения. Бурханчик мог просто нашиваться на одежду на груди, как нашиты идольчики на костюме якутского шамана (матер. по этногр. Рос., т. I, 1910 г., стр. 98), с тою лишь разницей, что шаманские фигурки прикреплялись за отверстия, которые имеются в них. Или же бурханчик мог быть носим в мешочке, подвешиваемом на груди. У калмыков ламаитов изображение бурханчиков имеется на внутренних стенках коробочки («Мирде»). Кроме того, в «мирде» заключался миниатюрный идольчик «Шутен», выделанный из смеси глины и песка и завернутый в шелковую ткань.

[1]) Золотоордынск. Отд. т. 2441.

[2]) Золотоорд. Отд. витр. № 8.

Иногда подобный бурханчик заменялся четыреугольной, овальной или круглой пластинкой с рельефным изображением бурханчика.

Курильница. (См. рис. № 4). Такое название мною дано предмету, по существу пока неопределенного назначения, но иначе осмыслить я его не могу.

Сохранившаяся часть этого предмета такова: небольшая (7 см. диам.), неглубокая железная чашечка, по краям ее два отверстия, и в них остатки дужки. К дну чашечки как будто приварена железная же узкая полоска с овально-расширенным свободным концом, напоминая таким образом, ручку После реставрации дужки получается предмет, который может очень хорошо подвешиваться. В таком случае ручка теряет всякий смысл, т. к. она должна будет сваливать чашечку на бок. При том же ручка прикреплена не к средине дна или ближе к краю, как хотя бы ручка ковша, а сбоку около одного из отверстий дужки и торчит неуместно. Поэтому «ручка», повидимому, не имеет никакого прямого отношения к чашечке, а составляет отдельный предмет, что-то в роде ложечки с истлевшею частью и прикипевшей к дну плошки.

Едва-ли могла иметь какое-либо значение подобная чашечка в быту: как посуда слишком мала; слабо похожа и на чашечку весов.

Так как чашечка принадлежит язычнице, то можно свободно допустить, что она служила курильницей. Последняя на каком-либо шнуре подвешивалась, в чашечку клались угольки вместе с пахучим веществом, а ложечкой то и другое поправлялось. Чашечка, повидимому, могла и ставиться на угли, т. к. донышко ее носит следы золы.

Все сказанное об этом предмете—лишь предположение.

Упоминание о железной и медных чашечках находим у Эварницкого в его раскопках в Екатеринославской губ. (Тр. XIII Арх. с., т. I) чашечки встречались при погребениях обоего пола и по отношению к костякам занимали различное положение: у головы, плеч, ног. Назначение этих вещей автором не выясняется.

Серебряный небольшой цилиндрик с ушками. Это предмет очень простого устройства и техники, а именно, представляет собой тонкую пластинку из низкопробного серебра, свернутую в цилиндрик, концы которого прикрыты наглухо штампованными с выпуклинами крышечками. Длина цилиндрика—10 см., диам. 3 см. По краям припаяны ушки для шнура, на котором предмет навешивался на шею.

Штампом на этой вещи оттиснут растительный орнамент в виде двух розеток и завитков вьющегося растения. (См. рис. № 5).

В Саратовском крае мы имеем в данном случае пока лишь единственную подобную находку.

Здесь не лишним будет вспомнить о канторге, частью которой, повидимому, и является описанный предмет.

Одна из простых форм канторги—ладонка у нас или мешочек на ремешке, заключающий в себе бусины, камешек, иногда, шкурку небольшой птички или мелкого зверя—у Оленных чукчей (Сборн. Музея по антропол. и этногр., т. II, СПБ., 1901 г.). У указанных выше калмыков—ламаитов канторга до сих пор имеется. Представляет она серебряную коробочку с двумя дверками, внутренние стороны которых украшены изображениями бурханов. В золотоордынских погребениях Кубанской Области канторги довольно частое явление. Здесь и самый футляр и

цепочка и подвесочки из серебра. Лицевые поверхности украшены тончайшей филигранью и сканью (О. И. А. К. за 1896 г., рис. 69,226а, 226б, 236а, 237б).

Богатые же капторги имеются из кладов восточных вещей Хв.—Гнездовского (Смоленской губ.) и Болгарского (Казанской губ.) (Толстой и Кондаков, Древности. V в., рис. 53,122). Нужно оговориться, что предмет, изображенный на рис. 53, по словам авторов, может напоминать капторгу. Цилиндрические же со штампованным орнаментом, но другого характера, предметы встречены проф. Самоквасовым в Пятигорском округе, на Кавказе в погребениях той же эпохи, но здесь они гораздо больших размеров и несколько богаче. Представляет ли нами найденный предмет амулет или был просто украшением—трудно сказать.

Принадлежности конского убора. *Удила*—железные, обычной формы, с кольцами.

Уздечка—условное название частям предмета из железа, неясного назначения Возможно, что их было два и служили для прикрепления поводьев к узде

Стремена—железные, одно целое ввиде арки с утолщенной и горизонтальной вершиной, в которой имеется прорезь для ремня, подножка горизонтальна. От другого сохранились часть подножки и дужки. Края подножки слегка отогнуты книзу. Разные стремена нередкое явление в кочевнических погребениях. В Саратов. Археол. Музее в прежде вскрытых курганах наблюдается тоже (комн. золотоорд. эпохи. планш. № 2096, 2503) как увидим дальше, стремена не однородны и в Курнаевском кургане.

В ряду курганов, вскрытых в Саратовском крае в прежние года, имеются два, близкие по типу рудянскому.

Первый—раскопан в 1910 г., в Камышинском уезде А. А. Кратковым и Б. В. Зайковским [1]).

Второе подбойное погребение—женское—обнаружено П. К. Шишкиным в 1920 г. около гор. Покровска [2]).

В работе В. А. Городцова (Труды XIII Арх. С., т. I) есть указаниена вполне аналогичные погребения, открытые Д. Я. Самоквасовым в Александровском у., Екатеринославской губ. и А. А. Карцевой в Ново-Московском у. той же губернии, причем в погребениях последнего были найдены две монеты Узбек-хана. Тем же автором делается ссылка и на академика Лепехина, отмечавшего в XVIII стол. подбойные могилы у татар (Дневные Записки акад. Лепехина. 1768—1769 г., второе издание, СПБ, 1795 г., стр. 185). Кроме того на существование подбойных могил у татар есть указание и у путешественника первой половины XIII стол. Плано Карпини.

На основании сравнительного материала В. А. Городцов считает возможным отнести открытое им погребение к татарам. Тем самым и для нас устанавливается возможность принадлежности рудянского погребения к той же этнической группе.

Если обратимся к погребениям с конем, которые принято относить к торкам,—печенегам и, возможно, половцам,—там ни одной подбойной могилы не найдем, хотя погребальный инвентарь часто гораздо богаче такового же указанных погребений.

ВТОРОЙ ТИП составляет погребение в кургане близ с. Суслы (Герцог) на р. Б.-Караман. Могильная яма в форме длинного узкого прямоугольника с закру-

[1]) Труды Сар. Уч. Арх. Ком., вып. 30, 1913 г.

[2]) Труды Сар. О-ва Ист., Арх., Этн., вып. 34, ч. I, 1923 г.

гленными краями. Характерною особенностью ее является то, что в западной части она несколько расширена.

Длина могилы 2,16 м., ширина в средней части 72 см., глубина 1 м. 36 см.

Гроб составной. Боковины и крышка его были собраны из луба, причем крышка поддерживалась над гробовищем четырьмя не толстыми поперечинами. Вместо дна служила подстилка из толстого войлока. В западной части гроб, как и могила, шире.

В гробу на спине, с вытянутыми конечностями помещался костяк женщины низкого роста (151 см.) средних лет.

Могильный инвентарь.

Головной убор. Покойница имела шапочку или сшитую из парчевой ткани или окантованную ей, т. к. кусочки этой ткани сохранились вместе с серьгами-привесками.

Две серьги—из бронзовой проволочки в виде знака вопроса, небольшие (дл. 2,5 см.), с простыми стержнями, на которые насажены жемчужные глазки.

Бусы—их две, бочковидной формы, довольно крупные, из пасты темно синего цвета с желтыми глазками в красных ободочках.

Тип подобных бус широко распространен в Золотоордынскую эпоху. Среди большого количества бус с увекского селища, хранящихся в Сарат. Арх. Музее, есть одинаковые по форме данным бусам, но по материалу и технике изготовления резко отличаются—они из стекла и грубы.

Раковины. В грудной полости костяка, где находились и бусы, были две раковины Cirraea moneta с просверленными концами.

Зеркало—из бронзы, очень небольшое (диам. 6 см.), тонкое с легким ободком по краю и маленькой выпуклиной в центре. Сбоку у зеркала—ручка трапецевидной формы, составляющая с ним одно целое.

В женском погребении, вскрытом в 1921 году близ г. Пугачева, Самар. губ. найдено зеркальце почти тождественное нашему [1]). В Сарат. Этногр. Музее среди круглых металлических зеркал одно отличается от Сусловского только составом металла.

Футляр для зеркала—из кожи, с грубой матерчатой подкладкой.

Нож—железный, с деревянной ручкой, однолезвийный, длиною вместе с рукоятью около 22 см. Лежал он с правой стороны у пояса.

Игольник—деревянный (утерян).

Копье—железное, листовидной формы, с плоским насадом, длиною всего в 21 см., причем длина пера 7 см., ширина 7 см. Оно лежало слева у головы покойницы, острием к З. и было положено, повидимому, без древка, т. к. на насаде не сохранилось ни малейших следов дерева.

В перечне погребального инвентаря данного кургана остается упомянуть еще об одном предмете, именно: под нижней челюстью покойницы находилась серебряная монета Тохтогу-хана.

Обычно встречающиеся при золотоордынских погребениях монеты лежали в гробу или на нем.

Погребения, аналогичные приведенному по устройству могильной ямы, отмечены в раскопках П. Н. Шишкина около гор. Покровска в 1919 и 1920 г.г. [2]).

---

[1]) Отчет о раскопках кург. в окрестн. гор. Пугачева в 1921 г. Отчет отпечатан на машинке и хранится в библиотеке О-ва «Ист. Ар. Эт.».

[2]) См. Труды Сар. О-ва Ист., Арх. и Этн., т. 34, в. 1.

ПОГРЕБЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ТИПА дали курганы близ с. Лысые Горы, Аткар. у. и с. Курнаевки—в Заволжье.

Устройство могил не носит каких-либо характерных черт. Они или сильно удлинены и сужены настолько, что человек с трудом может повернуться в них. Могила с значительно закругленными краями (Лысые Горы), длина—3,34 м., шир. 68 см. и глубина 1,08 см. или несколько короче и шире (Курнаевка)—длина 2,60 м., ширина 85 см. и глубина 85 см., но зато на стенках могилы Лысогорского кургана отчетливо сохранились отпечатки железного орудия в форме овальной лопаточки, широной в 13 см., которой была выкопана могила.

Лысогорский курган имел гроб, состоявший из двух долбленых дубовых колод—крышки и гробовища. Гробовище плоское, глубиною в 14 см., крышка округлая, высотою 9 см. Обе части были скреплены четырьмя железными скобами.

В гробу помещалась женщина неопределенного возраста и роста (кости в большей части превращены в порошок), ориентированная головой на С.-В.

Головной убор. Кроме шапочки, выделанной из шелковой или тонкой шерстяной ткани, остатки которой прикрывали череп костяка, сохранилась еще берестяная трубочка, составлявшая, как и в руднянском погребении вместе с шапочкой «бокку». Способ изготовления трубки тот же, в такую же ткань она была обернута, но в отделке и украшении беднее предыдущей. От последней она отличается резко еще тем, что состоит из одного слоя бересты. Трубочка сохранилась почти полностью, длина ее около 16,5 см., ширина 4 см.

Остальные вещи покойницы были сложены в одном месте—слева, у плеча.

Серьга-привеска—бронзовая в форме замкнутого колечка с нанизанной на нем жемчужиной.

Зеркало—из бронзы, небольшое (диам. 6 см.) с отломанной ручкой, с тонким ободком по краю, орнаментировано изображениями четырех драконов с птичьими носами и головами.

Футляр зеркала—очень беден, сшит из грубой полуразорванной шерстяной ткани красного цвета.

Гребень—деревянный, двурядный, грубый, в грубом же матерчатом красном футляре.

Нож—железный, однолезвийный с деревянной ручкой. Сохранившаяся часть всего ножа имеет 11 см.

Ножницы—железные, стержневые, с незамкнутыми кольцами и отржавевшими концами—дл. около 21 см.

Игольник—в виде короткой круглой палочки с отверстием на одном конц для хранения иголок.

Шильце—железное, круглое, прямое с остатками деревянной ручки.

Покойник кургана близ с. Курнаевки был, повидимому, положен без гроба, т. к. от последнего не имелось ни каких следов, на спине, вытянуто, головой на З. Костяк принадлежал мужчине лет сорока, высокого роста (180 см.). Данный случай, как и в Рудне, представляет погребение с конем, хотя неполное. В головах покойника лежал крестец лошади, а в ногах части седла и стремена.

Украшения—серебряные, четыре-угольные маленькие пластинки аналогичные руднянским. Пластинки—блестки, повидимому, были пашиты на одежду и ближе к плечам, где они найдены.

Сабля—железная, лежала у правой руки клинком, повидимому, вниз. Ни форму ни размер ее установить не удалось, т. к. от нее сохранилась лишь тень и то не от всей сабли, а только от эфеса.

Нож или кинжал—железный, длинный, узкий, однолезвийный, с бронзовой обоймочкой и деревянной ручкой. Нож был заключен в деревянные ножны.

Двое стремян—железные, арочные, с прорезью в верхней части и слегка опущенными подножками. Последняя у одного стремени с нижней стороны имеет продольную выпуклую бороздку, а края другой несколько отогнуты книзу. Высота стремян—13 см., ширина—14 см., ширина подножки—7 см.

Удила—железные, простой формы, меньшей массивности по сравнению с руднянскими.

Части седла. От деревянной основы его сохранилась масса тлена. Из железных частей имеются: *два кольца*—довольно крупные с язычками, со следами дерева на последних, *пряжка* полуовальной формы. Кольца и пряжка служили для прикрепления седла к спине лошади.

Как будто не имеют прямого отношения к седлу два колечка с фигурными обоймочками. Обоймочки были прикреплены короткими заклепками к чему-то крытому тканью, а на колечках сохранились узелки от сыромятных ремешков.

Чтобы закончить описание вещей, приводим материал, аналогичный головным уборам курганов сл. Рудни и с. Лысые Горы.

Три берестяных трубочки дали курганы (№ 2, 7,8) близ гор. Покровска в уже упоминавшихся раскопках П. Н. Шишкина [1]).

Одна трубочка взята из Кургана в окрестностях с. Курдюма, Сарат. у. [2]).

Кроме того, почти целая бокка прекрасной сохранности имеется из богатого погребения на Увеке [3]).

В Золотоордынских погребениях Кубанской области и Пятигорском округе Кавказа встречаются бокки иного характера. Здесь берестяная трубочка заменяется таковой же из металла—серебра или стержнем из серебра или золота. Трубочка в виде длинного конуса и на вершине, как и стержень, имеет украшение в форме полумесяца.

Итак, Археологические поездки 1924 года дали ряд новых пунктов по бер. р.р. Медведицы, Щелкана и Еруслана более или менее оседлой жизни кочевника Золотоордынской эпохи.

Помимо остатков татарских могильников, имеем несколько курганов, повидимому, принадлежащих им же.

Похоронный обряд в курганах не однообразен. Различия касаются, гл. обр. устройства могилы и гроба.

Похороны сопровождаются тризной, и остатки поминального костра (зола, уголь) огребаются над могилой покойника.

---

[1]) Сарат. Арх. Муз., Золоторд. Отд. т. № 2611, 3065, 3066.

[2]) Там же т. № 3423.

[3]) Описание и реставрац. бокки см. в ст. А. А. Кроткова «Раскопки на Увеке в 1913 г.», Тр. Сар. Уч. Ар. Ком. в 32, 1915 г.

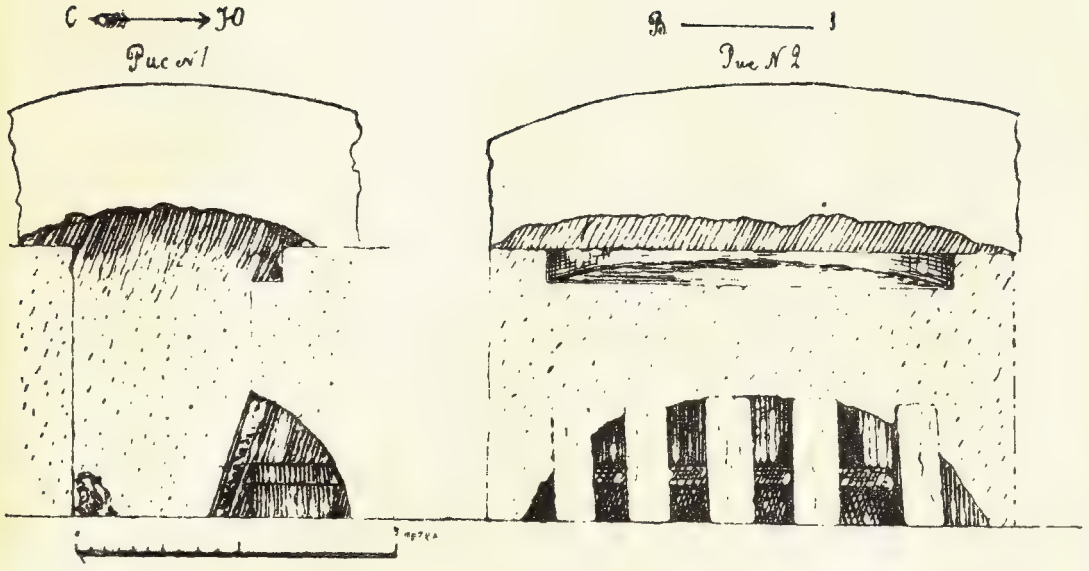
Однообразные условия жизни вне дома сглаживают различия между мужчиной и женщиной. Оба при переселении, в погоне за дичью, в борьбе с врагом одинаково принуждены быть наездниками и вооруженными. По этой причине и с мужчиной и женщиной полагался в могилу конь (убитый, повидимому, в могиле же), целиком или частью, как символизирующего его. Затем седло со стременами, возможно колчан, ножи, заменявшие оружие и железное же копье.

Кроме того, женщина выполняет обязанности и по дому, обшивая семью и т. д. и имеет сильную склонность к украшениям и туалетным принадлежностям.

Такова частично обнаруженная бытовая обстановка татар конца XIII и начала XIV столетий нашей эры [1]).

---

[1]) В работах, произведенных осенью 1925 г. бл. с. Блюменфельд, на р. Соленой Кубе (Респ. Нем. Пов.), снова были открыты погребения той же эпохи, а равно и в других районах, обследованных экспедицией того же года под руков. проф. Рыкова, вплоть до р. Урала.



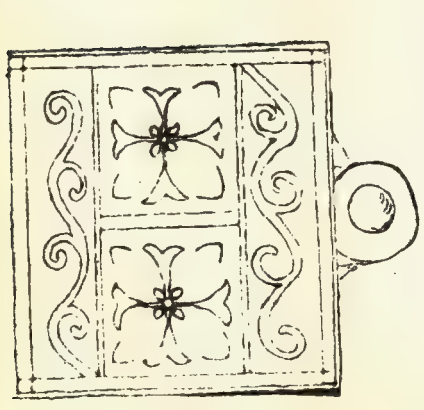


Fig. N 5

Fig. N 3

Fig. N 6.

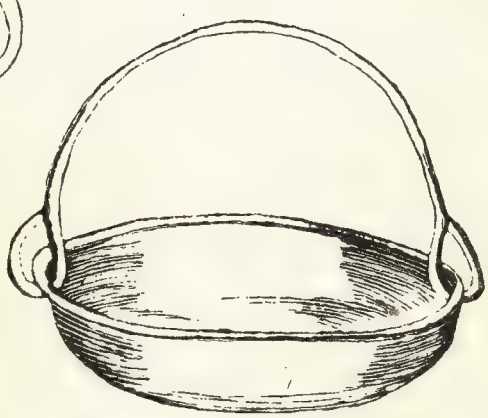


Fig. N 4.

К ВОПРОСУ

о так называемой „Рогожной“ керамике

(по материалам Археологического Отдела Саратовского Област. Государствен. Музея)

Н. Арзютов.

В пределах Нижнего Поволжья в течение ряда лет обнаружено не один десяток городищ и селищ, целиком или частично характеризуемых культурою типа Городецкого городища. Большая часть их занимает непосредственно приволжскую полосу. Меньшая расположена по берегам таких рек, как Медведица, Терешка.

Некоторые городища, напр. № 4,[1]) как видно из дневника М. А. Радищева, дали почти целиком керамику с так называемым «рогожным» орнаментом, характерной для Городецкого городища, но на многих, главным образом, селищах и дюнных поселениях, резко доминирует посуда, техника и орнамент которой типичен для бронзовой эпохи. Особенно это сказывается по мере движения к югу, напр., в Камышинском уезде, Саратовской губернии. Количество черепков с «Рогожным» орнаментом по сравнению с гладкими того же типа в среднем гораздо меньше. Глина частью с примесью посторонних твердых веществ. Формовка сосудов ручная, что сказывается на неровности их стенок. Обжиг в большинстве сильный.

Сосуды плоскодонные и в основе двух типов: 1) банка с чуть выявленными плечиками, широким горлом, прямым, выгнутым, вогнутым или склоненным вместе с плечиками внутрь закрайками и 2) горшок—с сильно округлыми боками, резко выявленной шейкой и откинутыми наружу краями. Цвет посуды этого типа почти всегда темный. Оба основные типа дают промежуточные. Размер сосудов разнообразный—начиная от корчаг и кончая крошечными баночками.

Подводя перечисленные памятники целиком или в отдельных моментах под тип культуры Городецкого городища, тем самым мы вправе приложить и к керамике первых, об'яснения своеобразия орнамента на керамике этого городища т. е. и здесь «рогожный» орнамент есть ничто иное, как отпечатки на стенках сосудов рогожи, ткани, а в иных случаях и сетки. Но ближайшее рассмотрение керамики с «рогожным» орнаментом, хранящейся в Отделе Арх. Саратовского Государственного Областного Музея принуждает колебаться в таком предположении.

Еще в 1923 г. проф. П. С. Рыкову пришлось заинтересоваться двумя черепками с селища близ с. Ст. Яблонки (б. город. № 17, по М. А. Радищеву). Хвал. у. Один из них закраек с частью боковины, снабженной рогожным орнаментом. Поверхность закрайка имеет поперечные вдавления от резкого нажима каким-то, повидимому, твердым орудием. Другой черепок тоже с рогожным орнаментом. Оба подобраны среди массы фрагментов посуды, типичной для бронзовой эпохи.

[1]) См. Тр. С. У. А. К., в. 31.

Второй черепок заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Он неправильно овальной формы, в 1 см. толщиной, 6 см. длиной и 3 см. ширины. Обжиг средний. Поверхность красная. Орнамент в виде решетки с прямоугольными ячейками, длиною в среднем 5 м./м., шириною в 4 м./м. Ячейки идут тесно, в несколько рядов по горизонтали и вертикали, к краям черепка сильно ступеваны и сглажены. Внутренние стенки ячеек почти отвесны. Дно ровное. Вглядываясь в решетку, можно заметить, что она не есть результат отпечатка произведенного одновременно целиком, а составлена по крайней мере, из двух—трех частей. Несмотря на всю яркость решетки линии и ячейки ее не дают достаточной симметрии. В 1925 году мною были сделаны два образца—отпечатка на глине с обычной и крученой мочальной рогожи и при сравнении я, был весьма смущен тем, что мой, действительно, рогожный орнамент абсолютно не сходен с «рогожным» орнаментом черепков, хотя бы в основных элементах. Неудача об'яснялась тем, повидимому, что взята была не та рогожа.

В 1926 году пришлось вплотную столкнуться с «рогожной» керамикой. Анализ вдавлений со стороны формы, глубины их, промежуточных полос, отделяющих один ряд клеток от другого, общий характер расположения клеток на более или менее значительных черепках и с отчетливым орнаментом привел к заключению, что «рогожный» орнамент ни в одном из 700 просмотренных черепков не имеет основного принципа всякой рогожи, ткани, плетенья, тканья. Отсюда невольно возник вопрос—имеет ли рогожа или ткань какое-либо отношение к «Рогожному» орнаменту и не воспроизводился ли он каким-либо другим орудием.

Произведенный опыт дал следующие результаты.

К уже имевшимся образцам-отпечаткам были добавлены отпечатки с коробка из лыка, плотной, искусной выделки, затем простого лаптя, с рогожи из бересты, сплетенной из узких полосок в двух видах—менее и более плотной, с переплета решета с нормальным расположением полосок и с сдвинутыми вплотную, с обычной ватолы, шерстяной крестьянской дерюги, разных видов мешочной ткани и ряда тканей более тонких. Род ткани сразу же приходится исключать, как орудие орнаментировки. На глиняных «лепешках» они оставляют овальные углубления с мягкими очертаниями с ясно заметными следами плетения или с диагонально идущими полосами, чего не наблюдалось в орнаменте черепков.

Ближе подходят образцы—отпечатки от рогожи, плотно выплетенной из узких полосок, но и здесь всякий, кто пожелает произвести опыт, увидит, что это сходство чисто внешнее и мимолетное. В данном случае следует обратить внимание на расположение клеток, устройство стенок и дна их, а также на характер перегородки, отделяющей один ряд клеток от другого.

«Рогожный» орнамент легко воспроизводится деревянным орудием, хотя бы в форме короткой палочки, имеющей на конце один, два, три и т. д. плоских или чуть округлых книзу, расположенных в один, два, три ряда—безразлично—зубчиков.

Приведем ряд примеров. (Орнамент воспроизводился на глиняных «лепешках», подвергавшихся, затем после просушки обжиганию).

1) Планш. № 3236. Черепок с селища бл. с. Ст. Яблонки (бывш. гор. № 17), уже описанный выше. Воспроизведен орудием с 6 зубцами, расположенными з два ряда. Удары наносились осторожно, и довольно быстро. Подражание целиком обладает свойствами оригинала.

2) Планш. № 2068, Хвалынск. город. № 1. Закраек от банки. Наружная поверхность темно-красная. Орнамент из клеток 5×5 м/м., идущие по горизонтали и вертикали то симметричными, то несколько неправильными рядами. Выпуклые полосы, отделяющие один ряд от другого—широки—около 4 м/м. и больше. Ячейки не глубоки, но с резкими контурами.

Орнамент воспроизведен орудием, имеющим четыре зубца, книзу слегка конусом (явление естественное при вырезывании зубчиков ножем). Результат тот же, что и в первом случае.

3) Таже планшета с черепками с того же городища. Закраек банки с частью боковой стенки. Цвет красный. Орнамент состоит как бы из полуовальных полос, идущих параллельно закрайку, на расстоянии 5 м/м. друг от друга. Поперечными, так же выпуклыми перегородками образованы клетки, одной ширины, но неравной длины Ширина горизонт. и вертик. полос—больше 2 м/м., клетки—меньшие—в 5×5 м/м. Орнамент воспроизведен орудием в 4 зуб. в один ряд. Зубцы слегка конусом. Результат однородный с первыми двумя.

4) Планшета № 2448. Городище бл. с. Березников, Вольск. у. Шесть однородных черепков—боковины и закрайки от горшков. Поверхность черепков темная. Орнамент из крупных клеток, в среднем 8×8 м/м.: вдавленность слабая. Перегородки, отделяющие один ряд клеток от другого, то полуовальны, то плоски и широки. Все же контуры орнамента резкие. Воспроизведен орудием в три зубца, расположенных в ряд. Результат однородный с предыдущими.

Количество примеров можно увеличить до 700 приблизительно, т. с. до числа «рогожных» черепков, имеющихся в нашем распоряжении.

Обращает внимание еще другая сторона орнамента. Часто он спутан, обезображен. Вместо симметрично расположенных клеток представляется бугристая поверхность с целыми клетками, половинками их или только углами. Иногда же орнамент вдобавок сплющен чем то.

То же наблюдалось и на керамике Городецкого городища. Это явление проф. В. Л. Городцов об'ясняет неловкостью мастера, когда ткань рогожи сдвигалась, чем портила узор или грубые толстые ткани слишком сильно придавливались к стенкам сосуда, отчего орнамент получался плохой [1]).

Для керамики, нами описываемой, опыт, проделанный согласно только-что указанному не находит аналогии.

Естественное об'яснение спутанности, изуродованности орнамента находится в следующем. Частично он портился рукой человека, в чем пришлось убедиться, нанося чеканом орнамент на стенки воспроизведенного сосуда. Затем, если учащать удары чекана по глине, не соблюдая особой осторожности, то он будет бить по нескольку раз почти по одному и тому же месту. Узор постепенно стушевывается, наконец, поверхность черепка снова становится почти гладкой.

Приведем примеры:

1) Планш. № 2054. Городище Лысая Гора, бл. с. Алексеевки, б. Хвал. у. Часть боковой стенки сосуда баночной формы. Узор орнамента не имеет правильных очертаний, спутанный. Воспроизведен большим количеством часто и беспорядочно наносимых ударов чеканом в несколько зубчиков.

[1]) См. В. Л. Городцов «Русск. доист. керам.». стр. 94.

2) Планш. № 3589. Алексеевский городок, близ Саратова. Черепок от баночного сосуда. Поверхность сероватая. Орнамент сильно изуродован. Заметен ряд углубленных полос, проходящих параллельно по черепку. Четыреугольные вдавления, то квадратны, то удлиненны, крупные и крошечные, лежат на разных уровнях поверхности черепка.

Воспроизведение этого орнамента шло таким образом. По раз отчеканенным узорам проходилось штампом повторными ударами в одном направлении, отчего получились вышеуказанные полосы. Ряд ударов сделали рябой и перегородки, отделяющие одну полосу от другой.

В таком роде можно приводить примеров в количестве, кончая последним черепком, но с тою оговоркою, что подобные узоры с их неправильными, прихотливыми очертаниями с достаточным приближением к оригиналу воспроизводить весьма трудно, но здесь важно то, что характерные особенности оригинала сполна повторяются на глиняной «лепешке».

Такая порча орнамента говорит за то, что творец его не обладал достаточно развитым художественным чутьем или не желал его проявлять на посуде, отчего происходила торопливость в работе. Или же здесь еще сказывалось отсутствие чувства меры, которое приводило к тому, что охотно украшаемый сосуд приобретал со стороны узора совсем непривлекательный вид.

Приведем еще несколько деталей, касающихся рогожного орнамента. На ряде черепков, узор которых вполне ясен, многие клеточки, или группами или в разных местах, больше углублены с одной стороны, отчего ребры, разделяющие полосы клеток, с одного бока обрывисты, а с другого—покаты.

Как на яркие примеры этого, можно указать на черепки с городища близ с. Березников (Вольского у., инв. № 1658). Орнамент в обоих случаях нанесен, вероятнее всего, орудием с одним-двумя зубчиками, размером 3×5 м/м. Как показал опыт, подобный факт об'ясняется тем, что и при стремлении держать орудие всегда перпендикулярно к стенке сосуда или «лепешки», рука невольно наклоняет его в какую-либо сторону, которая при нажиме углубляется больше, нежели противоположная.

Штампуя узор, человек невольно пропускал часть поверхности. На планш. № 2451 на черепке с Вольского городища хорошо видно, как средняя часть его не затронута штампом, между тем как следы его в виде резко углубленных узких прямоугольников имеются вокруг. На черепке с городищ близ с. Березников (Вольск. у.) это же явление выступает ярче (плант. № 1662). Видно, как орудие то создавало целую рамку, то удар его приходился под углом по отношению к предыдущим рядам клеток, чем оставалась часть поверхности гладкой. При орнаментировке шейки, непосредственно у закрайка сосуда, чекан держался какой-либо своей стороной или параллельно закрайку (инв. № 2054, гор. на Лысой горе, Хвал. у.) или (м. б. реже) косо, отчего образовывались на шейке углы, свободные от орнамента (инв. № 2322, гор. № 4. Хвал. у.). Орнамент данного закрайка воспроизведен.

Указанными примерами мы позволим себе ограничиться. Думается, что и их достаточно, чтобы знать о настоящем виновнике, творившим «рогожный» орнамент на посуде, найденной в пределах Нижнего Поволжья. Относительно материала, из которого было изготовлено орудие, трудно сомневаться, т. к. им было, естественнее

всего, дерево. Но количество зубцов его для того или иного случая определить весьма затруднительно, и не только на настоящих черепках, но и на некоторых образцах-отпечатках, в чем пришлось убедиться на опыте. Для первых затруднение усиливается тем, что орнамент большинства черепков от времени и всяких воздействий утерял многие детали.

Выше уже было отмечено, что черепки с «рогожным» орнаментом часто встречаются с посудой, орнамент которой типичен для бронзовой эпохи. Этот момент отмечается и проф. Городцовым для Городецкого городища и проф. П. С. Рыковым для городищ и селищ Нижнего Поволжья.

Мало того, это явление приобретает постоянный характер по мере обнаружения все новых и новых памятников. Такое сожительство керамики «рогожной» и поздних культур бронзовой эпохи (Хвалынской) принуждает проф. П. С. Рыкова прямо говорить о существовании между ними какой-то связи.

Связь эта пока в пределах Нижнего Поволжья становится довольно ясной, если принять во внимание технику «рогожного» орнамента, о которой идет речь.

Уже не раз упоминавшееся селище бл. с. Ст. Яблонки (Хвал. у.) дало черепок, повидимому, от нижней части сосуда, сплошь и беспорядочно орнаментированный зубчатым чеканом, в форме длинной узкой лодочки с поперечинами (планш. № 3236). Здесь же на других черепках чеканом того же типа дан орнамент, обычной для бронзовой эпохи.

Из курганов «Хвалынской» культуры Заволжья имеются ряд сосудов, где чеканом предыдущей формы и несколько иным—они орнаментированы сверху до низу. В одном случае чекан не миновал и дна. Из кург. № 7, 2-го погреб. I кург. группы близь с. Фриденберг АССРНП в 1925 г. взят сосуд (в обломках), у которого сохранившаяся часть, прилегающая ко дну, снабжена «рогожным» орнаментом. На других черепках того же сосуда чекан шел разреженным рядом, оставляя много свободных мест. Аналогию к орнаменту этого характера имеем с городища бл. с. Березников (Вольск. у., инв. № 1658). Сохранилась боковина сосуда без верха, с частью дна баночной формы. В части, прилегающей к дну, «рогожный» орнамент густ и отчетлив. Клетки чуть больше, нежели у сосуда из Фриденберга. Кверху орнамент поднимается как-будто веером, оставляя свободные места. Таким образом «рогожный» орнамент на керамике Нижнего Поволжья воспроизведен тем же орудием, которым так охотно пользовался человек бронзовой эпохи. Это тем более естественно, что некоторые формы чеканного орнамента отмечаются, как бытующие в раннюю пору железных орудий, проф. В. А. Городцовым (чекан круглый, полый, и даже зубчатый [1]).

Теперь остановимся несколько на керамике с так. наз. «сетчатым» орнаментом. у проф. В. А. Городцова род «сетки» включает два вида—узловатую сетку и плетеную.

Ни один из перечисленных нами памятников Нижнего Поволжья не дал черепков с орнаментом из узловатой сетки. Под категорию «сетчатый»—перевитой (плетеной) сетки (Доист. керам., т. б. XI, ст. 4) могут подойти три-четыре черепка, но и их орнамент легко воспроизводится более или менее толстой веревочкой.

[1]) В. А. Городцов.—«Русская дойсторическая керамика» стр. 95.

Таким образом, воспроизведен орнамент черепка с город. бл. с. Березников (Вольск. у., пл. № 1662). Род ниточки и род веревочки сохраняется так же, как и у Городецкого городища. Для нас этот орнамент интересен со стороны техники его выполнения. Она была, повидимому, двоякой. Помимо того, что веревочка, или ниточка, держались обеими руками, они, как показал опыт, могли быть протянуты по округлому концу деревянной пластинки (дощечки). Этим, во-первых, освобождалась одна рука и во-вторых, с большим удобством и быстротой можно было наносить орнамент на ярко выраженной шейке и откинутым наружу за окрайкам сосуда (планш. № 2431, Чардым. гор. бл. Саратова). Нитчатый и веревочный орнамент на сосудах типа Городецкого не возбуждают сомнений относительно своей связи с таковыми же бронзовой эпохи (вернее, поздних моментов ее).

В рамках изложенного возможно сделать следующие выводы:

Указанного типа городища, селища Нижнего Поволжья в чертах, характерных для ранней поры железных орудий, содержат ряд элементов, непосредственно связывающих их с предшествующей культурой бронзовой эпохи. Эта связь устанавливается благодаря форме, технике, частично обжигу, орнаментации сосудов. Сюда же следует добавить предметы костяной и каменной индустрии, одинаково находимых, как на городищах, селищах, так и в курганах и типологически связанные. Район однородной культуры с каждым годом выясняется в Н.-Пов. шире; граница ее на юг опустилась в Камышинский у. и намечается уже в курганных погребениях Заволжья (50—60 в. от бер. Волги).

На существование какой-то связи между «Хвалынской» культурой и культурой с «рогожной» керамикой проф. П. С. Рыковым уже указывалось [1]).

Цель настоящей заметки и есть попытка уменьшить несколько неразгаданные моменты этой связи.

---

[1]) См. «Ученые Записки» Сар. Гос. Ун-та, в. III, 1924 г., П. Рыков „Результаты Археол. Исслед. в Нижн. Повол. летом 1923 г.“.

Археологические памятники

Саратовского края, упоминаемые в архивных документах XVII—XVIII в.в.

А. А. Гераклитов.

В старинных земельных актах иногда встречаются упоминания, имеющие несомненный археологический интерес. Это—указание на те мары, курганы, городища и т. п., которые служили межевыми признаками при земельных отводах. К сожалению, такие «живые урочища» попадаются крайне редко. Тем больший интерес должны представлять они для исследователя, т. к. относятся по большей части к весьма отдаленному прошлому и могут касаться таких памятников старины, которые или уже исчезли, или неизвестны еще археологам. Последним весьма не часто приходится иметь дело с архивными документами и потому рассеянные в них «археологические» мелочи им недоступны. При занятиях в московских и местных архивах я отмечал все, что может представить интерес для местного археолога и в настоящей заметке публикуются те скудные данные такого рода, которые мне удалось собрать. Все они об'единены тем, что относятся к определенной территории—Узинскому стану старого Пензенского уезда—и к определенному времени—концу XVII, нач. XVIII в. Думаю, что несмотря на всю скудость предлагаемого материала он до известной степени может помочь как обнаружению еще неизвестных памятников прошлого, так и лучшему пониманию тех, которые уже известны.

В 1686—87 г.г. мордве деревень Тургакова и Сыресева отказана земля в урочищах: по речкам Калдаисе да по Сырне да по Наскавтоме . . . . почин от речки Калдаиса вверх по обе стороны до вершин, а от устья Калдаиса по Суре вверх по правой стороне до Черемшанского бору и от него до Аляске Помры, от той Помры до Калдаисских вершин, от вершин до Черного леса и до вершин речки Мочима, от Мочима до вершин речки Изгермон, отсюда до вершин речки Наскавтома, отсюда до *старого вала и до дуба у валовых ворот*, от дуба до р. Ексары на Суру и до первого почина.

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6493/13/62).

20 апреля 1689 г. станичные казаки получили на 100 служеб порожжую землю дикое поле в Симбирском у. *ниже Торуевского городища за Сурою и по Суре от Сурского городища* сдучи Казачьею дорогою через Ченсерский бор и по иным урочищам (дальше в подлиннике вырвано несколько листов). В 1697 г. казаки были переведены в Петровск и Павловск, а в 1699 г. эта земля отведена кн. Б. А. Голицыну с сыновьями [1]). В 1702 г. у кн. Голицына здесь была, населенная его крестьянами, Торуевская слобода с церковью Богоявления Господня [2]).

В октябре 1689 г. мордвин д. Селиксы Налемасов просил об отводе ему в посоп и оброк старинной дедовской вотчины по речкам Наскафтыму, Калдаису и

[1]) Казань. Отказные книги старых лет, № 6490/10/94.

[2]) В. Холмогоров. Материалы для истории Симбирского края до второй полсвины XVIII века. Симбирск 1898 стр. 15.

Армееву. «А в той де его вотчине на р. Армееве поляна на р. Кеплатке в верхах поляна же Накужа, а за тою де поляною еще *две поляны на старом городище*».

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6492/12/71).

В июне 1692 г. мордовским мурзам д. Тургакова отведена в поместье земля по Узе «с устья речки Суляева и по той речке вверх по правой стороне до вершины, а от вершины через поля до Редкой Дубровы и слипяги, а от липягов до Кувак Тюбяка, а от Кувак по крутым суходолам правая сторона наниз до *речки Ташкимеки и с каменными мечети* и наниз до Узы реки . . . ».

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6493/13/ 29).

В декабре 1692 г. симбирянину Дмитриеву отказано в поместье 50 четвертей порожжая земля по Терешке от устья р. Альшанки прямо через Терешку на Круглую Дуброву и отсюда до р. Алайки на вершину; от Алайской вершины вверх по Терешке на Тазбалыцкие вершины и от них через черный лес *к Терешке на Золотую Гору, на которой казачье старое каменное городище*, от горы через Терешку до устья речки Мазы.

(Казань. Отказные книги старых лет, № 6490/10/76).

В отказе 1696 г. Нестровым, Ивановым и Скрябиным порожжей земли по речке Тоштокомяку в урочищах упоминается: «от реки Тоштокомяка вверх идучи *на ова мара* . . . . до Лелявинья врага».

(Сарат. истор. архив. дело серии «Сенат». № 1324—904).

По отказным книгам 1698 г. Некрасову, Климову и Яковлеву отказано по р. Волге в Змеевых Горах от Волги по нагорной стороне до Мокрого Буераку и Буераком вверх через черный лес до речки Березовки, сю вниз до речки Альшанки и *до Каменной мечети*, а от мечети до Волги. После эти урочища были в дачах с. Воскресенского «в насильном завладении» крестьян этого села.

(Сарат. историч. архив. дело серии «Сенат» № 2980—2510).

В июле 1703 г. дворянину А. Г. Внукову сделан отвод земли от устья речки Кондоля вверх речкою Няньгою правою стороною, перешед два оврага, до третьего врага, а в том враге озерки от речки Няньги, вверх тем врагом правою стороною до суходола, а суходолом через враг, а в том враге березы и бакалдины, а от того врага прямо *на курган, а от кургана* . . . до р. Кондоли.

(Сарат. историч. архив. дело серии «Сенат». № 1310—1606).

В мае 1738 г. П. С. Неклюдов продал кн. Юсупову 25 чет. земли в вершине речки Вергозима по конец поля мордовской деревни Азрапиной и Мачкас . . . а по речке Вергозиму по средней вершине вверх идучи по левую сторону *на большой мар, который имеется у Белой у Круглой у березовой дубравы* а от большого мара на р. Чардым.

(Сарат. историч. архив, дело серии «Сенат», № 1310—1606).

При возобновлении старых меж, когда мордва д. Старой Шаткиной и поверенные сумежников пошли „прямо через дорогу, что ездят д. Языковой из с. Пестровки в с. Камешкир через пашню д. Языковой и с. Пестровки возле *куста с маром*, оставляя его в левой стороне", то сторонние люди мордва показали об этом кусте, что «*подлинно Быков, потому что исстари в том кусту, что с маром, мордва маливались по своей вере и бивали быков*».

(Сарат. историч. архив, серия «Сенат». дело № 1324—904).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА